

Раздел 11

ФИЛОЛОГИЯ

Ведущие эксперты раздела:

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЖАТКИН – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и переводоведения Пензенской государственной технологической академии (г. Пенза)

ЛАРИСА МИХАЙЛОВНА ВЛАДИМИРСКАЯ – доктор филологических наук, профессор Алтайской академии экономики и права (г. Барнаул)

УДК 81.161.1367.625

Sheptukhina Ye.M. DERIVATIONAL PROCESSES IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN VERB FROM THE PERSPECTIVE OF AN INTEGRATED APPROACH.

The possibilities of the method of the reconstruction matrix are explained in the article, which reflects an integrated approach to the analysis of linguistic phenomena in diachrony. The mechanism of formation of suffixed derived structures is found out, which occurred on the basis of functional-semantic change of the semantic structure of the generated words that are labeled with derivational affix.

Key words: Russian verb, prefixion, diachrony, semantic structure, semantic change.

Е.М. Шептухина, проф. каф. русского языка Волгоградского государственного университета, г. Волгоград, E-mail: sheptukhina@yandex.ru

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ИСТОРИИ РУССКОГО ГЛАГОЛА С ПОЗИЦИЙ КОМПЛЕКСНОГО ПОДХОДА

В статье показаны объяснительные возможности метода матричной реконструкции, отражающего комплексный подход к анализу языковых явлений в диахронии. Выявлен механизм формирования приставочных производных образований, происходящего на основе функционально-семантических изменений смысловой структуры производящего слова, маркированных словообразовательным аффиксом.

Ключевые слова: русский глагол, префиксация, диахрония, семантическая структура, смысловая структура, семантические изменения.

Антропологическая направленность современной лингвистики определяет необходимость применения комплексного подхода к анализу языковых явлений, который предполагает всестороннее исследование внутриязыковых отношений с учетом особенностей мышления человека той или иной эпохи, существенно расширяет границы изучения словообразовательных процессов и позволяет рассмотреть их с позиций организации смыслового пространства языка. В этой связи при изучении словообразования закономерным представляется внимание не только к производному, но и к производящему слову, «к его семантическому наполнению в конкретной речевой реализации, к тем приращением смысла, которые затем могут включаться в семантическую структуру новообразования и маркироваться словообразовательным формантом» [1, с. 34], что может быть представлено как «проявление развивающего соотношения формы и содержания языковой единицы сначала в конкретном тексте, а затем и в системе языка в результате регулярно воспроизводимых противостоящих семантических сегментов» [2, с. 188].

Исследование словообразования в динамике, в развитии требует применения особых методов анализа с учетом взаимодействия различных по значимости признаков. К числу таких методов относится предложенный профессором С.П. Лопушанской метод матричной реконструкции – «комплексное рассмотрение языковых явлений по типу матриц, отражающих набор реальных и мнимых величин, расположенных в виде таблицы, данные которой легко могут быть обработаны компьютером» [3,

с. 16]. Метод матричной реконструкции дает возможность систематизировать языковой материал, позволяет выявить существенные зависимости одних явлений от других и представить их в виде непротиворечивых закономерностей. Языковедами Волгоградского государственного университета этот метод успешно применяется для изучения динамических процессов в различных подсистемах лексики русского языка XI–XX веков [4; 5; 6], однако, полученные результаты могут быть использованы и при исследовании словообразовательных процессов в истории русского языка.

В качестве примера, демонстрирующего объяснительные возможности матричной реконструкции при изучении словообразовательных процессов, рассмотрим в едином функционально-семантическом комплексе древнерусский глагол *казати*¹ (в значении «говорить») и его производные (*съказати*, *наказати* (= дать наказ), *приказати*), которые широко представлены в текстах XI–XV вв. различной жанровой отнесенности. Анализ смысловой и семантической структуры (о разграничении терминов [7; 8]) бесприставочного производящего глагола и приставочных производных образований позволяет представить иерархию семантических признаков выявить сходства и различия в семантике производящего слова и приставочных производных образований.

У древнерусского бесприставочного глагола *казати* в качестве категориально-лексической установлена сема речевая деятельность, реализующаяся в интегральных семах (ИС) «харак-

тер субъекта", "характер адресата", "цель осуществления действия", которые конкретизируются дифференциальными семантическими признаками (ДП).

Интегральная сема "характер субъекта" реализуется в дифференциальных признаках «одушевленность», «конкретность», «активность»: *не так обо бѣше казаль имѣ цесарь немечьскыи и папа римьскыи* (ЛН XV, 128)². Субъект, как правило, выражен существительными, обозначающими людей, личными или указательными местоимениями.

Интегральная сема "характер адресата" реализуется дифференциальными признаками «одушевленность», «конкретность», «пассивность», например: *казаше ученикомъ своимъ все* (ЕвМст до 1117, 596); *казаше ему* (СбУсп XII/XIII, 290в); *ко мне кажить* (ГрБ № 61, 30–60 XIII). Реализуя валентностный компонент глагола (*казати* кому), адресат, как правило, выражен именем существительным или местоимением в форме дательного с предлогом или без предлога.

Интегральная сема "цель осуществления действия" конкретизируется дифференциальным признаком «информирование». Данный семантический признак контекстуально подчеркивается указанием на такое содержание речи, которое свидетельствует, что информация предназначена говорящим для передачи какому-либо лицу или лицам. Содержание речи передается различными способами. Для этого используются конструкции с прямой речью, например: *а королевѣ казаша рекуча Б<о>гъ ти помози брате оже на еси тако помогъ только можеть такъ учинити братъ роженый. или с<ы>нъ от<ц>ю како же ты нама еси учинилъ* (ЛН ок. 1425, 152 об.); существительные соответствующей семантики в формах винительного без предлога, местного с предлогом *о*: *кажеть отъветъ что же рече она* (СбУсп XII/XIII, 228в); *а ко мне кажить о вьсо* (ГрБ № 61, 30–60 XIII).

В некоторых контекстах в смысловой структуре бесприставочного глагола при переосмыслении исходного дифференциального признака «информирование» актуализируется дифференциальный признак «оказание влияния» в рамках интегральной семы цель "осуществления действия". При этом глагол *казати* характеризует такое общение, при котором оказание влияния сводится к объяснению правил поведения, к наставлениям, например: *и вься съзъваеъ начать казати* [наставлять] *тиуны и приставьники и слугы еже пребывати комуждо въ порученет ему службѣ съ вьсякимъ прилежаниемъ... и тако паки вься съ слъзми учааше* (ЖФП XII, 62а 30–31). Актуализация дифференциального признака «оказание влияния» сопряжена с изменением грамматической формы существительного, называющего адресат (винительный без предлога). При глаголах речи данная форма употребляется тогда, когда глагол выражает наиболее активное и непосредственное воздействие. Реализации дифференциального признака «оказание влияния» способствует и семантика имен, указывающих на субъект действия, например: *его же старецъ множицею кажа* [поучая] (ПрЛ XIII, 85а); *нача же с<вя>тыи казати* [вразумлять] *елифана уне ц<ерко>вьного устава. гл<агол>я. «веде. друже мои. яко леть еси и правъ в заповедехъ б<о>ж<и>ихъ прилежа»* (ЖАЮ, 25г); *ап(с)лъ кажа* [наставляя, поучая] *гл<агол>еъ: о<т>ци, питаите чада в наказании и въ учении г(с)ни* (ГА XIII–XIV, 79в). Существительные *старьць*, *святыи*, *апостолъ* называют людей, отмеченных Божией благодатью и имеющих особый духовный статус.

Интегральная сема "цель осуществления действия" может быть конкретизирована в смысловой структуре бесприставочного глагола *казати* дифференциальным признаком «волеизъявление субъекта» (при нейтрализации признака «информирование», например: *Ростиславъ... каза* [приказывал] *нести именье о(т)ца своего. предъ ся* (ЛН ок. 1425, 117); *каза* [приказывал] *Данило соседати воемъ своимъ* (ЛН ок. 1425, 272 об.); налешую ведомость печ(а) нашу казали есмо привесити (Гр. 1383 (ю.-р.)); *А што есмы казаль сена насечи досыть* (Гр. 1386–1418 (ю.-р.)); *казаль пописати овесъ вшитокъ што есмы выбрали на землянохъ* (Гр. 1386–1418 (ю.-р.)). Воля субъекта заключается в побуждении адресата к определенным действиям, на которые в контексте указывает сочетание рассматриваемой глагольной единицы с объектным инфинитивом. В результате модуляционных семантических изменений у древнерусского глагола *казати* появляется значение «приказывать» и реализуется мо-

дальная семантика изъявления воли к осуществлению какого-либо действия.

Сопоставление семантических и смысловых структур бесприставочного производящего глагола *казати* и его приставочных производных (*съказати*, *наказати*, *приказати*) позволило установить, что они реализуют общую категориально-лексическую сему "речевая деятельность", которая конкретизируется интегральными семами "характер субъекта", "характер адресата", "цель осуществления действия". Дифференциальные признаки в смысловых структурах рассматриваемых глаголов обнаруживают как общность, так и различия.

Интегральная сема "характер субъекта" однотипно представлена в смысловых структурах производящего и производных глаголов: *и сказа Лариянь ту речъ Мьстиславу и новгородьчемъ* (ЛН XIII, 85–85 об.); *бѣше бо князь Иванъ Дмитревичъ, ида въ Орду, приказаль блюсти свою отчину Переяславль князю Михаилу Тферскому* (ЛТр, 348); *нестъ у насъ учителя, иже бы ны наказаль* (ЛТр, 61). Субъект, как правило, выражен существительным, обозначающим людей, указательными местоимениями или личной формой глагола и характеризуется как одушевленный, активный, конкретный.

Интегральная сема характер адресата" в смысловых структурах производных глаголов, как и у производящего *казати* конкретизируется дифференциальными признаками «одушевленность», «конкретность», «пассивность», например: *сказаша Святотолку* (ЛН XV, 78) *сказа ми Гюрята Роговичъ Новгородець, гл<агол>я сиче яко...* (ЛЛ 1377, 85а); *приказаль былъ есмь епископу* (Кипр. м. посл. Пск. д. дух. 1395 г.). Адресат, как правило, выражен именем существительным или местоимением в форме дательного падежа без предлога. При глаголе *наказати* адресат выражен существительным или местоимением в винительном без предлога: *и накажеть мя правьдныи* (Изб. 1073, 45в); *отрокъ же. видивъ се ему створшо. и въземъ. паки облаче его. с<вя>тыи же андреа. целовавъ того отрока и много наказавъ его. яже суть не на ползу того бегати. и пусти его домоуи поити* (ЖАЮ, 22в).

Различия между приставочными производными *съказати*, *наказати*, *приказати* заключаются в особенностях реализации интегральной семы "цель осуществления действия". Так, у глагола *съказати* названная интегральная сема конкретизируется дифференциальным признаком «информирование», который уточняется различными средствами контекста, раскрывающими содержание речи, например, в конструкциях с прямой речью: *и удариша челомъ передъ княземъ Всеволодомъ, и сказаша ему речъ: «кланяются, княже, Половци Ермакове, пришли есмы со княземъ болгарьскимъ воевать Болгарь»* (ЛТр, 266); с придаточными изъяснительными: *да скажемъ что ради прозваша Печерьскыи манастирь* (ЛЛ 1377, 52 об.); в конструкциях «Вин. без предлога» или «о + Местн.»: *и сказа имъ слово Далматово* (ЛН XV, 186); *и сказа имъ речи вся Словеньскыихъ князь* (ЛЛ 1377, 9); *а о Феодосове жити паки скажемъ* (ЛЛ 1377, 54 об.).

У глагола *наказати* интегральная сема "цель осуществления действия" конкретизирована дифференциальным признаком «оказание влияния», поскольку в речи субъекта, как правило, объясняются нормы поведения, даются наставления: *и еще бое и живей сущи и призвавши сыны своя къ собе и наказаше я, рекуще имъ: «се азъ хошу отъити света сего, сынове мои имейте межи собою любовь...»* (ЛТр, 289). Дифференциальный признак «оказание влияния» уточняется контекстуально актуализацией синонимических связей глагола *наказати*, например: *нес у насъ учителя иже бы ны наказал и поучаль насъ и протолковаль с<вя>тыя книги* (ЛЛ 1377, 9); *он же послушавъ его постржи и нарекъ имя ему Антонию наказавъ его и научивъ чернечьскому образу* (ЛЛ 1377, 53). Кроме того, субъект действия, как правило, выражен существительными или прилагательными определенной семантики: они называют людей, имеющих особый духовный статус: *не отрините наказанья ц<ерковь>наго якоже вы наказаль Мефодии учитель вашъ* (ЛЛ 1377, 9 об.); *и накажеть мя правьдныи* (Изб. 1073, 45в).

¹ Древнерусские примеры приводятся в упрощенной графике.

² В публикации используются сокращения названий источников, принятые в Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.) [Т. I. – М., 1988; Т. VI. – М., 2000], а также в Словаре русского языка XI–XVII вв. [Справочный выпуск. – М., 2001].

Таблица 1*

Матрица
выражения зависимости семантики производных образований от семантики производящего глагола

Семантическая структура		Смысловая структура			
ИС	ДП	<i>казати</i>	<i>сказати</i>	<i>наказати</i>	<i>приказати</i>
характер субъекта	одушевленность	+	+	+	+
	неодушевленность	—	—	—	—
	конкретность	+	+	+	+
	абстрактность	—	—	—	—
	активность	+	+	+	+
	пассивность	—	—	—	—
характер адресата	одушевленность	+	+	+	+
	неодушевленность	—	—	—	—
	конкретность	+	+	+	+
	абстрактность	—	—	—	—
	активность	—	—	—	—
	пассивность	+	+	+	+
цель осуществления действия	информирование	+	+	—	—
	оказание влияния	(+)	—	+	—
	волеизъявление субъекта	(+)	—	—	+

* В таблице используются следующие символы: [+] обозначает наличие признака, [—] фиксирует отсутствие признака, [(+)] обозначает признак, актуализированный в результате семантических изменений

В смысловой структуре глагола *приказати* интегральная сема «цель осуществления действия» представлена как «волеизъявление субъекта»: *бѣше бо князь Иванъ Дмитреевичъ, иде въ Орду, приказалъ блюсти свою отчину Переяславль князю Михаилу Тферскому* (ЛТр, 348). Воля субъекта заключается в побуждении объекта к определенным действиям, на которые в контексте указывает сочетание рассматриваемой глагольной единицы с объектным инфинитивом: *приказахъ... управливати* (ЛН XV, 278); *приказа наместничество дрѣжати* (ЛТр, 396); *приказалъ былъ есмь епископу послати и къ вамъ техъ антими-совъ* (Кипр. м. посл. Пск. д. 1395 г.). Дифференциальный признак «волеизъявление субъекта» может уточняться в контексте использованием в функции однородных сказуемых глаголов *приказати* и *велети*, что способствует актуализации их синонимических отношений: *Кыяне же рекоша: «князь насъ забить к Чернигову, а зде воровъ князя нашего и нашъ, а хотимъ и убить; поити же хотимъ биться за своего князя и с детми».* И рече имъ Володимѣрь: *«того вы брать мои не приказалъ, Игоря поблюдуть сторожеве, а мы поидемъ к брату, якоже велеть»* (ЛТр, 223).

Результаты реконструкции семантических и смысловых структур производящего и производных глаголов можно представить в виде матрицы, позволяющей соотнести реальные (имеющие материальное воплощение, в частности словоформы) и мнимые (не имеющие материального воплощения, например, семантические компоненты значения) величины и обнаружить

некоторые закономерности формирования древнерусских префиксальных глаголов.

Сопоставление семантических структур производящего и производных слов с помощью матричной реконструкции позволило установить, что производные образования от глагола *казати* (= говорить) имеют сходную с производящим глаголом семантическую структуру. Функционируя в тексте, бесприставочный производящий глагол претерпевает семантические изменения, связанные с перегруппировкой компонентов его смысловой структуры и формированию новых значений. Словообразовательное средство, в нашем случае глагольный префикс, фиксирует семантические изменения в смысловой структуре производящего глагола, выполняя маркирующую функцию (подробнее о маркирующей функции приставки [9]) и формируя словообразовательную парадигму глагольного слова. При этом производящий глагол и производные от него образования выражают общую категориально-лексическую сему, а свойственные производящему дифференциальные признаки перераспределяются между производными с разными префиксами. Так, в семантической структуре производных с различными приставками результативного значения представлен какой-либо один из дифференциальных признаков, конкретизирующих интегральную сему цель речевой деятельности: глагол *сказати* отражает прямое значение бесприставочного производящего слова; производные *наказати*, *приказати* образованы на базе семантических изменений в смысловой структуре производящего глагола.

Библиографический список

- Горбань, О.А. Реализация словообразовательных моделей в языке современной публицистики // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка. — Саратов.
- Лопушанская, С.П. Закономерности сочетаемости морфем (на материале русских глаголов движения) // Neue Wege der slavistischen Wortbildungsforschung: 2. Tagung der Internationalen Kommission für slavische Wortbildung, Magdeburg, 9. — 11.10.97. Magdeburg : Peter Lang, 1999 (Sonderdruck).
- Лопушанская, С.П. Взаимодействие русского литературного языка и нижеволжских говоров по данным матричной реконструкции // Взаимодействие русского литературного языка и территориальных диалектов. — Волгоград, 2005.
- Косова, М.В. Матричная реконструкция процесса терминологизации русской глагольной лексики // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: материалы Второй Междунауч. науч. конф., г. Волгоград, 24–26 апр. 2007 г.: в 2 т. — Волгоград, 2007. — Т. 2.
- Милованова, М.В. Матричная реконструкция как метод эколингвистического мониторинга языка региона / М.В. Милованова, Е.В. Терентьева // Вестник Волгоградского государственного университета. — 2010. — № 2 (12). — Сер. 2. Языкознание.
- Горбань, О.А. Древнерусские глаголы движения в системе языка и в тексте. — Волгоград, 2002.
- Лопушанская, С.П. Изменение семантической структуры русских бесприставочных глаголов движения в процессе модуляции // Русский глагол (в сопоставительном освещении). — Волгоград, 1988.
- Лопушанская, С.П. Развитие и функционирование древнерусского глагола: учеб. пособие. — Волгоград, 1990.
- Шептухина, Е.М. Модуляционно-маркирующая и деривационно-маркирующая функции древнерусских глагольных приставок в процессе словообразования // Изучение и преподавание русского языка: Юбилейный сборник. — Волгоград, 2001.

Bibliography

1. Gorbanj, O.A. Realizaciya slovoobrazovatelnykh modeley v yazyhke sovremennoy publicistiki // *Razvitie slovoobrazovatel'noy i leksicheskoy sistem russkogo yazyka*. – Saratov.
2. Lopushanskaya, S.P. Zakonomernosti sochetamosti morfem (na materiale russkikh glagolov dvizheniya) // *Neue Wege der slavistischen Wortbildungsforschung: 2. Tagung der Internationalen Kommission für slavische Wortbildung, Magdeburg, 9. – 11.10.97. Magdeburg: Peter Lang, 1999 (Sonderdruck)*.
3. Lopushanskaya, S.P. Vzaimodeystvie russkogo literaturnogo yazyka i nizhnevolzhskikh govorov po dannim matrichnoy rekonstrukcii // *Vzaimodeystvie russkogo literaturnogo yazyka i territorialnykh dialektov*. – Volgograd, 2005.
4. Kosova, M.V. Matrichnaya rekonstrukciya processa terminologizacii russkoy glagol'noy leksiki // *Russkaya slovesnost' v kontekste sovremennykh integratsionnykh processov: materialy Vtoroy Mezhdunar. nauch. konf., g. Volgograd, 24–26 apr. 2007 g.: v 2 t.* – Volgograd, 2007. – T. 2.
5. Milovanova, M.V. Matrichnaya rekonstrukciya kak metod ehkologicheskogo monitoringa yazyka regiona / M.V. Milovanova, E.V. Terentjeva // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2010. – № 2 (12). – Ser. 2. Yazykovedenie.
6. Gorbanj, O.A. Drevnerusskie glagoli dvizheniya v sisteme yazyka i v tekste. – Volgograd, 2002.
7. Lopushanskaya, S.P. Izmenenie semanticheskoy struktury russkikh bespristavochnykh glagolov dvizheniya v processe modul'yacii // *Russkiy glagol (v sopostavitel'nom osvethenii)*. – Volgograd, 1988.
8. Lopushanskaya, S.P. Razvitie i funkcionirovanie drevnerusskogo glagola: ucheb. posobie. – Volgograd, 1990.
9. Sheptukhina, E.M. Modul'yacionno-markiruyutaya i derivacionno-markiruyutaya funkci drevnerusskikh glagolnykh prstavok v processe slovoobrazovaniya // *Izuchenie i prepodavanie russkogo yazyka: Yubileyniy sbornik*. – Volgograd, 2001.

Статья отправлена в редакцию 18.01.12

УДК 82:81-26; 82:81'38

Pogrebnyak Yu.V. NON-TYPICAL CASES OF INTERIOR AND EXTERIOR DISCOURSE INTERACTION IN WORK OF FICTION. Interior discourse presents a cognitive-emotional model of perception and assimilation of the world by an individual, created by another individual - an author of some work of fiction. In the given article some non-typical cases of interior and exterior discourse interaction are considered as a stylistic device.

Key words: interior discourse, stylistic device, work of fiction, character, author, sense interaction.

Ю.В. Погребняк, докторант ВГПУ, г. Волгоград, E-mail: pyuta@yandex.ru

НЕТИПИЧНЫЕ СЛУЧАИ ВЗАМОДЕЙСТВИЯ ИНТЕРИОРИЗОВАННОГО И ЭКСТЕРИОРИЗОВАННОГО ДИСКУРСА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Интерioriризованный дискурс представляет собой модель когнитивно-эмоционального восприятия и освоения мира субъектом, создаваемую другим субъектом - автором художественного произведения. В предлагаемой статье рассматриваются нетипичные случаи взаимодействия интерioriризованного и экстерioriризованного дискурса как стилистическое средство.

Ключевые слова: интерioriризованный дискурс, стилистическое средство, художественное произведение, персонаж, автор, взаимодействие смыслов.

Рассматриваемый нами интерioriризованный дискурс является своеобразным способом моделирования сознания субъекта с позиций одновременно лингвистики, психологии и литературоведения. Интерioriризованный дискурс моделирует освоение мира субъектом «изнутри», в отличие от экстерioriризованного дискурса, который, напротив, изображает освоение мира субъектом «извне». Интерioriризованный дискурс – модель когнитивно-эмоционального восприятия и освоения мира субъектом, создаваемая другим субъектом, а конкретно, автором художественного произведения. При этом воображаемый субъект – персонаж, может быть назван «квазисубъектом», обладающим «квазисознанием», так как является вымышленным.

Интерioriризованный дискурс является средством экспликации внутреннего мира персонажа, качественно отличающимся по своей природе от другого средства изображения внутреннего мира персонажа - экстерioriризованного дискурса. Интерioriризованный дискурс тяготеет к эксплицитности, так как он довольно в прямой форме передает мысли и переживания героя художественного произведения, тогда как экстерioriризованный дискурс, напротив, тяготеет к имплицитному (непрямому) изображению внутреннего мира героя.

Н. Д. Голев проводит анализ некоторых аспектов внутренней речи, «мыслеформ», «ментальных контекстов» на примере творчества В.М. Шукшина и делает интересное замечание о том, что переход от описания внешних событий и внешней речи к ментальным контекстам и внутренней речи всегда является творческой проблемой, художественное решение которой составляет особенности идиостиля писателя. Автор анализирует динамические типы ментальных контекстов, таких как переход от «чужой» речи к «своей»; 2 переход от «своей» речи к «чужой»; переход от внешней речи к внутренней; переход от внутренней речи персонажа к его внешней речи; переход от реаль-

ной речи к гипотетической; переход от гипотетической речи к реальной; переход от авторского описания внутреннего состояния персонажа к самоописанию через внутреннюю речь; переход от самоописания внутреннего состояния к авторскому описанию; переход от ментальных контекстов, представляющих внутреннее состояние героя, к описанию состояния автора; переход от внешне-событийных контекстов к ментальным; переход от ментальных контекстов к внешне-событийным [1].

Представленная классификация кажется разноплановой. Однако нельзя не согласиться с тем, что и внутренняя речь и ментальные контексты в терминологии Н.Д. Голева не могут рассматриваться только в пределах шкалы «интериоризация-экстерioriризация».

На наш взгляд, интерioriризованный дискурс наряду с измерением «интериоризация – экстерioriризация», должен рассматриваться с учетом других измерений дискурса, таких как «свое – чужое», вытекающих отсюда пространственных отношений «здесь – там», «реальный мир – нереальный мир» (виртуальный, вымышленный, сновидный и т. д.) с учетом отношений «автор – персонаж», «сознательное – бессознательное», и «экспликация - импликация». Понятие интерioriризованного дискурса связано с такими категориями, как «сознание», «внутренняя речь», «порождение высказывания», «рефлексия».

К типичным, то есть к более или менее повторяющимся случаям использования интерioriризованного дискурса, мы относим следующие ситуации взаимодействия смыслов интерioriризованного дискурса и внешнего диалога персонажа:

1. Внешний диалог и интерioriризованный дискурс связаны друг с другом по смыслу:

а) внешний диалог и интерioriризованный дискурс взаимодополняют друг друга.

б) внешний диалог и интериоризованный дискурс контрастируют друг с другом. Сюда можно отнести те случаи, когда тема интериоризованного дискурса и внешнего диалога персонажей совпадает, но их смысловая оценка различна. Попросту говоря, персонажи, или персонаж высказывает суждения, оценочно противоположные его истинному мнению. Это также очень сильно характеризует героя произведения.

2. Внешний диалог и интериоризованный дискурс не связаны друг с другом по смыслу. Однако какая-то ассоциативная связь может присутствовать.

Также можно выделить два типа смыслового взаимодействия слов автора и интериоризованного дискурса персонажа:

1. Слова автора и интериоризованный дискурс связаны друг с другом по смыслу и взаимодополняют друг друга.

Интересно отметить, что случаи, когда интериоризованный дискурс и слова автора контрастируют друг с другом отсутствуют, по всей вероятности, потому что такое их взаимодействие полностью нарушало бы основы работы человеческой психики и основы построения художественной композиции.

2. Слова автора и интериоризованный дискурс не связаны друг с другом по смыслу. В этом случае автор предоставляет читателю самостоятельно выстроить цепочку смысловых ассоциаций.

Иногда интериоризованный дискурс вступает в очень сложное взаимодействие со словами автора и персонажей.

Рассмотрим некоторые нетипичные случаи такого стилистического усложнения интериоризованного дискурса.

1. Часто интериоризованный дискурс персонажа строится на фоне экстериоризованного диалога персонажа с учетом третьего наблюдателя. Если персонажи ведут диалог в присутствии наблюдателя, тогда, естественно, диалог строится с учетом наблюдателя, и интериоризованный дискурс также строится с учетом наблюдателя.

В приведенном ниже отрывке главная героиня романа «Мужчина-подарок» Надежда стремится не показывать своей обиды любимому мужчине Егору по поводу того, что, как ей кажется, у него есть любовные отношения с другими женщинами. Надежда разговаривает по телефону со своей приятельницей в присутствии Егора так, как с любовником, желая показать Егору, что у нее также есть другие любовные отношения, как и у него.

В данном случае интериоризованный дискурс «... и тут вспомнила еще одну деталь, которая наверняка заставит моего нежданного-негаданного любовника слегка позеленеть от злости. Хоть он и бабник, но, думаю, и ему будет неприятно то, что я довольно регулярно занимаюсь сексом еще с кем» используется автором для пояснения и более яркого выражения смешанных чувств героини – любви, обиды, злости, желания мести, наигранной веселости и др.

Завонил телефон. Практически обнаженная, я схватила трубку. Звонила моя давняя, еще институтская приятельница с очень подходящим к случаю именем – Сашка. Я послала мысленную благодарность Михайлушкину, который буквально перед разводом поставил на кухне второй телефонный аппарат, и мой разговор происходил при Горыныче. <...>

- Ты всегда найдешь, чем угодить женщине, - заявила я, после чего Сашка довольно долго ошарашенно молчала в трубку.

- Значит, договорились? – перехватила я инициативу.

- Договори-и-лись... - несколько растерянно протянула приятельница.

- Ну и отлично! – преувеличенно радостным голосом прокричала я и тут вспомнила еще одну деталь, которая наверняка заставит моего нежданного-негаданного любовника слегка позеленеть от злости. Хоть он и бабник, но, думаю, и ему будет неприятно то, что я довольно регулярно занимаюсь сексом еще с кем [2, с. 121-122].

2. Другой случай нестандартного использования интериоризованного дискурса – озвучивание персонажем своего интериоризованного дискурса, то есть некоторая экстериоризация интериоризованного дискурса.

В следующем отрывке главный герой романа «Любовники» Костя, прожив долгую счастливую жизнь с Диной, не имея возможности жениться на ней, озвучивает свою произнесенную много лет назад фразу - ну-ну, девочка, вспомнишь когда-нибудь свои слова!

Тогда Костя думал, что любовь Дины к нему быстро пройдет, когда она узнает, что Костя женат на любовнице своего отца

и не имеет возможности расторгнуть этот брак. Но Дина не разлюбила его вопреки собственным убеждениям и осуждению советского общества.

- А я ведь тебе не верил... - Костя улыбнулся. – Помню, как ты сказала... - Он передразнил решительный голос Дины: «Я уже влюблена! В вас! Только требовать от вас я ничего не намерена!» Про себя я тогда подумал: ну-ну, девочка, вспомнишь когда-нибудь свои слова! А вспоминаю-то я... - и снова поцеловал Дину [3, с. 243].

Автор прибегает в данном случае к такому приему, чтобы полнее раскрыть образ персонажа, показать большую степень доверия между любящими людьми, которые прожили счастливую жизнь, так как обычно глубоко личные мысли можно сказать только очень близкому человеку.

3. Также своеобразным использованием интериоризованного дискурса можно считать те случаи, когда персонаж предполагает интериоризованный дискурс другого персонажа. Для введения такого типа интериоризованного дискурса в произведение часто используются такие слова, как *типа*, *мол*, *будто*.

В приведенном ниже отрывке из упомянутого выше романа «Любовники», девушка Дина предполагает интериоризованный дискурс другого персонажа, своего сокурсника Артура при его попытке поцеловать ее – «можно?»

Дина поднялась со стула и удивленно посмотрела на Артура. Он взял ее за плечи, приблизил свое лицо к Динину. Он смотрел ей в глаза, будто спрашивал: можно? Наверное, если б он не спрашивал, а просто поцеловал, Дина не стала бы противиться [3, с. 32].

Автор использует такой прием для того, чтобы показать читателю героя с позиций другого персонажа, увидеть его глазами другого персонажа.

4. Довольно редко интериоризованный дискурс используется автором как средство описания чувств или мнений представителей класса или группы лиц. Это, если так можно сказать, собирательный интериоризованный дискурс.

В приведенном ниже отрывке из романа «Амальгама счастья» главная героиня Даша поражена той степени непонимания, которая возникла между ней и ее давним другом и поклонником Вадиком.

Были в этой горечи и мудрость, и насмешка, и чуть ироничное сочувствие, и даже некий мужской шовинизм – что вы, бабы, можете знать о настоящих мужских горестях? – не было только истинного понимания [4, с. 290].

В приведенном примере дается характеристика чувства мужского шовинизма через внутреннюю речь типичного обладателя этого чувства Вадика – «- что вы, бабы, можете знать о настоящих мужских горестях?».

Автор показывает здесь, что Вадик – обычный мужчина, он думает как все мужчины, возможно, поэтому главная героиня не любит его, несмотря на все его старания. Она ищет необыкновенного мужчину такого, который присутствует в ее мечтах. Автор использует такой прием для того, чтобы показать читателю, что какой-либо персонаж относится к определенному классу людей.

5. Иногда в произведении может быть представлен интериоризованный дискурс, который персонаж намеревается сделать экстериоризованным в подходящей для этого ситуации. Это случаи внутреннего проговаривания слов, обращенных к собеседнику, которые субъект планирует произнести в будущем.

Вот прикатит полковник домой, ужаснется тем дровам, которые наломал Витька, и тут я с достоинством сообщу: Не расстраивайтесь, милый! Эту даму убил господин N! [5, с. 38].

В предложенном выше примере слова главной героини Даши Васильевой «Не расстраивайтесь, милый! Эту даму убил господин N!» мысленно проговариваются ею и планируются быть произнесенными, но в голосовой речи они не будут произнесены в рамках указанного произведения. Этот пример представляет собой воображаемый, мыслимый как возможный в будущем фрагмент дискурса. В данном случае интериоризованный дискурс несёт сильную стилистическую нагрузку. Главная героиня очень желает раскрыть очередное преступление и похвастаться этим перед своим другом, полковником милиции, и его помощником Витькой. Однако оказывается, что раскрыть это преступление не так просто, поэтому эти слова оказываются так и не произнесенными главной героиней. Преступление раскрыто, но не с такой лёгкостью, как планировала героиня.

6. Интериоризованный дискурс персонажа дан в его же интериоризованном дискурсе. Чаще всего – это те случаи, когда персонаж думает во сне.

В приведенном ниже отрывке представлен сон главной героини Надежды. Узнав, что ее любимый мужчина Егор собирается жениться на другой женщине, Надежда, не вполне понимая, что она делает под влиянием сильных эмоций, едет в деревню к деду Егору, неосознанно ища у него поддержки. Впечатления от реальной поездки (мальчик на лодке перевозит героиню и тетку с корзинами через реку Мсту, расположенную недалеко от Петербурга. Дед Егор вместе со своей собакой встречает Надежду, поит ее чаем с травами и укладывает спать) преобразовываются в мозгу женщины в состоянии сна в причудливые картины, где происходит смешение различных хронотопов. Реальный хронотоп – современные окрестности Петербурга, где протекает река Мста переплетается в сознании героини с мифическим хронотопом царства мертвых, где находятся реки Ахеронт (река скорби) и Лета (река забвения) – «Они смешивали в походном котелке воду Ахеронта, Леты и Мсты...».

В этом отрывке главная героиня романа «Мужчина-подарок» Надя во сне догадывается, что пес, который живет у деда ее жениха, в действительности является человеком, превращен-

ным в собаку при помощи зелья – «Вот откуда взялся дедов пес!» – поняла я и проснулась.

Я сбросила грязный плащ, сапоги и, как была в новой юбке и толстом джемпере, так и улеглась на дедов топчан. Он набросил на меня какую-то шубейку, и я, измученная дорогой и самыми мрачными размышлениями, почти мгновенно уснула. Снился мне все тот же, клубящийся холодным туманом. Я просила десятилетнего мальчишку на лодке отвезти меня обратно в Петербург, но он требовал с меня непомерную плату в виде Димкиной жизни и залиvisto смеялся, когда я в ужасе бежала от него на берег. А на берегу веселились все та же тетка с корзинами и Иван Игнатьич. Они смешивали в походном котелке воду Ахеронта, Леты и Мсты с какими-то снадобьями из теткинских корзин, кипятили ее на костре, а потом пили это зелье и превращались в собак, таких же серо-голубых, как туман, клубящийся над рекой. «Вот откуда взялся дедов пес!» – поняла я и проснулась с головной болью и, как мне показалось, нечеловечески усталой [2, с. 275].

Рассматриваемый нами интериоризованный дискурс – явление комплексное и многоплановое, что подтверждается его сложным характером взаимодействия с экстериоризованным дискурсом, его разнообразными способами представленности в художественном произведении.

Библиографический список

1. Голев, Н.Д. Структура внутренней речи в рассказах В.М. Шукшина (к проблеме взаимодействия разных типов речи в ментальных контекстах) // Проза В.М. Шукшина как лингвокультурный феномен: сб. ст. / под ред. В.А. Пищальниковой. – Барнаул, 1997.
2. Демидова, С. Мужчина-подарок. – М., 2006.
3. Добровольская, Ю. Любвишки. – М., 2008.
4. Рой, О. Амальгама счастья. – М., 2009.
5. Донцова, Д. Привидение в кроссовках. – М., 2009.

Bibliography

1. Golev, N.D. Struktura vnutrennej rechi v rasskazakh V.M. Shukshina (k probleme vzaimodejstviya raznykh tipov rechi v mentalnykh kontekstakh) // Proza V.M. Shukshina kak lingvokulturnyj fenomen: sb. st. / pod red. V.A. Pitaljnikovoj. – Barnaul, 1997.
2. Demidova, S. Muzhchina-podark. – M., 2006.
3. Dobrovolskaya, Yu. Lyubovniki. – M., 2008.
4. Roy, O. Amalgama schastija. – M., 2009.
5. Doncova, D. Prividenie v krossovках. – M., 2009.

Статья поступила в редакцию 13.01.12

УДК 82.08: 159.9

Prischepa V.P. THE PROBLEMS OF THE ARTISTIC TRANSLATION: THE PURPOSE OF ACTIVITY IN TRANSLATIONS OF A. PRELOVSKY. In the article is investigated the problems of the artistic translation on the example of the creation of outstanding poet A.Prelovsky in the aim to point out the purposes of his activity in translations. Also the author describes the specification of A. Prelovsky's translations of Yakut, Buryat, Khakass poetry.

Key words: translation, ethnic poetry, interpretation, artistic specification.

В.П. Прищепа, д-р филол. наук, проф., Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Институт филологии и журналистики, г. Абакан, E-mail: agrib66@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ И ПРИЧИНЫ ОБРАЩЕНИЯ А.В. ПРЕЛОВСКОГО К ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ПЕРЕВОДУ ТЕКСТОВ СИБИРСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПОЭТОВ

В статье рассматривается проблема художественного перевода на примере творчества поэта А.В. Преловского с целью выявления причин обращения к переводной деятельности и выявления художественных особенностей решения переводов якутской, бурятской, хакасской поэзии.

Ключевые слова: перевод, этническая поэзия, интерпретация, художественное своеобразие.

Среди основного круга проблем художественного перевода можно выделить следующие: проблема переводимости, адекватности перевода оригинальному произведению, проблема бытования перевода на русском языке и проблема взаимовлияния творчества переводимого писателя и оригинальной поэзии переводчика. К этому ряду следует добавить и проблему смысловой многоплановости слова, интерпретации иносказательного поэтического текста.

Для того, чтобы выявить особенности их решения А.В. Преловским, обратимся первоначально к выявлению причин появления переводов русского поэта.

О своём втором, поэтическом, рождении писатель вспоминает так: «Первая строка... Зимней якутской ночью выскочил во двор и остолбенел: небо надо мной было охвачено северным

сиянием. Это были не традиционные круговые ленты сполохов, но разноцветные накрапы – как бы застывшие гирлянды праздничного салюта. Они усыпали все небо от края и до края, словно гигантские космические соцветия, росли и таяли, меняя цвета от всех оттенков зеленого до всех голубых и розовых... Восторг от увиденного и желание поделиться этим с ближними, спящими в доме, породили первые корявые рифмованные строчки» [1, с. 6].

Несомненно, детские впечатления от увиденного эмоциональная память человека сохраняет на всю жизнь. И, думается, что сибирская природа, восхищение её уникальностью сыграли не последнюю роль не только в определении своей темы в литературе, но и невольно пододвинули к задаче передать русскому читателю и национальное мировидение – через художествен-

ный перевод. Соседство, дружба, общность судьбы со многими литераторами народов Сибири, вне сомнения, не могли не укрепить А. Преловского в необходимости работы в области высокого искусства перевода. Отсюда – многочисленные переводы, которые начали возникать уже с середины 50-х годов – с якутского и бурятского, хакаского и юкагирского, эвенского и тофаларского, других языков многонациональной Сибири.

А.В. Фёдоров утверждал: «Глубокое знакомство и с прошлым народа, и с обстановкой его современной жизни, с его бытом – и духовным, и материальным – в целом ряде случаев в какой-то мере (а иногда – значительной) компенсировало невозможность прямого обращения к оригиналу» [2, с. 32].

Следует особо подчеркнуть: большое значение для выбора Преловским авторов переводимых текстов сыграла скорее не географическая сопредельность, но – духовная общность судеб. Мальчик знал разговорный якутский язык, что помогало ему сдружиться с детьми аборигенов. Позднее он вспоминал: «Я рано познакомился с якутским фольклором, с поэзией, так что **выход к переводам якутской поэзии был закономерен и естественен** (выделено нами – В.П.). Еще Семён Данилов, мой старший друг и наставник в переводческом деле, ввёл меня в круг якутских лириков: многие авторы... рекомендованы к переводам лично им самим» [3, с. 5].

Во вступительной статье к переводу бурятского эпоса «Гэсэр» А.В. Преловский признается: «походил, поездил и поработал на земле бурят и вокруг Байкала, и в Сангае, и в Братске, и в Тунке, и в Кяхте, и в Усть-Орде, и в Улан-Удэ столько, что остаётся лишь благодарить судьбу за щедрость. А сколько было переведено стихов бурятских лириков – тогда, когда основой для перевода стихов наших сверстников были дружба и общительность» [4, с. 10].

Учась в середине 50-х годов на историко-филологическом факультете Иркутского университета, познакомился он и с бурятами-студентами и журналистами местных газет, например, с Жаном Зиминым, Кимом Ильиным, которые впоследствии стали известными бурятскими поэтами. Так, например, уже в 1973 году в Новосибирске вышел коллективный сборник «Поэты Бурятии», куда были включены стихотворения и Кима Ильина, и Владимира Петонова, с которыми Преловский на этом курсе учился в университете в 50-е годы. Неоднократно бывал в Бурятии, и как результат, прежде всего, личных контактов с представителями бурятского народа – появление переводов из национальной поэзии.

В сборнике «Поэты Бурятии» даются и краткие биографические справки, например, «Ким Ильич Ильин родился в улусе Хотон Боханского района Усть-Ордынского Бурятского национального округа, Иркутской области. Окончил Иркутский университет. Первый сборник стихов «Берёзы шумят в родном краю» вышел в 1960 году. Опубликовал сборник «Стихи» (Иркутск, 1962), повесть «Счастье в твоих руках» (Улан-Удэ, 1964), сборник очерков «Часовые общественного порядка» (Улан-Удэ, 1963), поэмы «Золотое кольцо», «Мои ровесники»; в 1971 году вышла в Бурятском книжном издательстве книга прозы, в которую включены повести «По следам старого письма», «В логове врага», «Баллада о красном галстуке»... Член союза писателей СССР с 1965 года» [1, с. 125].

И далее, о другом однокурснике А.В. Преловского: «Владимир Константинович Петонов родился в селе Бурят-Янгуты Боханского района Усть-Ордынского Бурятского округа Иркутской области. Окончил в 1957 году Иркутский университет.

В 1959 году вышла его первая книга лирики «Ветер с Байкала». Затем издаются повесть «Моя малютка Сэсэгма» (1964), книга рассказов и новелл «Встреча с песней» (1965), сборник стихов «Цветёт багульник» в переводах на русский язык («Советский писатель», 1966), книга стихов «Моя правая рука» (1968), книги стихов и поэм «У очага» (1970), «Белый путь» (1972).

Владимир Петонов много переводит на бурятский язык. Он перевёл почти полностью стихи классика современной монгольской поэзии Д. Нацагдоржа, стихи С. Есенина, М. Исаковского, С. Васильева, в его переводе вышли циклы стихов вьетнамских и греческих поэтов.

Стихи и поэмы Владимира Петонова переведены на языки многих народов СССР, он член союза писателей СССР с 1967 года» [5, с. 145].

Нетрудно заметить биографические переклички русского и бурятских поэтов: примерно одно и то же время рождения, время вхождения в литературу, общая тема творчества – Сибирь, её прошлое и её социальное преображение 50–60-х годов.

О главном принципе перевода А.В. Преловский скажет открыто в стихах:

*Когда переводил стихи поэта,
то я, как переводчик, сохранял
не букву,
а сам дух оригинала.*

*А жизнь, что клокотала в тех стихах,
была гораздо шире, чем подстрочник,
и норовила привести на память
то ленский ветер, то Чочур-Мурак,
то дымокур якутского летопись, –
все, что и сам знавал я по своей
таёжной жизни.*

(«Над переводами»).

Уже в начале 80-х годов, в предисловии к своему большому одному тому А.В. Преловский заключает: «переводческая практика, особенно переводы поэзии народов Сибири, вот уже многие годы счастливо соседствуют с моей собственной, лирической, не мешая, но **обогащая её** (выделено нами – В.П.). Большим подспорьем в этом оказалась моя прошлая жизнь среди якутского и бурятского народов, в стихии их языка, быта и устного поэтического творчества. Последняя крупная работа – перевод бурятского героического сказания «Алтын Шагай» [1, с. 9].

Следует подчеркнуть: в своих ранних переводах с бурятского языка А.В. Преловский уходил от традиционной манеры поэтического письма: большинство текстов на русском языке воспроизведены стихом рифмованным. И в этом же отношении вполне уместно его стихотворное заявление: «...Я, как переводчик, сохранял не букву, а сам дух оригинала».

Исключение составляет, пожалуй, лишь стихотворение «Счастье Гунгы Чимитова».

А.В. Преловским были переведены стихотворения основоположника бурятской советской литературы «Песня жаворонка» Хоца Намсараева, «Морщины» Цэдэна Галсанова, несколько стихотворений Гунга Чимитова, Алексея Бадаева, Цырен-Дулмы Дондогой, Владимира Петонова... Для русского слуха рифмованная строка ближе, и поэтому с этой стороны избранный подход вполне оправдан. Вместе с тем интенсивное использование русскими переводчиками рифмовки нарушало колорит поэтики бурятской поэзии, отдаляло от художественных корней бурят-монгольского стиха. «Бурятский язык отличается от русского целым рядом особенностей, единицей ритма в нашем стихосложении является... не слог, как в русском, а слово в строке, – писал Цырен-Базар Бадмаев. – В строфе, если первая строка начинается с буквы «А», остальные должны начинаться с той же буквы. Порядок слов в предложении у нас более устойчивый, чем в русском» [5, с. 13].

Видимо, через годы, понимая значение для русского текста национальной стихотворной специфики, А.В. Преловский более бережно и скрупулезно подойдёт к выбору художественных средств при переводе «Гэсэра». Думается, этот принцип более оправдан и потому, что этот шедевр бурятского фольклора – произведение, пришедшее к нам из глубины веков. Тексты же произведений бурятских лириков, которые были переведены А.В. Преловским в 1950–1960-е годы, несли содержание скорее времени советской истории, а потому и средства для их выражения на русском были выбраны более современными.

А.В. Преловский обстоятельно объясняет причины появления как поэтического варианта «Гэсэра», так и мотивы обращения к фольклорному прошлому других народов.

«Впервые мне довелось прочесть великое сказание о Гэсэре в раннем детстве, еще до войны, в Иркутске. Это была благословенная пора первочтения. Поэтому хорошо помню даже самодельный переплёт «Балаганского сборника» М. Хангалова из дедовской краеведческой библиотеки. Прозаический текст был тяжёл для чтения, но содержание волшебное и грандиозно. С тех пор, наверное, и живёт во мне это чудо удивления от соприкосновения с бурятской народной поэзией и её эпическим богатырским мироощущением» [6, с. 9].

«Взяты за перевод меня побудило несколько причин. Основное – это немеркнувшее первоудивление, испытанное мной еще ребенком при знакомстве со сказанием. Собственный опыт переводов малых произведений тюрко-монгольского эпоса и некоторое практическое несогласие с принципами моих старших товарищей по перу. И, наконец, огорчающее удивление: что на протяжении более чем полувека на моей памяти так и не по-

явилось ни одного художественного стихотворного варианта эпоса о Гэсэре. А это значит, что не владеющий бурятским языком читатель все еще – более 100 лет! – отлучен от истинного самородного «Гэсэра»... Вот всё это вместе, плюс личная ответственность земляка перед национальным сибирским фольклором и его популяризацией, побудило меня на свой страх и риск выполнить должную работу» [5, с. 13].

Если обращению к переводу якутской и бурятской поэзии и фольклора в известной степени способствовало географическое и духовное родство, то причины появления на русском языке переводов все из хакасской лирики были несколько иные.

Свои первые переводы с хакасского языка А. Преловский делает в 1957 году. Это были стихотворения «Душа ребёнка мягче мягкой глины...» и «Поднялся к солнцу молодой побег» Михаила Кильчицакова, опубликованные в четвёртой книжке журнала «Сибирские огни».

В этом же номере был опубликован и еще один перевод – стихотворение «Эхо» Николая Тинникова. Появление этих переводов объясняется и тем, что во второй половине 50-х годов, работая редактором Восточно-Сибирской студии кинохроники поэт, побывав в Абакане, где и познакомился с хакасскими авторами, сделал переводы их нескольких стихотворений...

После 30-летнего «перерыва» А.В. Преловский вновь берётся за переводы с хакасского. В результате на русском языке выходит хакасское сказание «Сарыг-Чанывар» (сказитель И. Сырыгашев, запись, подстроч. пер. В. Майнагашевой) [7], а затем рождаются и три книги переводов [8].

Таким образом, отчётливо прослеживается стремление переводчика, «отталкиваясь» от современности хакасского стиха, углубиться в его древнюю родовую основу и выявить её национальное своеобразие, познакомить с ним русскоязычного читателя.

А.В. Преловскому по праву принадлежит честь открытия русскому читателю древней поэзии тюркских народов в наиболее полном объёме. Если известный поэт Хакасии Г.Ф. Сысолятин добрых полвека посвящал себя переводам, прежде всего поэтических и прозаических текстов литераторов, живших в XX-веке, то задача его московского коллеги была, на наш взгляд по-своему более сложной – проникнуть в существо идейно-художественных истоков тюркской поэзии VI–XII веков.

О причинах перевода и издания многожанрового и объёмного свода фольклора саянских тюрков А.В. Преловский говорит так: «Ещё в 1930-е годы один из моих наставников, а тогда будущий религиовед и профессор Иркутского университета, ученик Н.Ф. Катанова Василий Иннокентьевич Подгорбунский... друг моего отца, тогда уже бессудно расстрелянного чекистами...по-

являлся в нашей расхристанной обысками квартире-библиотеке и подолгу занимался со мной. Рассказывал сказки, сначала как помню и теперь, карагасские, потом иные. Когда же я быстро и рано выучился читать, профессор вложил мне в руки замечательную книгу.

Это было не случайное совпадение. Не что иное, а русский – катановский! том «Образов народной литературы тюркских племён» был моим детским ещё чтением и первооткрытием тюркского мира и, как осколок огромной нашей родовой краеведческой библиотеки, вот уже более полувека сопровождает меня в Сибири и Москве, помогая в общении с остальным фольклором сибирских тюрков.

И ещё одна ниточка в прошлое. Мой прадед, священник Пётр Павлович Преловский, в молодости миссионерствовал среди аборигенов Восточных Саян и в 1869 году опубликовал в «Иркутском статистическом сборнике» свою монографическую статью «Нижеудинские карагасы». Там были сведения о языке, образе жизни, религии, фольклоре и верованиях карагасов (нынешних тофаларов). Кстати, несколько преданий я недавно литературно обработал и намереваюсь издавать» [9, с. 2].

По представлениям А.В. Преловского, Н.Ф. Катанов или виделся с его прадедом во время своей поездки к карагасам в 1889 году, или был знаком с этой публикацией, потому что от тиска труда Н.Ф. Катанова «Поездка к карагасам» с любезной надписью автора хранился в библиотеке отца поэта.

И далее: «чуть ли не через полвека после знакомства с фольклором саянских тюрков, я вдруг с удивлением и горечью обнаружил, что изумительные катановские сборы теряются в научных подстрочниках, что они совершенно не освоены переводчески, что они проходят мимо уже третьего поколения наших читателей и рискуют остаться в полном забвении...» [9, с. 2].

Так начались сначала единичные, затем плотные переводы народной поэзии тувинцев, хакасов и тофаларов, а затем и публикации их в сборниках «Колчан сердечных строк» и «Попелуй на скаку».

В результате пятнадцатилетней работы пришло время и книгам. В 2003 году вышло двухтомное собрание Н.Ф. Катанова «Фольклор саянских тюрков XIX века».

В ряду русских переводчиков имя А.В. Преловского занимает своё престижное, особое место.

Таким образом, основными причинами обращения русского поэта к художественному переводу иноязычных авторов (а затем – и национального эпоса) явилась географическая и духовная общность их судеб, дружба и общежительность с якутскими и бурятскими поэтами, а также личные контакты с писателями Хакасии.

Библиографический список

1. Преловский, А.В. Автобиографические заметки // Избранное. Стихотворения и поэмы. 1955-1981. – М., 1984.
2. Федоров, А.В. Искусство перевода и жизнь литературы. Очерки. – Л., 1983.
3. Преловский, А. Страна любви и памяти // Серебряная коновязь: переводы, стихотворения. – Якутск, 1989.
4. От переводчика Великий Гэсэр. Бурятское сказание / сост. А. Преловский. – М., 1999.
5. Поэты Бурятии / сост. Цырен-Базар Бадмаев. – Новосибирск, 1973.
6. От переводчика Великий Гэсэр. Бурятское сказание / сост. А. Преловский. – М.: Академия поэзии «Московский писатель», 1999.
7. Сибирские сказания. – М.: Современник, 1991.
8. Сибирские сказания. – М.: Современник, 1991; Поэзия древних тюрков VI-XII вв. (надписи в честь героев, эпитафии, гадательная книга, стихотворения из Турфанского оазиса, из «Диван луга тат-турка» Махмуда ал-Кашгари) / сост., вступ. сл. и коммент. Н.В. Стеблевой. – М., 1993; Колчан сердечных стрел (художественные переводы любовной народной лирики, сказаний и легенд о любви сибирских тюрков: хакасов, тувинцев, татар, якутов, тофаларов, кумандинцев, телеутов, шорцев, долган, алтайцев): стихи и проза / сост., вступ. сл. и коммент. Н.В. Стеблевой. – Красноярск, – 1995.
9. Преловский, А.А. Зачем и почему: Заметки переводчика // Энергия Хакасии. –2003. – 20 ноября.

Bibliography

1. Prelovskiy, A.V. Avtobiograficheskie zametki // Izbrannoe. Stikhotvoreniya i poehmih. 1955-1981. – M., 1984.
2. Fedorov, A.V. Iskustvo perevoda i zhiznj literaturih. Ocherki. – L., 1983.
3. Prelovskiy, A. Strana lyubvi i pamyati // Serebryanaya konovjaz: perevodih, stikhotvoreniya. – Yakutsk, 1989.
4. Ot perevodchika Velikiy Gehsehr. Buryatskoe skazanie / sost. A. Prelovskiy. – M., 1999.
5. Poetih Buryatii / sost. Cihren-Bazar Badmaev. – Novosibirsk, 1973.
6. Ot perevodchika Velikiy Gehsehr. Buryatskoe skazanie / sost. A. Prelovskiy. – M.: Akademiya poehzii «Moskovskiy pisatelj», 1999.
7. Sibirskie skazaniya. – M.: Sovremennik, 1991.
8. Sibirskie skazaniya. – M.: Sovremennik, 1991; Poehziya drevnikh tyurkov VI-XII vv. (nadpisi v chestj geroev, ehpitafii, gadateljnaya kniga, stikhotvoreniya iz Turfanskogo oazisa, iz «Divan luga tat-turka» Makhmuda al-Kashgari) / sost., vstup. sl. i komment. N.V. Stebelevoj. – M., 1993; Kolchan serdechnikh strel (khudozhestvennihe perevodih lyubovnoj narodnoj liriki, skazaniy i legend o lyubvi sibirskih tyurkov: khakasov, tuvincev, tatar, yakutov, tofalarov, kumandincev, teleutov, shorcev, dolgan, altajcev): stikhi i proza / sost., vstup. sl. i komment. N.V. Stebelevoj. – Krasnoyarsk, – 1995.
9. Prelovskiy, A.A. Zachem i pochemu: Zametki perevodchika // Ehnergiya Khakasii. –2003. – 20 noyabrya.

Статья поступила в редакцию 10.01.12

УДК 81:1+81'16

Beresneva V.A. EVOLUTIONAL-SYNERGETIC BASIS FOR LINGUISTIC SYNCRETISM PARADIGM. The article considers the basis for the scientific idea of syncretism. They correspond to the idea of syncretism developing as an ontological and research category. By the example of inter-categorical syncretism of tense forms of the German verb, the place of epistemological interpretations of the development phenomenon in linguistic syncretism conception is considered.

Key words: linguistic syncretism, the basis for a scientific idea, two stages of syncretism development.

В.А. Береснева, канд. филол. наук, доц. каф. романо-германской филологии Вятского государственного гуманитарного университета, г. Киров, E-mail: avis@novo.kirov.ru

ЭВОЛЮЦИОННО-СИНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПАРАДИГМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО СИНКРЕТИЗМА

В статье исследуются основания научного знания о синкретизме, соответствующие представлениям о развитии синкретизма как онтологической и исследовательской категории. На примере межкатегориального синкретизма временных форм немецкого языка рассматривается место гносеологических интерпретаций феномена развития в концепции лингвистического синкретизма.

Ключевые слова: лингвистический синкретизм, основания научного знания, два этапа развития синкретизма.

В связи с предложенным нами в предыдущей статье [1] научно-лингвистическим пониманием синкретизма, основывающимся на идее об универсальной целостности бытия, мы говорили о таком обеспечивающем единство объектов мира всеобщем свойстве материи, как развитие. В настоящей работе рассмотрим данное онтологическое свойство, его гносеологические интерпретации и место в концепции лингвистического синкретизма более подробно.

Вопросы эволюции всегда привлекали внимание человека. Во второй половине XX века появилась особая «наука о процессах развития и самоорганизации сложных систем произвольной природы» [2, с. 82], которая по предложению немецкого специалиста по квантовой оптике, физика-теоретика Германа Хакена была названа синергетикой (от греч. *synergeia* – сотрудничество, содружество). Г. Хакен называет следующие ключевые положения синергетики: «1. Исследуемые системы состоят из нескольких или многих одинаковых или разнородных частей, которые находятся во взаимодействии друг с другом. 2. Эти системы являются нелинейными. 3. При рассмотрении физических, химических и биологических систем речь идет об открытых системах, далеких от теплового равновесия. 4. Эти системы подвержены внутренним и внешним колебаниям. 5. Системы могут стать нестабильными. 6. Происходят качественные изменения. 7. В этих системах обнаруживаются эмерджентные новые качества. 8. Возникают пространственные, временные, пространственно-временные или функциональные структуры. 9. Структуры могут быть упорядоченными или хаотическими. 10. Во многих случаях возможна математизация» [3, с. 55].

В.С. Степин отмечает, что сложные саморазвивающиеся системы требуют для своего освоения особой категориальной сетки, отличной от категориальных сеток для описания малых (простых) механических и больших (сложных) саморегулирующихся систем. При формировании новых уровней организации перестраивается «прежняя целостность», появляются «новые параметры порядка». Уже недостаточно «зафиксировать наличие системного качества целого», необходимо «дополнить это понимание идеей изменения видов системной целостности по мере развития системы». Новыми смыслами дополняются представления о вещи и процессах взаимодействия. «Вещь-система» предстает как «процесс постоянного обмена веществом, энергией и информацией с внешней средой, как своеобразный инвариант в варьируемых взаимодействиях со средой». А «усложнение системы в ходе развития» выступает как «смена одного инварианта другим». «Целевая причинность <...> дополняется идеей направленности развития. <...> Случайные флуктуации в фазе перестройки системы (в точках бифуркации) формируют аттракторы, ведущие систему к некоторому новому состоянию. В процессе формирования в системе новых уровней «возникают своеобразные „пространственно-временные окна“, фиксирующие границы устойчивости каждого из уровней и горизонты прогнозирования их изменений» [4, с. 62–63].

Следует подчеркнуть, что идея самоорганизации, системно-структурные характеристики и категориальный аппарат саморазвивающихся систем первоначально разрабатывались в философии, а не в естествознании.

Категория «Изначальное», «универсалия универсалий» для А.Н. Уайтхеда, например, есть в его концепции не что иное, как «креативность». «Креативность», «единство многообразия», указывает А.Н. Уайтхед, «есть принцип новизны. Действительное происшествие есть новое существование, отличное от любого элемента во „многом“, которое оно объединяет <...> Конечный метафизический принцип есть поступательное движение от расчленения к соединению, созидающее новое существование, отличное от элементов расчленения <...> Много становится единым и обогащается единым». «Таким образом, единство многообразия не есть статическая характеристика мироздания, а живое, постоянно возобновляющееся единство в процессе возникновения все новых и новых „действительных происшествий“. Единство многообразия есть также многообразие единств, непрерывно обновляющих Вселенную. Поскольку „креативность“ присуща самим „происшествиям“ как их общий атрибут, то возникновение нового или, вернее, новых, поскольку действительность есть многообразие отдельных, хотя и взаимосвязанных существований, есть их самосотворение, самопорождение» [цит. по: 5, с. 28–29].

Важные структурные особенности исторически развивающихся систем были обозначены Гегелем. Принципиальное значение диалектической логики Гегеля для формирования понятия развития отмечалось В.С. Соловьевым [6, с. 145]. Интерпретацию гегелевской диалектики как категориального описания саморазвивающихся систем предлагает В.С. Степин. Истоковывая представление Гегеля о саморазвитии абсолютной идеи, на основе которого он разрабатывал «категориальную сетку, характеризующую сложные развивающиеся системы», как идеализированный образ оснований культуры, В.С. Степин замечает, что Гегель представил эти основания как «понятийную систему, которая исторически развивается, порождая новые категориальные смыслы». «Процедура порождения новых уровней организации в этой системе представлена им следующим образом: нечто (прежнее целое) порождает „свое иное“, вступает с ним в рефлексивную связь, перестраивается под воздействием „своего иного“ и затем этот процесс повторяется на новой основе». Гегелевский подход, добавляет В.С. Степин, развил позднее К. Маркс «применительно к анализу капиталистической экономики, рассматривая ее как целостную органическую, исторически развивающуюся систему (диалектика „Капитала“)» [4, с. 63–64]. Сходное суждение по поводу гегелевского творчества высказывает Д.С. Чернавский. «Гегелю удалось сформулировать основные и действительно достаточно общие свойства, характерные для открытых, развивающихся систем», — пишет он. «Здесь мы используем, — указывает исследователь, — современный язык, поскольку во времена Гегеля понятия „от-

крытие" и „развивающаяся система" были еще не сформулированы. Сейчас можно сказать, что триада Гегеля (тезис – антитезис – синтез. – В. Б.) – образное описание процесса генерации ценной информации, включающего как этап перемешивающий слой. Действительно, при этом прежний динамический режим („порядок") становится неустойчивым и система входит в перемешивающий слой. Возникает „хаос" – антитеза „порядка". Затем система выходит из перемешивающего слоя и входит в новый динамический режим. Возникает новый „порядок" – синтез, в котором система уже обладает новой ценной информацией. В новом режиме система развивается динамично, вплоть до следующей точки бифуркации» [7, с. 54–55].

В.С. Степин замечает: «Среди новых идей и представлений, которые внесла синергетика (динамика нелинейных систем) в понимание развития, особо следует выделить два связанных между собой открытия. Во-первых, представление о кооперативных эффектах, определяющих воссоздание целостности системы. Во-вторых, концепцию динамического хаоса, раскрывающую механизмы становления новых уровней организации, когда случайные флуктуации в состояниях неустойчивости приводят к формированию аттракторов в нелинейной среде и последующему возникновению новых параметров порядка». «То, что в традиционном диалектическом описании развития структурно не анализировалось, а просто обозначалось как „скачок", „перерыв постепенности", „переход в новое качество", теперь стало предметом научного анализа» [4, с. 64].

Мы, однако, полагаем, что ответ на вопрос о том, почему и как происходит «синтез антитез», «переход дизъюнкции в конъюнкцию, оппозиций в дополнительность» [8, с. 325], давно дан философией. Укажем в связи с этим, что в научном изучении логики существования и развития бытия как неразрывного, неразростимого единства, как целостности, наиболее адекватны и плодотворны законы развития, разрабатываемые в рамках теории всеединства, т. е. и «закон определенности» и «непосредственно предполагаемый» им «высший закон – закон единства» С.Л. Франка [9, с. 202–203, 220], и «общий закон развития исторической индивидуализации или исторического момента, индивидуальности и качества» Л.П. Карсавина [10, с. 200], и, конечно, установленный В.С. Соловьевым «общий закон всякого развития» [6, с. 145], на котором мы сейчас и остановимся.

В соответствии с рассуждениями В.С. Соловьева, развитие, прежде всего, предполагает развивающегося, которым может быть только живой организм. Развитие образуют лишь такие изменения в организме, которые имеют свой источник в самом развивающемся существе и только для своего окончательного проявления нуждаются во внешнем воздействии. Общими необходимыми моментами развития любого органического существа являются первичное состояние развития, его цель и ряд промежуточных состояний как переход от первого к последнему. Общая формула, выражающая эти три момента, и есть, в понимании философа, закон развития. В первоначальном состоянии организма его составные элементы и формы не имеют строго определенного места и назначения. Они смешаны, индифферентны. Их различие скрыто, существует только потенциально. Первое состояние есть, таким образом, смешение, или внешнее единство, образующих форм и элементов организма. Третье состояние есть состояние развитого организма. Здесь члены организма связаны между собой внутренне и свободно по особенностям своего собственного назначения, поддерживают и восполняют друг друга в силу своей внутренней солидарности. Но это органическое соединение элементов имеет своим условием их предшествовавшее выделение, поскольку они не могли бы войти во внутреннее свободное единство как самостоятельные члены организма, если бы прежде не получили эту самостоятельность через обособление, что и составляет второй момент развития. Необходимости перехода от второго состояния к третьему обособливается исследователем следующим образом. Обособление каждого образующего элемента неразрывно связано с его стремлением исключить все остальные элементы. Поскольку такое стремление присуще каждому из элементов, они уравниваются друг друга. Но простое равновесие было бы возможно только в том случае, если бы все образующие элементы были одинаковы, а этого в организме быть не может. Поэтому простое равновесие необходимо приводит к такому состоянию, в котором каждый элемент уравнивается все остальные сообразно своему внутреннему характеру и значению [6, с. 141–144].

Первый и третий моменты схемы развития В.С. Соловьева интерпретируются нами как два этапа развития синкретизма. Несмотря на то что в произведениях, в которых излагается теория всеединства, В.С. Соловьев не употребляет слова «синкретизм», а применяет синонимичные термины («смешение», «внешнее единство», «внутреннее свободное единство», «синтез», «всеединство»), в работе В.В. Розанова «Памяти Вл. Соловьева» обнаружено следующее крайне важное замечание: «В одной ненапечатанной статье своей „Схема развития славянофильства" я, указывая историческое положение Соловьева и характеризуя общий склад его ума, занятий и направлений, определил их словом „эklektizm". Покойный, прочитав эту рукопись и возвращая ее мне, сказал: „Только слово „эklektizm" вы заменили бы словом „синкретизм". Считаю долгом внести эту личную поправку Соловьеву, не отвергая ее, хотя и не настаивая на ней» [11, с. 190].

В силу действия общего закона развития можно говорить о двух этапах развития лингвистического синкретизма: первоначальном синкретизме, лишь внешнем, вынужденном единстве содержательных элементов, и внутреннем единстве содержательных элементов, синкретизме как свободном синтезе. Первоначальный синкретизм в языке происходит из первообразного мышления. В основе его – малое количество сведений об отражаемых мышлением и обозначаемых языком предметах и явлений действительности. Осуществляющиеся в процессе развития научного осмысления действительности обособление концептов и их дальнейшее взаимное восполнение влекут за собой второй этап развития языкового синкретизма, синкретизм как свободный синтез. Поясним сказанное на примере межкугального синкретизма временных форм немецкого языка, под которым мы понимаем совмещение грамматической категориальной формой в ее денотативном содержании, помимо темпоральной семы, также сем других грамматических категорий. Межкугальный синкретизм вызывается действием ассоциаций по смежности, обусловлен тем, что предметы и явления объективной реальности (денотаты) мыслятся во всей совокупности их отношений. Эти синкретичные денотаты, однако, расчленяются при их дидактическом представлении.

Все временные формы в немецком языке, как показывают наблюдения, определены в темпоральном и аспектуальном (видовом) отношениях. На ранних ступенях развития языка отмечается смешение времени глагола с видовыми значениями, их чисто внешнее единство [12, с. 247; 13, с. 40]. Безразличие обсуждаемых содержательных элементов уступает в дальнейшем место их размежеванию. Так, развитие к современному перфекту и плюсквамперфекту шло через комбинацию «финитная форма + причастие II». Причастие II при этом употреблялось в качестве атрибута. Ср.: *phigboum habeta sum giflanzotan* (Tatian) = *Er hatte einen Feigenbaum gepflanzt*. → *Er hatte einen Feigenbaum gepflanzt*. Соответствующее предложение в перфекте *Er hat einen Feigenbaum gepflanzt* означало первоначально: *Er hat einen Feigenbaum als selbst gepflanzt* [= как следствие, результат посадки]. Иначе говоря: посредством предложения в перфекте обозначалось вначале состояние «haben» в настоящем времени как следствие (результат) ранее совершенного действия, которое и вызвало это состояние [14, с. 30–32; 12, с. 290; 13, с. 117]. Вывод о глаголе *haben* и причастии II *giflanzotan* как о самостоятельных словах и самостоятельных членах предложения основывается на том, что глагол *haben* (равно как и глагол *eigan*) вначале всегда употреблялся в сочетании с прямым дополнением и обозначал обладание; причастие II выступало в качестве согласованного определения по отношению к прямому дополнению (*der gepflanzte Baum*) [13, с. 117]. Такие бивербальные словосочетания встречаются уже в VIII–IX вв. и получают широкое распространение в письменных памятниках X в. Впоследствии предикативные словосочетания претерпевают грамматизацию. После периода размежевания составные элементы обсуждаемых объектов вступают в новое, органическое, соединение, при котором каждый элемент уравнивается все остальные сообразно своему внутреннему характеру и значению. Рассмотрение временных форм в качестве глагольных комплексов, представляющих единое грамматическое целое при сохранении семантической значимости их компонентов, установление назначения дискретной морфемы «*ge-/(e)t/n*» как сигнализации совершенного (перфективного) вида (аспекта), а финитного глагола – как носителя грамматического темпо-

рального признака позволяют охарактеризовать грамматическое качество перфекта и плюсквамперфекта в современном немецком языке как «настоящее / совершенное» и «прошедшее / совершенное» соответственно, ср.: *Ich hab viel erlebt in den letzten Wochen, dachte Holt* (Noll D. «Die Abenteuer des Werner Holt. Roman einer Jugend»); *Sie weinten nach der Heimat, die sie eben selbst aufgegeben hatten* (Roth J. «Das falsche Gewicht») [15, с. 143–150].

В указанной в начале работы статье мы сетовали на отсутствие в среде специалистов необходимого понимания того, что

структура научного знания о синкретизме в обязательном порядке должна также включать и то, что принято называть основаниями научного знания. В данной работе мы попытались исследовать такие составляющие блоки оснований науки, как научная картина мира и философские основания, а именно те их аспекты, идеи и принципы, которые соответствуют представлениям о развитии синкретизма как онтологической и исследовательской категории, и применить их к конкретному языковому материалу.

Библиографический список

1. Береснева, В.А. Лингвистический синкретизм как воплощение и рефлексия единства мира // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 6 (31). – Ч. 1.
2. Аршинов, В.И. Синергетика постижения сложного // Синергетика и психология / под ред. В.И. Аршинова, И.Н. Трофимовой, В.М. Шендяпина. – М., 2004. – Вып. 3.
3. Синергетике – 30 лет: Интервью с профессором Г. Хакеном // Вопросы философии. – 2000. – № 3.
4. Степин, В.С. Синергетика и системный анализ // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. – М., 2004.
5. Киссель, М.А. Философский синтез А.Н. Уайтхеда (Вступительная статья) // Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии: пер. с англ. / сост. И.Т. Касавин. – М., 1990.
6. Соловьев, В.С. Философские начала цельного знания // В.С. Соловьев Сочинения в 2 т. / общ. ред. и сост. А.В. Гулыги, А.Ф. Лосева. – М., 1990. – Т. 2.
7. Чернавский, Д.С. О методологических аспектах синергетики // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. – М., 2002.
8. Кобляков, А.А. Синергетика, язык, творчество // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. – М., 2002.
9. Франк, С.Л. Предмет знания. Об основах и пределах отвлеченного знания // Франк С.Л. Предмет знания. Душа человека. – СПб., 1995.
10. Карсавин, Л.П. Философия истории / отв. ред. С.С. Хоружий. – СПб., 1993.
11. Розанов, В.В. Памяти Вл. Соловьева // Вл. Соловьев: pro et contra / сост., вступ. ст. и прим. В.Ф. Бойкова. – СПб., 2000.
12. Жирмунский, В.М. История немецкого языка. – М., 1965.
13. Москальская, О.И. История немецкого языка. – М., 1977.
14. Latzel, S. Die deutschen Tempora Perfekt und Präteritum. Eine Darstellung mit Bezug auf Erfordernisse des Faches «Deutsch als Fremdsprache» // Heutiges Deutsch. – Reihe III. – Bd. 2. – München, 1977.
15. Береснева, В.А. Лингвистический синкретизм: онтология и гносеология / отв. ред. В.А. Татаринцов. – Киров, 2011.

Bibliography

1. Beresneva, V.A. Lingvisticheskiy sinkretizm kak voplothenie i refleksiya edinstva mira // Mir nauki, kul'turh, obrazovaniya. – 2011. – № 6 (31). – Ch. 1.
2. Arshinov, V.I. Sinergetika postizheniya slozhnogo // Sinergetika i psikhologiya / pod red. V.I. Arshinova, I.N. Trofimovoy, V.M. Shendyapina. – M., 2004. – Vihp. 3.
3. Sinergetike – 30 let: Intervjyu s professorom G. Khakenom // Voprosih filosofii. – 2000. – № 3.
4. Stepin, V.S. Sinergetika i sistemniy analiz // Sinergeticheskaya paradigma. Kognitivno-kommunikativnihe strategii sovremennogo nauchnogo poznaniya. – M., 2004.
5. Kisselj, M.A. Filosofskiy sintez A.N. Uaytkheda (Vstupitel'naya statiya) // Uaytkhed A.N. Izbrannihe rabotih po filosofii: per. s angl. / sost. I.T. Kasavin. – M., 1990.
6. Solovjev, V.S. Filosofskie nachala cel'nogo znaniya // V.S. Solovjev Sochineniya v 2 t. / obth. red. i sost. A.V. Gulihgi, A.F. Loseva. – M., 1990. – T. 2.
7. Chernavskiy, D.S. O metodologicheskikh aspektakh sinergetiki // Sinergeticheskaya paradigma. Nelineynoe mihshlenie v nauke i iskusstve. – M., 2002.
8. Koblyakov, A.A. Sinergetika, yazihk, tvorchestvo // Sinergeticheskaya paradigma. Nelineynoe mihshlenie v nauke i iskusstve. – M., 2002.
9. Frank, S.L. Predmet znaniya. Ob osnovakh i predelakh otvlechnnogo znaniya // Frank S.L. Predmet znaniya. Dusha cheloveka. – SPb., 1995.
10. Karsavin, L.P. Filosofiya istorii / отв. ред. S.S. Khoruzhiy. – SPb., 1993.
11. Rozanov, V.V. Pamyati Vl. Solovjeva // Vl. Solovjev: pro et contra / sost., vstup. st. i prim. V.F. Boykova. – SPb., 2000.
12. Zhirmunskiy, V.M. Istoriya nemeckogo yazihka. – M., 1965.
13. Moskal'skaya, O.I. Istoriya nemeckogo yazihka. – M., 1977.
14. Latzel, S. Die deutschen Tempora Perfekt und Präteritum. Eine Darstellung mit Bezug auf Erfordernisse des Faches «Deutsch als Fremdsprache» // Heutiges Deutsch. – Reihe III. – Bd. 2. – München, 1977.
15. Beresneva, V.A. Lingvisticheskiy sinkretizm: ontologiya i gnoseologiya / отв. ред. V.A. Tatarinov. – Kirov, 2011.

Статья поступила в редакцию 10.01.12

УДК 811.1/2

Voronushkina O.V. **ACTUAL WAYS OF DECODING THE IMPLICIT MEANINGS IN GERMAN STATEMENTS.** The proposed article is devoted to identifying the concept of “implicit meaning”. Besides that the work describes the mechanism of creation and the methods of decoding the latter by means of the special features of German national linguistic consciousness.

Key words: implicit meaning, coding, decoding, indices of the implicit meaning, component analysis, proposition.

О.В. Воронушкина, канд. филол. наук, доц. АлтГПА, г. Барнаул,
E-mail: o.voronushkina@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ ДЕКОДИРОВАНИЯ СКРЫТЫХ СМЫСЛОВ ВЫСКАЗЫВАНИЯ (НА БАЗЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

В статье проводится идентификация понятия «скрытый смысл», описываются механизм порождения и способы декодирования такового через особенности немецкого национального языкового сознания.

Ключевые слова: скрытый смысл, кодирование, декодирование, индексы скрытого смысла, компонентный анализ, пропозиция.

Изучение скрытых смыслов – одно из наиболее «перспективных» направлений современной лингвистики. Ввиду своей сложности и многоплановости явление скрытого смысла изучено недостаточно хорошо, что, в свою очередь, обуславливает наличие множества аспектов его изучения. Первостепенным в данном случае является вопрос идентификации понятия «скрытый смысл», так как научное сообщество пока еще не выработало общепринятого определения. Не менее важными в этом ракурсе выступают вопросы изучения механизма порождения и механизма декодирования скрытых смыслов, что основывается на выявлении языковых форм с имплицативным потенциалом и определении условий их адекватной интерпретации в пространстве немецкого языка.

Скрытые смыслы в разных формах и под разными названиями изучались на протяжении тысячелетий. За последние сорок лет проблема установления их статуса и декодирования стала одной из центральных для современной лингвистики и философии языка (Ю.Д. Апресян, В.В. Богданов, Л. Витгенштейн, В.Г. Гак, А.Ф. Лосев, Р.И. Павленис, Г. Фреге и др.). Скрытые смыслы и значения описываются широким диапазоном терминов – пресуппозиции, импликации, текстовые импликатуры, подтекст, глубинные смыслы, имплицитные смыслы, скрытые категории, намеки, нулевые знаки и т.п. Каждый из перечисленных терминов закреплен за соответствующей лингвистической, философской, логической или литературоведческой дисциплиной. Вместе с тем, не существует ни общей теории, ни единого метода анализа, которые позволили бы создать их системное описание. Актуальность проводимого исследования, таким образом, обусловлена давно назревшей необходимостью идентификации понятия «скрытый смысл» и создания единой теории, позволяющей рассмотреть корреляции между скрытыми смыслами различных языковых уровней. Основная цель данной работы заключается в разработке общей концепции декодирования скрытых смыслов в разноуровневом коммуникативном пространстве немецкого языка. Ведь именно реализация успешной коммуникации обуславливает необходимость обращения к смысловой картине.

При рассмотрении феномена языковой невыраженности в предлагаемом исследовании используется термин «скрытый смысл», который, на наш взгляд, отличается наибольшей широтой и применим во всех случаях, когда отдельный фрагмент содержания отсутствует в поверхностной структуре.

Известно, что данный термин изначально использовался в трудах, посвященных поэзии, риторике и эстетике (см. Басин 1999, Лосев 2001). Однако он также широко употребляется в целом ряде разделов лингвистики и языкознания (см. Арутюнова 1973, Падучева 1977). Разнообразие подходов к изучению скрытого смысла возникло не случайно и обусловлено тем, что понимание смысла текста всегда было и остается главной целью его изучения. Рассмотрение данного явления осуществляется по нескольким направлениям. Во-первых, определяется их природа и место в структуре текста, а во-вторых, анализируются текстовые элементы, за счет которых и возникает смысловая осложненность. Исследование особенностей смыслопостроения через словесные образы как средства актуализации скрытых смыслов в художественном дискурсе является составной частью проблемы лингвистического анализа его микротекстов. Таким образом, проблематика скрытого смысла охватывает широкий круг вопросов, в том числе о наличии или отсутствии формальных маркеров, указывающих на недосказанность или иносказание, о мотивировках умолчания, о характере их воздействия на реципиента и т.д.

Л.А. Исаева в своем диссертационном исследовании признает скрытыми смыслами «те, которые не присутствуют в языковых (регулярных) значениях и отношениях образующих текст единиц, но являются следствием видоизменения единицы в тексте, одновременной актуализации нескольких возможных ее значений, а также актуализации в тексте дополнительной «вне-текстовой» нагрузки языкового знака» [1, с. 10]. По мнению Е.К. Усовой, скрытый смысл можно определить как «что-либо невыраженное явным образом, отличный от непосредственно воспринимаемого текста смысл, который восстанавливается читателем, слушателем или адресатом на основании соотнесения данного фрагмента текста с предшествующей ему информацией, а также с жизненным опытом, собственным знанием адресата» [2, с. 237]. Данные дефиниции значимы и отражают тесную взаимосвязь с прагматикой, разделом семиотики, изучающим отношения между знаковыми системами и теми, кто воспринимает, интерпретирует и использует их.

Исходя из вышесказанного, можно определить имманентные свойства скрытого смысла. Например, такие как:

- субъективность,
- субъектность / объектность (интенциональность),
- невыраженность,
- референтность (соотнесенность с совершенно определенным «местом» в реальной или в представляемой ситуации),
- многозначность (неоднозначность),
- дополнительная информативность,
- необходимость

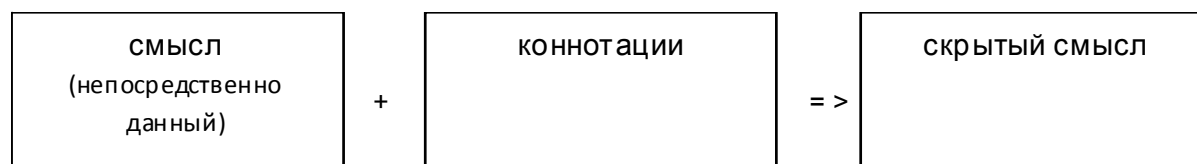
и т.д., которые можно ранжировать по-разному.

Указанные критерии раскрывают саму сущность скрытого смысла и играют важную роль в построении теории данной тематики.

Таким образом, в рамках предлагаемой концепции под скрытым смыслом понимается всякий смысл, вербально не выраженный в высказывании, но воспринимающийся адресатом как подразумеваемый и интерпретируемый им на основании собственной языковой компетентности, знаний о мире, а также содержащихся в контексте показателей или индексов скрытой информации.

Скрытые смыслы активизируются в процессах коммуникации, что предполагает использование противоположно направленных процессов – кодирования и декодирования. Кодирование проявляется в том, что адресант ориентируется на скрытые категории и значения, содержащиеся в системе языка, или намеренно создает окказиональные скрытые смыслы. Противоположная сторона – декодирование – суть восприятия речи адресатом, поиски и обнаружение скрытых смыслов в высказываниях адресанта, художественном или публицистическом дискурсе.

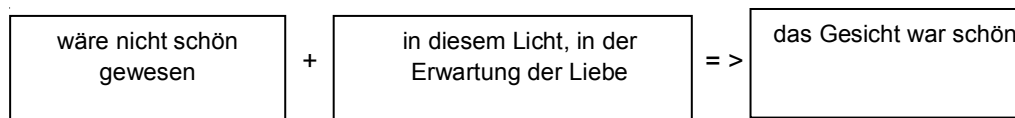
Изучив некоторые работы, посвященные исследованию механизма порождения скрытых смыслов (например, таких авторов как О.В. Багаева, Г.Д. Косых, Л.А. Исаева и др.) можно определить три важных момента, способствующих его формированию. Это исходящая позиция (семантический компонент, оперирующий информативным потенциалом), ассоциативная база и прагматический фокус (коммуникативная перспектива). Исходящая позиция, представляющая собой семантический компонент высказывания, формирует его непосредственный (начальный) смысл. А ассоциативная база и прагматический фокус, это есть коннотации, которые могут приводить к порождению скрытого смысла. Схематично это можно представить следующим образом:

Наглядно представленную схему отражает следующий пример:

(1) *Welches Gesicht wäre nicht schon gewesen, in diesem Licht. Und in der Erwartung der Liebe!* [3, с. 14].

Обособленная часть высказывания (in diesem Licht, in der Erwartung der Liebe) выполняет функцию элемента условия, при котором возникает скрытое утверждение:

В данном случае внешне грамматически отрицательная предикация (wäre nicht schön gewesen) имплицитно утверждает высказывание (das Gesicht war schön), которое актуализуется лишь в данных, совершенно определенных условиях (in diesem Licht, in der Erwartung der Liebe).

Таким образом, скрытый смысл, как и непосредственно данный, является частью семантики и имеет логику-семантическую основу, которую можно идентифицировать с помощью определенной методики декодирования. Опираясь на множество возможностей декодирования замысла, необходимо выбрать максимально актуальную из них, чтобы приблизить полученную информацию к истинной картине. Речь идет о дешифровке смыслов, скрытых в равноуровневом языковом пространстве.

Декодирование – это множество мыслительных операций, непосредственно связанных с нашей когницией. В сознании человека возникают мыслительные цепочки, состоящие из определенных звеньев – микроконцептов и концептов. Чаще всего возникающие в нашем сознании ассоциации и образы помогают нам понять истинный смысл, например, метафорических, аллегорических или фразеологических высказываний, что обеспечивает успешность коммуникации. Однако образное мышление не способствует выявлению скрытого смысла немецких высказываний, содержащих, например, грамматические формы с имплицитным потенциалом. В данном случае должна быть использована другая, более конкретная методика. Фундаментом этой научной концепции могут выступать уровни коммуникативного пространства. Причем берутся они не изолированно, но в отношениях единиц разных уровней между собой. Поскольку выявление скрытых смыслов содержит установку на обязательное декодирование содержательной стороны, при этом должны учитываться все языковые уровни.

Первым в этом ракурсе следует рассматривать пространство лексем, выявление скрытого смысла которой может основываться на компонентном анализе и определении базовых и ассоциативных сем. Наиболее яркими примерами лексем, содержащих скрытый смысл, являются общепринятые символы, метафоры и аллегории. Для немецкого языка характерны следующие общепризнанные символы:

<u>Jüngling</u>	<u>Frühling</u>
- jung;	- Zeit (Jahreszeit);
- männlich (Mann);	- Monate;
- Zeit;	- Winter;
- Leben;	- folgen;
- Erneuerung;	- männlich (Geschlecht);
- Übergangszustand;	- Leben;
- Blütezeit;	- jung (Jugend);
- Freude (des Lebens);	- Erneuerung;
- Wärme (Herzlichkeit) usw.	- Übergangszustand;
	- Blütezeit;
	- Freude (Gesang der Vögel);
	- Wärme (Temperatur) usw.

dessen Fell rotbraun und am Bauch weiß ist <schlau, lustig wie ein Fuchs>» [5, с. 362]. Итак, в жестком импликационале (закрывающемся в дефинициях) указанных существительных выделяются четыре общих семы: jung, männlich, Zeit, Leben, которые воспринимаются нашим сознанием в виде идентичных микроконцептов. На основе этих базовых компонентов, расположенных в начале парадигматического ряда, возникает взаимодействие (а точнее тождество скрытого и буквального смыслов: Jüngling (БС) а) Frühling (СС) [6, с. 54-58]. Кроме того, в результате возникающих ассоциаций (которые входят в вероятностный импликационал и находятся в конце парадигматического ряда) можно выделить ещё несколько одинаковых микроконцептов, которые сопутствуют реализации аллегории такого времени года, как весна: Erneuerung, Übergangszustand, Blütezeit, Freude, Wärme.

Многие общепринятые аллегории являются примером актуализации стандартных ассоциаций, поскольку ассоциативные семы жесткого импликационала потенциально способны создавать стереотипную характеристику объекта. Например:

das Veilchen – СС (скрытый смысл): die Bescheidenheit,
die Rose – СС: die Schönheit,
die Lilie – СС: die Sanftmut,
das Lilblatt – СС: der Frieden, и т.д.,
а также общеизвестные аллегории – лексемы:
der Hase – СС: die Feigheit,
der Fuchs – СС: die Schlaueit,
der Jüngling – СС: der Frühling,
der Herbst – СС: das Alter и т.д..

Механизм порождения и прототип аллегории, по сравнению с символом и метафорой, установить гораздо труднее, поскольку в аллегории происходит выделение множества скрытых сущностей. Для того чтобы установить её истоки и декодировать скрытый смысл, необходимо рассмотреть пути взаимодействия двойных смыслов. Например:

(2) Willkommen, schöner Jüngling.

Du Wonne der Natur!

Mit deinem Blumenkürbchen

Willkommen auf der Flur! ... [4, с. 86].

Данное аллегорическое высказывание является собой пример поэтического представления весны (Frühling) в образе юноши (Jüngling). В качестве основы процесса декодирования лексем, содержащих скрытый смысл, в рамках данного исследования предлагаются метод компонентного анализа и метод ассоциирования. Обратимся к дефинициям лексем, представляющих скрытый и буквальный смысл.

Jüngling – «ein fast erwachsener junger Mann»; jung – «(in Bezug auf einen Menschen, ein Tier oder eine Pflanze) so, dass sie erst seit relativ kurzer Zeit leben» [5, с. 530].

СС: Frühling – «1. die Jahreszeit der drei Monate, die auf den Winter folgen; 2. der Frühling des Lebens lit.; die Jugend» [5, с. 362].

Приведенные дефиниции и возникающие ассоциации (которые могут лавировать в сознании каждого человека) позволяют выделить следующие компоненты скрытого и буквального смыслов:

(3) der Fuchs – СС: die Schlaueit

“Langenscheids Großwörterbuch” даёт следующую дефиницию слова «Fuchs»: «ein Raubtier, das wie ein kleiner Hund aussieht, in einer Art Hühle (dem Bau) im Wald lebt und

Рассматривая дефиницию, можно обнаружить, что сема schlau входит в ассоциативное поле существительного Fuchs. Становится очевидным тот факт, что данная сема присуща и тому и другому слову, а реализация аллегории-лексемы осуществляется на основе тождества данных компонентов скрытого и буквального смыслов.

При рассмотрении скрытых смыслов в аллегории следует опираться на концепцию А.Ф. Лосева о соотношении «внутреннего» и «внешнего»: «Здесь «внешнее» перевешивает «внутреннее», «реальное» – полнее и интереснее «идеального» [7, с. 64].

(4) Wie eitel diese Männer, wie tüchtig! Es fiel Hedi gar nicht ein, zu weinen. Sie dachte nicht einmal an ihn. .

Ihre Paläste waren in Schutt zerfallen, die Paläste mit dem Wappenschild der Hecht-Babenberg: das rote Pferd im blauen Feld. Dahin! Schon aber baute Hedi neue Paläste! Weit aus herrlichere, kühnere!

Ach, sie hatte ihre Jugend vergeudet! Drei Jahre lang hatte sie auf Ottos Brief gewartet und selbst einige hundert Briefe ins Feld geschrieben. Und dieser Krieg endet ja nie, sie hätte alt werden können dabei. Wie turicht! [8, с. 77].

Основой реализации данного аллегорического высказывания служит представление абстрактного понятия «Traum» (скрытый смысл), посредством конкретного предмета «Palast» (бук-

вальный смысл). Определим, какие семы включают в себя указанные лексемы.

«Palast der; -(e)s, Paläste; ein großer, teures Gebäude, in dem ein König, Fürst o. d. lebt <ein prunkvoller P.; der P. des Königs, des Maharadschas usw>» [5, с. 735].

«Traum der; -(e)s, Träume; ... 2 ein großer Wunsch <ein T. geht in Erfüllung, erfüllt sich, wird wahr>» [5, с. 992].

Приведенные дефиниции и возникающие ассоциации позволяют выделить следующие семы, а точнее компоненты скрытого и буквального смыслов:

<p><u>Palast</u></p> <ul style="list-style-type: none"> - das Gebäude; - groß; - teuer; - prunkvoll; - die Realität; - eine Person, die ihn gebaut hat (z.B. der Architekt); - eine Person, die ihn besitzt (z.B. der König); - die Schönheit (Herrlichkeit); - der Zerfall (mit der Zeit). 	<p><u>Traum</u></p> <ul style="list-style-type: none"> - der Wunsch (ein abstraktes Bild im Bewußtsein); - groß; - die Irrealität (sehr oft); - eine Person, die ihn gebaut hat; - die Schönheit (Märchenhaftigkeit); - die Erfüllung; - der Zerfall.
--	--

Декодирование скрытого смысла предложенного текста (4) становится возможным, во-первых, в результате выделения лексем с имплицитным потенциалом и рассмотрения ее семного состава, во-вторых, в результате образного мышления и воображения реципиента. В ходе анализа были выявлены следующие идентичные компоненты: 1) groß; 2) eine Person, die ihn gebaut hat; 3) die Schönheit; 4) der Zerfall. Именно на основе этих микроконцептов в нашем сознании формируется смысловая картина данного аллегорического высказывания.

Таким образом, компонентный анализ является основным методом, способствующим процессу декодирования в пространстве лексем. Однако в рамках более крупных коммуникативных уровней будут функционировать уже другие методики.

Базовым в данном случае выступает уровень высказываний, которому при рассмотрении системы скрытых смыслов в статике соответствует уровень предложения. В связи с этим возникает вопрос о том, что такое смысл предложения, как он организован и из каких компонентов складывается. Различные подходы к изучению смысловой структуры предложения позволяют выявить ее самые разнообразные аспекты, установить, что смысл предложения организован в высшей степени сложно.

За основную смысловую единицу в настоящей работе принимается пропозиция, а декодирование скрытого смысла высказываний основывается на пропозиционном анализе и определении степени их актуальности для коммуникации. Основания для пропозиционального содержания предложения были заложены логиками (Л. Витгенштейн, Б. Рассел, Г. Фреге и др.), однако важные наблюдения в этой области сделаны также лингвистами (П. Адамс, Н.Д. Арутюнова, В.Г. Гак, Е.В. Падучева, Т.А. van Dijk, F. Gerd, M.A. Halliday, R. Hasan, L. Tesnière и др.).

Под пропозицией в классической логике подразумевалась определенная форма мысли, утверждающая или отрицающая нечто о предметах действительности. Именно в этом значении термин «пропозиция» был воспринят лингвистами, отнесшими его к языковой форме выражения суждения – к повествовательному предложению, а затем и к любому предложению вообще. С формы (способа) мышления этот термин был перенесен на весьма разнообразные формы языка [9]. Таким образом, понятие пропозиции постепенно «повернулось» от мышления к миру, от субъективного фактора к фактору объективному. Оно стало применяться уже не к форме мышления, а к его содержанию, к конкретной мысли, выражаемой в предложении, тому, что в нем обозначается.

В соответствии с современными взглядами план содержания предложения складывается из пропозиции или комплекса пропозиций и модально-прагматической рамки, включающей в себя модальности, пропозициональные установки и коммуникативную интенцию. Важным компонентом содержания предложения является и его тема-рематическое членение.

Тема – это сегмент предложения, максимально предсказываемый лингвистическим и экстралингвистическим контекстом.

Рема, напротив, максимально непредсказуема. «В случае элементарного предложения тематизация часто связана с выбором субъекта. Однако это не обязательно, и в принципе возможна тематизация без субъективизации. В случае многопропозиционных комплексов темой или ремой могут быть целые пропозиции» [10, с. 29].

Очень часто в научных исследованиях указывается, что содержанием предложения является пропозиция или комплекс пропозиций, на самом деле имеется в виду пропозициональная форма или комплекс пропозициональных форм. Пропозициональная форма отличается от пропозиции тем, что аргументами первой являются переменные, а аргументами второй – константы. Чтобы пропозициональную форму заменить пропозицией, предложение нужно поместить в индивидуальный прагматический контекст, т.е. использовать его в конкретном речевом акте. Общий прагматический контекст складывается из прагматических переменных, в качестве которых выступают говорящий, слушающий, время и место речевого акта. Однако в каждом конкретном речевом акте эти прагматические переменные заменяются прагматическими константами, что вызывает замену пропозициональных переменных пропозициональными константами. В таких условиях предложение референциально привязывается к индивидуальной ситуации и превращается в высказывание [11, с. 291-303]. Таким образом, в процессе речевого общения коммуниканты оперируют не предложениями, а высказываниями.

В организации предложений-высказываний большую роль играют грамматические значения, входящие в те или иные грамматические категории. В этих значениях и категориях зашифрованы важные смысловые характеристики. Наглядной в этом отношении выступает категория утверждения/отрицания в немецком языке, рассматриваемая, вслед за профессором Л.М. Владимирской, с функционально-семантических позиций, что позволяет подойти к смысловой стороне явления [12]. Скрытым способом утверждение/отрицание в высказывании реализуется с большей экспрессией в соответствии с коммуникативной интенцией говорящего.

Категория утверждения/отрицания представлена оппозицией «утверждение-отрицание», члены которой, исключая друг друга, будучи противоположностями, не расходятся однако в плане механизма порождения и не уничтожают друг друга, но существуют параллельно и, находясь в органической связи, взаимопроницают и взаимодополняют друг друга, т.е. представляют собой единство противоположностей. Такое единство противоположностей выражается в первую очередь во взаимодействии формы и содержания. Немецкий язык располагает целым набором самых разнообразных средств и возможностей для выражения категории утверждения/отрицания, применение которых частично зависит от определенных правил, частично от стиля и намерения говорящего. Отрицание всегда и во всех сферах трактовалось по-разному, и это не могло не найти своего отра-

жения в любом языке. Диалектическое отрицание понимается часто как переход в противоположность, что дает основание ученым-лингвистам увидеть абсолютную связь между отрицанием и утверждением, полагая что, отрицая одно, говорящий одновременно утверждает другое (Г. Бринкман, Х. Вайнрих, Г. Зейлер, К.-Е. Зоммерфельд, Р.И. Камшилова, Н.А. Торопова) или в понимании немецких ученых: отрицание есть утверждение в перспективе [13, с. 510]. Однако не всякое отрицание может быть утверждением в перспективе, это относительный процесс. Чаще всего явления подобного плана необходимо рассматривать основываясь на их генезисе. Ведь «отрицание отдельного факта есть отсутствие такового, тогда как отрицание отсутствия факта есть не что иное, как его присутствие, наличие. И в свою очередь наличие факта представляет собой его утверждение» [12, с. 31]. То есть, утверждение является скрытым смыслом высказываний, содержащих отрицание отсутствия факта, какого-либо действия или свойства факта/действия. Поэтому такие языковые средства как «конъюнктив + средство отрицания», «отрицание + отрицание», «восклицательное предложение ирреального желания/сравнения/условия + отрицание» могут рассматриваться в качестве наиболее важных (но не единственных) способов выражения скрытых смыслов через грамматику высказывания. В основе всего этого находится согласование наклонение, которое считается многими учеными имплицитным средством выражения отрицания (В.Г. Адмони, Н.А. Булах, Г. Хельбиг, Е.И. Шендельс и др.).

Конъюнктив, по определению Г. Бринкмана, формулирует то, что лежит вне данного (явного) горизонта. Он выражает не только отсутствие события в действительности, но и служит для актуализации возможного или желательного действия, модальности чужого высказывания [13]. В этом плане претермальный конъюнктив (KII) выступает выразителем наименьшей степени реальности действия, что позволило рассматривать его как внутреннее (скрытое) отрицание. В такой функции KII встречается в высказывании в сочетании со средством отрицания (CO), что является релевантным для данного исследования. К сочетанию KII+CO следует подходить как к утверждению с имплицитной выраженностью, которое может быть эксплицировано с помощью пропозиционального анализа.

Особенностью многих высказываний является их двусобытийность, связанная причинно-следственными отношениями, которые с большей очевидностью проявляются в условных периодах с сочетанием KII+CO при выражении утверждения:

(5) *Hätte nur Alfred nicht die Polizisten gerufen – so dachte ich, – dann wäre mir nichts passiert* [14, с. 83].

CC: 1. *Alfred hat die Polizisten gerufen.*

2. *Dem Jungen ist was passiert.*

3. *Er hat Pech gehabt.*

4. *Das war für ihn unangenehm.*

5. *Er ist in der peinlichen Lage, usw.*

Такие высказывания, особенностью которых является их двусобытийность, связанная причинно-следственными отношениями, отличаются ярко выраженной прагматической направленностью. По мнению С.Т. Нефедова, говорящий сознательно допускает нереальность события с целью акцентирования внимания на следствии, что наглядно отражают представленные пропозиции. Суть условия (причины) раскрывается в виде первой пропозиции, сущность же главного предложения, отражающего последствия определенных действий, находит свое выражение в виде четырех пропозиций, иерархия которых может варьироваться благодаря контекстуальным условиям и объекту речи.

Подобным способом утверждение в высказывании реализуется с большей экспрессией в соответствии с коммуникативной интенцией говорящего. Являясь контекстуальным средством выражения утверждения, структура KII+CO выполняет данную функцию также в сравнительных придаточных предложениях с союзами *als*, *als ob*:

(6) *Fritz hatte sein Mädchen vergessen, als ob er nie eins gehabt hätte* [3, с. 62].

CC: 1. *Fritz hatte das Mädchen gehabt.*

2. *Er müchte sein Mädchen vergessen.*

3. *Fritz hatte gewichtige Ursache gehabt, sein Mädchen zu vergessen.*

4. *Er hatte einen guten Ersatz (irgendwelche interessante Beschäftigung, anderes Mädchen oder noch so was) gefunden.*

(7) *Mir ist es so, als hätte ich keine Beine mehr* [15, с. 138].

CC: 1. *Ich hatte Beine.*

2. *Ich fühle mich sehr schlecht und müde.*

3. *Ich brauche Erholung.*

4. *Meine Seele ist leer.*

Цель приведенных сочетаний конъюнктива с отрицанием в придаточных предложениях состоит в том, чтобы подтвердить информацию, заключенную в главном предложении. Но если рассматривать отдельно данные части высказываний с логических позиций, то можно заметить некоторое смещение понятий, определенных коммуникативно-прагматическими реалиями, поскольку утвердительные суждения (6.1. *Fritz hatte das Mädchen gehabt*; 7.1. *Ich hatte Beine*), не обладая категоричностью, актуализируют ослабленное утверждение, обусловленное отрицательной направленностью предтекста, которая выражена в первом случае лексемой *vergessen* с отрицательной семой, во втором случае – имплицитным понятием плохого самочувствия. Смысл смещения понятий заключается в относительном характере отрицания отрицательных ощущений, поскольку реальность фактов, их утверждение не меняет характера ощущений в целом.

Скрытое утверждение содержит также высказывания ирреального плана со CO с союзом *als wenn*, которые можно рассматривать как отделившиеся придаточные предложения или как автономные при имеющихся в данном тексте главных («Parzellierung» – О.И. Москальская).

(8) *Als wenn wir die Kinder nicht selber Verstand hätten! Ich habe doch auch Augen, Mutter* [15, с. 268].

Речевое поведение юношеского возраста, представленное в данном примере, отличается экспрессивной убежденностью, которая претендует на необходимость и возможность оказания адекватного воздействия на партнера. Поэтому употребление категоричных суждений и эллиптических предложений восклицательного плана можно рассматривать как стремление молодого поколения выразить соответствующими языковыми средствами конкретность своего мышления, убежденность в своей правоте и способность доказать это, что находит свое подтверждение в виде следующих пропозиций:

1. *Die Kinder haben Verstand selbst.*

2. *Ich kann daran selbstständig denken.*

3. *Ich kann das selbstständig machen.*

4. *Ich möchte mich etwas selbstständig unternehmen.*

5. *Ich habe sehr großen Wunsch, selbstständig zu sein.*

Основной прагматический эффект производит в данном случае не первая, а последняя пропозиция, отражающая желание юноши быть самостоятельным. Это находит свое подтверждение в ближайшем метафорическом контексте: «*Ich habe doch auch Augen, Mutter*», который, в свою очередь, тоже несет скрытую информацию, создающую единую целостную картину в сознании реципиента.

Таким образом, актуализация утверждения происходит в предложенных высказываниях имплицитным способом при сравнении или сопоставлении фактов. Грамматическим фактором порождения скрытого смысла в этом случае является наличие конъюнктива, который в сочетании со средством отрицания имплицитно утверждает суждение, а в предложениях без CO имплицитно отрицательное суждение.

Необходимо подчеркнуть, что рассмотрение скрытого смысла высказываний в немецком языке с грамматических позиций не ограничивается одним только конъюнктивом. Сюда можно отнести также такие языковые средства как «отрицание + отрицание», риторический вопрос, фразеологизмы и т.д.

Двойное отрицание объединяет много типов отрицаний, сочетание которых в высказывании сводится к выражению утверждения. Взаимоуничтожение двух отрицаний дает утверждение, на что указывается во многих грамматических исследованиях (Н.А. Булах, К. Дуден, Е.И. Шендельс, В. Юнг). Возникновение утвердительного суждения происходит методом «от противного», что предполагает наличие отрицательной presupпозиции («компонент смысла, который не выражен словесно; предварительное знание, дающее возможность адекватно воспринять текст, который принято называть фоновым знанием» [16]). Например:

(9) *«Merken Sie sich noch: es gibt keine uninteressanten, langweiligen Menschen»* [17, с. 414].

В целом высказывание носит формально отрицательный характер (Нет неинтересных людей), хотя суть его раскрывает положительное явление (Все люди интересны). Если представить на этом месте сразу утвердительное высказывание, типа: «*Er ist ein interessanter Mensch*» или «*Sie sind interessante*

Menschen» – это было бы несколько бездоказательно, субъективно, эмоционально нейтрально и не имело бы прагматического эффекта. Кроме того, приведенное высказывание, благодаря способу «отрицания отрицаемого», имплицировало не одну информацию, а несколько, которые можно экстраполировать из следующих presupпозиций:

- 1) кто-то отрицательно относился к объекту;
- 2) кто-то давал объекту отрицательную характеристику;
- 3) говорящий имеет большой жизненный опыт;
- 4) говорящий уверен в себе и своей правоте.

Основной коммуникативно-прагматический эффект производят первая и вторая presupпозиции, что диагностируется и подтверждается ближайшим контекстом. Словосочетание «keine ... langweiligen Menschen» имеет аналогичную грамматическую структуру (как и первое словосочетание) и скрытое содержание, актуализующееся в результате взаимодействия отрицательного местоимения kein и лексемы langweiligen, имеющей в своем значении также отрицательную тональность. Кроме того, для реципиента актуальной является информация, касающаяся конкретного человека, а не всех людей.

Аналогичному рассмотрению можно подвергнуть и следующее высказывание:

- (10) Das Schiff verriet nicht die geringste Bewegung [18, с. 93].

Адекватный анализ данного предложения следует осуществлять на уровне пропозиционального фактора с указанием степени релевантности имеющихся пропозиций.

Данное высказывание содержит следующие пропозиции:

1. Die Bewegung des Schiffes war nicht zu bemerken.
2. Das Schiff bewegte doch.
3. Es gaben Ursachen der geringsten Bewegung.

Предложенный текст должен рассматриваться как отрицательное высказывание, хотя в нем обнаруживаются утвердительные пропозиции (2) и (3), поскольку важной для адресата является информация о том, что корабль не выдавал ни малейшего

движения. Основной коммуникативно-прагматический эффект производит именно первая пропозиция, что диагностируется контекстом, так как для слушающего/читающего важна способность корабля не демонстрировать наличие движения, хотя таковое существует. Следующее высказывание свидетельствует об этом:

Aber der Kurschreiber zog weiter seine Linie über die Karte, und das Distanzgerät zeigte an: noch siebenundfünfzig Minuten bis zum Zielpunkt eins.

Таким образом, контекст играет диагностирующую роль при выявлении истинного (актуального) скрытого смысла, а выяснение основных и латентных пропозициональных структур, обладающих наибольшим прагматическим потенциалом, позволяет судить о содержании с достаточной корректностью.

Итак, грамматика в предложениях-высказываниях практически всегда нагружена семантически и/или прагматически. Фактический материал свидетельствует о том, что грамматические модели типа «КП+СО» и «отрицание + отрицание» в немецком языке являются определенными индексами скрытого утверждения/отрицания. Следовательно, их можно рассматривать также как способы порождения скрытого смысла. Данные грамматические средства позволяют определить моделированное утверждение/отрицание, тогда как все остальные способствуют отправлению и восприятию содержания высказывания в полном объеме. Таким образом, актуализация скрытого смысла посредством грамматики носит чаще всего более формализованный характер, чем, например, с помощью таких стилистических средств как тропы.

Из вышесказанного следует, что концепция скрытых смыслов может по праву базироваться на уровнях коммуникативного пространства, что в свою очередь обуславливает методику их декодирования, основывающуюся на компонентном анализе, методе ассоциирования, presupпозициональном и пропозициональном анализе, предполагающими выход в пространство иноязычного дискурса.

Библиографический список

1. Исаева, Л.А. Виды скрытых смыслов и способы их представления в художественном тексте: дис. ... д-ра филол. наук. – Краснодар, 1996.
2. Усова, Е.К. Аспекты изучения скрытых смыслов // Проблемы межкультурной коммуникации в теории языка и лингводидактике: материалы IV-ой международной научно-практической конф. – Барнаул, 2010. – Ч. 2.
3. Seghers, A. Das siebte Kreuz. – Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1967.
4. Die deutsche Lyrik des 19. Jahrhunderts. – Moskau: Verlag Raduga, 1984.
5. Langenscheidts Großwörterbuch. Deutsch als Fremdsprache. Большой толковый словарь немецкого языка: для изучающих немецкий язык. – М., 1998.
6. Воронушкина, О.В. Антропологическая составляющая аллегорических высказываний: монография. – Барнаул, 2010.
7. Лосев, А.Ф. Дialektika мифа / сост., подгот. текста, общ. ред. А.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого. – М., 2001.
8. Kellermann, Bernhard. Ausgewählte Werke in Einzelausgaben. Der 9. November. Roman. – Berlin: Verlag Volk und Welt, 1968.
9. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. – М., 2007.
10. Богданов, В.В. Предложение и текст в содержательном аспекте. – СПб., 2007.
11. Падучева, Е.В. Референциальные аспекты семантики предложения // Изв. АН СССР. – 1984. – Т. 43. – № 4. – Сер. лит. и яз.
12. Владимирская, Л.М. Философско-лингвистический потенциал категории утверждения / отрицания в современном немецком языке: монография. – Барнаул, 1997.
13. Brinkmann, H. Die deutsche Sprache // Gestalt und Leistung. Die 2. Aufgabe. – Düsseldorf: Schwan, 1971.
14. Uhse, B. Wir Söhne. – Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1984.
15. Fallada, H. Kleiner Mann, was nun? – Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1982.
16. Брусенская, Л.А. Учебный словарь лингвистических терминов / Л.А. Брусенская, Г.Ф. Гаврилова, Н.В. Малычева. – Ростов-на-Дону, 2005.
17. Becher, J.R. Abschied. – Berlin und Weimar: Aufbauverlag, 1969.
18. Krupkat, G. Nabau. – Berlin: Verlag Das neue Berlin, 1970.

Bibliography

1. Isaeva, L.A. Vidih skrihtihkh smislov i sposobih ikh predstavleniya v khudozhestvennom tekste: dis. ... d-ra filol. nauk. – Krasnodar, 1996.
2. Usova, E.K. Aspektih izucheniya skrihtihkh smislov // Problemih mezhkul'turnoy komunikatsii v teorii yazihka i lingvodidaktike: materialih IV-oy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konf. – Barnaul, 2010. – Ch. 2.
3. Seghers, A. Das siebte Kreuz. – Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1967.
4. Die deutsche Lyrik des 19. Jahrhunderts. – Moskau: Verlag Raduga, 1984.
5. Langenscheidts Großwörterbuch. Deutsch als Fremdsprache. Bol'shoy tolkoviy slovar' nemeckogo yazihka: dlya izuchayutikh nemeckiy yazihk. – M., 1998.
6. Voronushkina, O.V. Antropologicheskaya sostavlyayutaya allegoricheskikh vihskazihvaniy: monografiya. – Barnaul, 2010.
7. Losev, A.F. Dialektika mifa / sost., podgot. teksta, obsh. red. A.A. Takho-Godi, V.P. Troickogo. – M., 2001.
8. Kellermann, Bernhard. Ausgewählte Werke in Einzelausgaben. Der 9. November. Roman. – Berlin: Verlag Volk und Welt, 1968.
9. Arutyunova, N.D. Predlozhenie i ego smisl: logiko-semanticheskie problemih. – M., 2007.
10. Bogdanov, V.V. Predlozhenie i tekst v soderzhatel'nom aspekte. – SPb., 2007.
11. Paducheva, E.V. Referentsialniye aspektih semantiki predlozheniya // Izv. AN SSSR. – 1984. – T. 43. – № 4. – Ser. lit. i yaz.
12. Vladimirskaia, L.M. Filosofsko-lingvisticheskiiy potentsial kategorii utverzhdeniya / otricaniya v sovremennom nemeckom yazihke: monografiya. – Barnaul, 1997.
13. Brinkmann, H. Die deutsche Sprache // Gestalt und Leistung. Die 2. Aufgabe. – Dusseldorf: Schwan, 1971.
14. Uhse, B. Wir Söhne. – Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1984.
15. Fallada, H. Kleiner Mann, was nun? – Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1982.

16. Brusenskaya, L.A. Uchebniy slovar' lingvisticheskikh terminov / L.A. Brusenskaya, G.F. Gavrilo, N.V. Malihcheva. – Rostov-na-Donu, 2005.
17. Becher, J.R. Abschied. – Berlin und Weimar: Aufbauverlag, 1969.
18. Krupkat, G. Nabau. – Berlin: Verlag Das neue Berlin, 1970.

Статья поступила в редакцию 10.01.12

УДК 81'373.211.1

Ganova S.V. CONCEPTUALISATION OF OIKONIMS. In this paper is considered the question about possibility and features of conceptualization of oikonims. The research resting upon the analysis of phraseological units and the data of associative experiment allows model a mental image of oikonim at language consciousness.

Key words: oikonim, concept, conceptualisation, phraseological units, associative experiment, language consciousness.

С.В. Ганова, аспирант Алтайской гос. академии образования им. В.М. Шукшина, г. Бийск,
E-mail: ganovasvetlana@yandex.ru

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ОЙКОНИМОВ

В работе рассматривается вопрос об особенностях концептуализации ойконимов. По результатам исследования (анализа фразеологических единиц и данных ассоциативного эксперимента) выявляются специфические черты вербализации, структурной организации и функционирования ойконимических концептов.

Ключевые слова: ойконим, концепт, концептуализация, фразеологические единицы, ассоциативный эксперимент, языковое сознание.

Лингвистическая наука изучает топонимы в различных аспектах. В рамках традиционного, системного, направления выделяется два основных методологических подхода к изучению топонимов: лингвистический анализ (рассматривается становление языковой принадлежности имен, выявляются фонетические и фонематические закономерности, морфологические чередования, структурные типы и т.д.) и экстралингвистический анализ (изучается история возникновения объектов, изменение их названий, перенесение названий известных объектов на другие, хронология географических открытий и передвижения племен и народов и т.д.) [1]. Другое направление, антропоцентрическое, рассматривает имена собственные в тесной связи с мышлением человека, культурой народа. В рамках данного направления А.С. Щербак выделяет четыре подхода к изучению ономастики: лингвокультурологический (в центре внимания оказываются особо известные имена собственные, маркированные национальной культурой), этнолингвистический (нацелен на выявление национально-культурной специфики в структуре языкового знака), психоллингвистический (рассматривает значение имени собственного как результат отражения действительности сознанием человека) и когнитивный (изучает задействованность ойконимов в мыслительной деятельности человека, способность сохранять языковые и энциклопедические знания) [2].

Обосновывая необходимость изучения топонимов в рамках антропоцентрического направления, можно указать на то, что географическое пространство играет ключевую роль в жизнедеятельности человека, в познании им окружающего мира: человек не мыслит себя вне пространства, вне определенной среды. Топонимы участвуют в моделировании картины мира, во всяком случае, того ее фрагмента, который связан с концептуализацией пространства. Кроме того, существуя и функционируя на протяжении долгого времени, топонимы обретают способность вбирать в себя информацию об истории, социальной жизни, материальной и духовной культуре народа. То есть, в топонимической картине мира отражается культура каждого народа. Все это приводит к необходимости изучать топонимы в контексте познания и отражения системы знаний о мире.

Представляется, что выяснение особенностей восприятия топонимов носителями определенной лингвокультуры важно как в теоретическом, так и в практическом плане. Во-первых, без учета концептуализации географического пространства представление о языковой картине мира будет неполным. Во-вторых, знание способов и особенностей концептуализации топонимов, особенностей их восприятия носителями языка позволяет целенаправленно формировать положительный образ населенного пункта.

Об актуальности и перспективности изучения топонимии в рамках антропоцентрического направления свидетельствует

увеличение количества исследований по данной проблематике. При анализе работ, посвященных лингвокультурному осмыслению топонимии, было выявлено, что топонимы рассматриваются в диахроническом (Россия, Москва, Петербург, Европа, Франция, Италия, Древний Рим в русской поэзии XIX – XX вв. [3]) и в синхронном аспектах (Голливуд, Рублевка, Чернобыль, Беслан [4]), в рамках одной лингвокультуры (Петербург в речевом поведении петербуржцев [5]) и в восприятии представителей другой лингвокультуры (Украина [6], Америка [7] в российских СМИ, Россия в американских СМИ [7]).

Можно отметить, что обычно в качестве объекта изучения выбираются широко известные топонимы, значимые в экономическом, культурном, социально-политическом планах, актуальные для всех носителей определенной лингвокультуры – все это позволяет рассматривать их как культурные концепты. Однако возникают вопросы: можно ли рассматривать как концепты менее известные, значимые лишь для жителей определенного региона ойконимы (наименования населенных пунктов), в чем заключаются особенности их структурной организации, процесса концептуализации. Данная статья, не претендуя на полноту анализа, является попыткой ответа на эти вопросы.

Одним из основных понятий лингвокультурного изучения ойконимов является концептуализация, которую мы, вслед за Н.Н. Болдыревым, определяем как процесс образования концептов, их формирования в сознании [8]. Под концептом понимается лингвоментальная сущность, единица хранения информации об актуальном или возможном положении вещей в мире (т.е. то, что индивид знает, предполагает, думает, воображает об объектах мира). Как отмечает Р.И. Павлиненис, концепты – это «смыслы, составляющие когнитивно базисные подсистемы мнения и знания» [9, с. 241, 102]. Концепты, репрезентирующие информацию, связанную с наименованием населенного пункта, мы называем ойконимическими.

К числу основных признаков лингвокультурных концептов С.Г. Воркачев относит этнокультурную отмеченность, вербализованность, дискретную целостность смысла, к дополнительным – переживаемость, семиотическую плотность, ориентированность на план выражения, этимологическую (культурную, когнитивную) память слова [10, с. 70].

На основе выделенных признаков лингвокультурных концептов выявим базовые характеристики ойконимических концептов.

Сначала рассмотрим такой концептуальный признак, как **этнокультурная отмеченность**. Ойконимы в процессе функционирования, не утрачивая основной, адресной, функции, становятся «хранителями» накопленной за время существования населенного пункта культурологической информации. То есть, они могут рассматриваться как явления культуры, отражающие этническую специфику.

Следующим признаком концепта является **вербализованность**. Ойконимические концепты могут вербализовываться языковыми единицами разного уровня. В то же время наблюдается однородность, стандартизация языкового оформления ойконимических концептов. Прежде всего, ойконимические концепты вербализуются ойконимами – теми словами, которые используются для обозначения населенных пунктов в официальной коммуникации. Кроме того, ойконимические концепты вербализуются посредством отойконимических образований: притяжательных прилагательных; наречий в значении сравнения, уподобления; существительных, номинирующих жителей. Это объясняется тем, что ойконимические концепты относятся к классу макроконцептов, т.е. они вбирают «в себя не только инвариант значений репрезентирующего слова, но и инвариант его словообразовательного гнезда и одновременно семантического поля» [11, с. 39].

Можно утверждать, что ойконимические концепты **многочисленны и отличаются дискретной целостностью**. В их содержании выявляется понятийный, образный, энциклопедический, этнокультурный и коммуникативно значимый компоненты.

Понятийная составляющая актуализируется как связь с денотатом: ойконим связан с именами нарицательными (город, село, деревня) родовыми отношениями, которые дают минимум языковой информации, необходимой для понимания слова.

Образный компонент ойконимических концептов носит перцептивный характер (образуется в результате восприятия). Помимо этого, в содержании концепта выявляется энциклопедическая информация. Она объединяет когнитивные признаки концепта, для возникновения которых не требуется обязательного личного опыта взаимодействия с номинируемым объектом.

Этнокультурный и коммуникативно значимый компоненты в структуре ойконимических концептов тесно связаны. Деятельность человека, в том числе коммуникативная, «вплетена» в пространственную среду, следовательно, коммуникативные потребности, коммуникативные ситуации в какой-то степени могут быть определяемы ею.

О **переживаемости** ойконимических концептов свидетельствует тот факт, что индивид может оценивать населенный пункт, испытывать по отношению к нему симпатию или антипатию.

Что касается **семиотической плотности**, то, хотя ойконимы как языковые единицы, обозначающие единичные объекты, не могут иметь лексических синонимов, однако они могут иметь стилистические синонимы или варианты названий (если населенный пункт был переименован). Кроме того, ойконимы могут описываться с помощью перифразы.

Ориентированность ойконимических концептов на план выражения обнаруживается в наличии у них синтагматических и парадигматических ассоциативных связей.

Этимологическое значение ойконима существенного значения не играет и наличествует только «на стадии его превращения из апеллятива в топоним, а потом выветривается окончательно» [12, с. 104]. Но впоследствии, в процессе своего существования, ойконим «обрастает» внеязыковой, в том числе культурной, информацией, «носителем» которой и становится имя собственное.

Итак, поскольку все вышеперечисленные признаки концепта мы находим в ойконимах, то можно положительно ответить на вопрос о возможности их концептуализации. Однако концептуализация ойконимов отличается от концептуализации абстрактных понятий. Выделим ряд специфических особенностей этого процесса, проанализировав фразеологические единицы (ФЕ) и данные ассоциативного эксперимента.

В состав анализируемых ФЕ (всего 677) вошли пословицы, поговорки, афоризмы, в которых употреблен либо непосредственно ойконим, либо отойконимическое образование. Сбор материала производился методом сплошной выборки из «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля [13], «Толкового словаря крылатых слов и выражений» А. Кирсановой [14].

При проведении ассоциативного эксперимента испытуемым предлагалось заполнить бланк, записав первое слово, которое без размышления приходит на ум при прочтении ойконима. Всего в эксперименте участвовало 103 респондента, жителей г. Бийска, от 18 до 54 лет: 43% мужчин и 57% женщин. В результате получено 1413 различных ассоциаций на 14 слов-стимулов. В список ойконимов наряду с широко известными, общезначимыми мы включили и менее известные, регионально значимые

имена. Обработка полученных реакций состояла в построении ассоциативного поля исследуемого слова-стимула, представляющего собой перечисление ассоциатов, располагаемых по убыванию числа испытуемых.

Особенности вербализации. Говоря о вербализации ойконимических концептов, обозначающих крупные общеизвестные населенные пункты, можно отметить ряд особенностей. Во-первых, иногда названия крупных общеизвестных населенных пунктов в процессе функционирования в ФЕ частично утрачивают адресную функцию и употребляются как синоним слова «город»: *В городе (в Москве, Питере) рубят, по деревням (по городам) щепки летят. Шла коляда из Новгорода*.

Во-вторых, в ряде случаев, напротив, перифразы и другие ФЕ могут заменять употребление ойконима. То есть, носители языка, владея общеизвестной информацией, понимают, о каком ойкониме идет речь, даже без его непосредственного употребления: *Мать городов русских* – Киев; *Северная Пальмира, вторая Венеция, окно в Европу, северная столица, культурная столица* – Санкт-Петербург; *сердце России, столица нашей родины* – Москва, *Вечный город* – Рим.

Также наблюдается вариативность в номинации ойконимов и жителей населенных пунктов. Варианты ойконимов отражают фонетические (диалектные) и стилистические особенности (усечение, народные названия, перифразы): *Москва / Маскв; Володимир / Владимир; Питер / Петербург / Северная Пальмира*. Варианты номинации жителей населенных пунктов носят грамматический характер: *архангельцы / архангелогородцы, воложане / вологодцы, вятчане / вятчики / вятчичи* и т.д.

Наличие вариантов номинации свидетельствует об актуализации ценностного компонента, поскольку то, что играет существенную роль в жизни человека, получает многообразное обозначение в языке [15].

Особенности структуры концепта. В качестве одной из особенностей содержания региональных ойконимических концептов можно выделить неактуальность энциклопедической, этнокультурной информации. В ассоциациях на регионально известные и значимые ойконимы данная информация представлена лишь в единичных реакциях: *Архангельск: Ломоносов* – 6. *Барнаул: первая паровая машина* – 1. *Бийск: крепость, Петр I* – 1. *Новосибирск: балетный город* – 1. *Томск: Томская губерния* – 1. Можно заметить, что ассоциации на данную группу ойконимов принципиально не зависят от личного опыта взаимодействия с денотатом (ср. реакции на *Архангельск, Бийск*).

В то же время в реакциях на общеизвестные ойконимы, которые воспринимаются информантами «энциклопедически» (т.е. как вполне известные объекты, но при этом остающиеся все же внешним, неосвоенным пространством), социально-культурная информация представлена в большем объеме, она более клиширована и менее разнообразна (*Киев: мать городов русских, Леся Украинка, Рюрик, Кий, княжество, памятники, князь, пословица, древности* – 1. *Москва: столица нашей Родины, Третьяковка, Дм. Донской, Ленин* – 1. *Новгород: А. Невский* – 2; *вече, Поле-куликово, Владимир-князь* – 1. *Нью-Йорк: статуя свободы* – 5; *фильмы* – 3; *город контрастов, кино, Голливуд* – 1. *Париж: мода* – 7; *«Увидеть Париж и умереть»* – 1. *Рим: Гай Юлий, Цезарь, легенды и мифы древней Греции, древние греки, Римская империя, памятник, гуси, мода, неделя высокой моды* – 1. *Санкт-Петербург: Петр I* – 9; *Пушкин, культурная столица, культурный центр, культура, русский музей, памятники, Золотой век Екатерины, окно в Европу, вторая Венеция, Невский, всадник, Аврора, музей Екатерины I* – 1).

На стимулы, называющие малоизвестные города (*Гавана, Мадрид*), социально-культурная информация в ассоциациях отсутствует.

Таким образом, наличие этнокультурного компонента зависит от степени осведомленности носителя языковой культуры о культурно-историческом значении того или иного ойконима. В этом смысле возможность концептуализации регионально известных ойконимов получает территориальное ограничение, поскольку наименования небольших городов редко связываются с прецедентными текстами, фактами культуры, а традиции, обычаи, особенности быта и культуры известны лишь жителям того региона, где расположен этот город.

Другой особенностью концептуализации региональных ойконимов является актуальность коммуникативно значимого компонента в их структуре. Наибольшее количество такой информации мы видим в структуре регионально известных и значи-

мых ойконимических концептов. Например: *На Арать воровать, на Якшень продавать, в Мурашкино концы хоронить. Кострома – блудливая (веселая) сторона. В Суздале да в Муроме богу помолиться, в Вязниках погулять, в Шуе напиться* и т.д.

В данных ассоциативного эксперимента коммуникативно и личностно значимая информация актуализируется в реакциях, полученных на слова-стимулы, называющие хорошо знакомые респондентам населенные пункты (**Томск**: *учеба – 3; друзья, отрываться по полной программе, брат, живет (лучшая) подруга, был там, родственники, масса родни, воспоминания, хочу еще туда съездить – 1. Новосибирск*: *работа, родственники – 2; учеба, отдых, был там, мама, брат, в гости ездил, друг там учится, муж, родня была, хочу там жить, приятно бывать, люблю приезжать – 1. Барнаул*: *больница – 3; учеба, я был там – 2; подруга, работа, поступление в университет, живет моя подруга, был на соревнованиях, родня, была в лагере – 1. Бийск*: *дом – 10; родина моя – 9; наш родной город, родная сторона – 8; город, в котором живу, место жительства, я там живу, я здесь живу – 4; учеба, мой город – 3; работа, мой любимый город – 2; друзья, семья, мама, город, в котором я родилась, место проживания, родная дыра, родной край – 1).*

Как можно заметить, чем больше связей возникает у информанта с населенным пунктом и чем эти связи теснее, тем шире и разнообразнее представлен пласт коммуникативно значимой информации в структуре концепта.

Другая специфическая черта ценностного компонента структуры ойконимических концептов проявляется в том, что имена собственные являются своего рода этикетками, употребление которых актуализирует в сознании носителей языка базовые когнитивные категории («населенный пункт», «город», «деревня» и т.п.), ключевые концепты национальной культуры («пространство», «время», «мир», «свой-чужой» и т.д.). Остановимся подробнее на актуализации оппозиции «свой-чужой».

Концептуализация ойконимов связана с делением пространства на «свое» (освоенное, обжитое, жизненно важное, личностно значимое) и «чужое» (неосвоенное, неважное, незначимое). Причем данная оппозиция носит не только пространственный характер, но и охватывает нравы, законы, отношения между людьми.

Особенно ярко это проявляется в данных ассоциативного эксперимента. С концептом «чужой» связаны такие реакции, как *далеко, где-то далеко, далеко от нас, не был там, не знаю,*

заграница, мечта, хочется побывать, нерусь, враги, другое государство, плохо там, ничего особенного, другая жизнь, чужаки (Мадрид, Париж, Архангельск, Киев, Москва, Рим, Томск, Новосибирск).

Промежуточное положение (еще не освоенное, не «свое», но уже в какой-то мере знакомое, не «чужое») занимают реакции *я там жила, брат, тетя, детство, родители, подруга, родина, родственники, учеба, там учился брат, живет лучшая подруга, был там, был на соревнованиях, рядом, близко, хочу еще туда съездить, воспоминания, похож на Бийск, в гости ездил, друг там учится* (Барнаул, Новосибирск, Санкт-Петербург, Москва, Киев, Архангельск). Это, как правило, единичные реакции, связанные с опытом отдельных людей.

С концептом «свой» связаны реакции типа *дом, семья, друзья, мама; город, в котором я родилась; жизнь, место проживания, работа; город, в котором я живу; много всего интересного, всегда хочется сюда приезжать, родина моя, родной край, родная дыра, наш родной город, родная сторона, мой любимый город, мой город* (Бийск). Здесь связь с концептом «свой» носит массовый характер.

Особенности функционирования. Ойконимы (особенно малоизвестные широкому кругу лиц) несут в себе регионально значимую информацию, а значит, и концептуализироваться они будут лишь (или преимущественно) на уровне региональной языковой личности (аспект языковой личности, отражающий специфику региональной картины мира), проживающей некоторое время на территории определенного региона. Иначе говоря, реализация потенциала региональных ойконимических концептов тем выше, чем в более узкой среде они используются.

На основании вышеизложенного мы можем сделать вывод о том, что ойконимы могут концептуализироваться, если индивид обладает информацией о населенном пункте. Потенциал концептуализации ойконимов различен. Он зависит от известности, широты среды употребления ойконима, его значимости для языковой личности, которая определяется степенью освоенности территории, наличия личного опыта, связанного с тем или иным населенным пунктом.

Выявление путей и способов формирования ойконимических концептов, более детальная разработка модели ойконимического концепта открывают дальнейшие теоретические и практические перспективы современного лингвокультурного исследования ойконимии.

Библиографический список

1. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного. – М., 2007.
2. Щербак, А.С. Ономастический концепт как единица знания // Концептуализация мира в языке. – Москва; Тамбов, 2009. – Вып. IV. – Серия «Когнитивные исследования языка».
3. Зиновьева, О.А. Концептуализация ключевых географических объектов в русской поэзии XIX–начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2009.
4. Крюкова, И.В. Концептуализация топонима в русском языковом сознании // Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания». – 2010. – № 5 (10).
5. Кириченко, О.К. Концепт «Петербург» в речевом обиходе города: дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2005.
6. Пименова, М.В. Концепт «Украина» (на материале российских СМИ) // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2007. – Вып. 2 (22).
7. Антология концептов: в 2 т. / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Волгоград, 2005. – Т. 2.
8. Болдырев, Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1.
9. Павленис, Р.И. Язык. Смысл. Понимание // Язык. Наука. Философия. Логико-методологический и семиотический анализ. – Вильнюс, 1986.
10. Воркачев, С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М., 2004.
11. Убийко, В.И. Концептосфера человека в семантическом пространстве языка // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2004. – № 5.
12. Керт, Г.М. Информационные технологии в исследовании топонимии / Г.М. Керт, В.Т. Вдовицын // Вопросы языкознания. – 2005. – № 3.
13. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М., 1995.
14. Толковый словарь крылатых слов и выражений / Автор-составитель А. Кирсанова. – М., 2003.
15. Карасик, В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. – Волгоград; Архангельск, 1996.

Bibliography

1. Superanskaya, A.V. Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo. – M., 2007.
2. Sherbak, A.S. Onomasticheskiy koncept kak edinitsa znaniya // Konceptualizatsiya mira v yazyhke. – Moskva; Tambov, 2009. – Vihp. IV. – Seriya «Kognitivniye issledovaniya yazyhka».
3. Zinovjeva, O.A. Konceptualizatsiya klyuchevykh geograficheskikh objektov v russkoy poezii XIX–nachala XX vv.: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Voronezh, 2009.
4. Kryukova, I.V. Konceptualizatsiya toponima v russkom yazykovom soznanii // Ehlektronniy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal VGPU «Grani poznaniya». – 2010. – № 5 (10).
5. Kirichenko, O.K. Koncept «Peterburg» v rechevom obikhode goroda: dis. ... kand. filol. nauk. – SPb., 2005.
6. Pimenova, M.V. Koncept «Ukraina» (na materiale rossiyskikh SMI) // Politicheskaya lingvistika. – Ekaterinburg, 2007. – Vihp. 2 (22).
7. Antologiya konceptov: v 2 t. / pod red. V.I. Karasika, I.A. Sternina. – Volgograd, 2005. – T. 2.
8. Boldirev, N.N. Konceptual'noye prostranstvo kognitivnoy lingvistiki // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. – 2004. – № 1.
9. Pavilyonis, R.I. Yazyhk. Smisl. Ponimanie // Yazyhk. Nauka. Filosofiya. Logiko-metodologicheskij i semioticheskij analiz. – Vilnyus, 1986.

10. Vorkachyov, S.G. Schastje kak lingvokulturnihy koncept. – M., 2004.
11. Ubijko, V.I. Konceptosfera cheloveka v semanticheskom prostranstve yazihka // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2004. – № 5.
12. Kert, G.M. Informacionniye tekhnologii v issledovanii toponimii / G.M. Kert, V.T. Vdovicihn // Voprosih yazihkoznaniya. – 2005. – № 3.
13. Dalj, V.I. Tolkovihy slovarj zhivogo velikorusskogo yazihka: v 4 t. – M., 1995.
14. Tolkovihy slovarj krihatihk slov i vihrzheniy / Avtor–sostavitel A. Kirsanova. – M., 2003.
15. Karasik, V.I. Kulturniye dominantih v yazihke // Yazihkovaya lichnostj: kulturniye konceptih: sb. nauch. tr. – Volgograd; Arkhangeljsk, 1996.
Статья поступила в редакцию 10.01.12

УДК 811.161.1+81.271.2+81.38

Dobrya M.Ya. **THE PROBLEM FIELD OF ELOCUTIVE UTTERANCES' STUDY IN CHILDREN SPEECH.** The article deals with a number of factors determining the problem field of elocutive utterances' study in children's speech. The study of their influencing, estimating and figurative functions is based in connection with the identification of elocutive means' pragmatic properties in children's speech.

Key words: children's speech, elocutive utterance, expressiveness, figurativeness, pragmatic utterance potential.

М.Я. Добря, канд. филол. наук, ФГБОУ ВПО «ХГУ им. Н.Ф. Катанова», г. Абакан, E-mail: m.dobrya@mail.ru

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭЛОКУТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В ДЕТСКОЙ РЕЧИ

В статье рассматривается ряд факторов, определяющих проблемное поле исследования элокутивных высказываний в детской речи. Обосновывается изучение их воздействующей, оценочной, а также образной функций в связи с выявлением прагматических свойств элокутивных средств в детской речи.

Ключевые слова: детская речь, элокутивное высказывание, выразительность, образность, прагматический потенциал высказывания.

Детская речь изучается давно и достаточно успешно. Она является объектом изучения лингвистики, психологии, физиологии, когнитивной науки, социологии, философии. В последние годы активно развивается онтолингвистика – раздел лингвистики, изучающий онтогенез речи и детскую речь.

Ученых интересуют разные аспекты детского языка и речи: своеобразие его системности, особенности употребления различных языковых единиц, представленных различными уровнями языка, исследования проблематики языковых обобщений (М.Д. Воейкова, Н.В. Гагарина, Т.А. Гридина, Н.И. Лепская, Е.Ю. Протасова, С.Н. Цейтлин, А.М. Шахнарович, Н.М. Юрьева, Л. Блум, Д.И. Слобин, М. Томазелло и др.).

А.Н. Гвоздев, исследуя речь своего сына, в течение длительного времени наблюдал и фиксировал языковые факты, в своей книге указывает на основные особенности детского языка (речи):

- детский язык развивается под воздействием языка взрослых (окружающей среды);
- освоение детьми родного языка происходит в определенной последовательности, с проявлением общих закономерностей овладения языком у всех детей и потому, используя разными детьми, обладает одними и теми же свойствами и характеристиками;
- развитие языка ребенка детерминировано общими психофизиологическими условиями, которые проявляются у всех людей и кладут отпечаток на структуру языка [1].

Как отмечает С.Н. Цейтлин, «возможно два, по крайней мере, аспекта рассмотрения языковых явлений в речи ребенка: 1) подход к ним с позиций сложившейся языковой системы взрослого человека, который основан на сопоставлении единиц и категорий детского языка с единицами и категориями языка взрослых, и 2) подход с позиций детской языковой системы, рассматриваемой как до известной степени автономный объект, имеющий свои единицы и собственную структуру» [2, с. 276-277].

Выявление механизмов осмысления, особенностей употребления и производства элокутивных высказываний позволяет ответить на вопрос, «как именно приобщается ребенок к отработанному тысячелетиями опыту человечества, к процессу речевой деятельности» [3, с. 13], какие способы использования элокутивных средств он предлагает, что, в свою очередь, позволит смоделировать пути дальнейшего развития овладения ребенком элокутивной системой языка в целом.

Актуальность исследования прагматических свойств элокутивных средств детской речи определяется рядом факторов.

Во-первых, коммуникативное пространство детской речи оказывается сосредоточением для освоения и использования ребенком новых средств речевого выражения.

Во-вторых, под влиянием определенных коммуникативных установок и целей общения элокутивные высказывания в речи ребенка осваиваются как инвариантные и далее получают соответствующее преломление, которое, без сомнения, заслуживает лингвистического исследования.

Кроме того, изучение элокутивной организации детской речи позволяет выявить когнитивные и психолингвистические механизмы построения высказывания, а также определить его прагматический эффект, который может или не может быть достигнут в результате использования ребенком элокутивных средств языка.

В связи с этим выявление прагматических свойств элокутивных средств в детской речи связано с изучением их воздействующей, эстетической, оценочной, а также эмотивной и образной функций.

Изучению образных языковых средств и фигур речи как элокутивных средств посвящены труды В.В. Виноградова, В.Г. Гака, Б.М. Гаспарова, А.П. Квятковского, И.В. Пекарской, Д.Э. Розенталя, А.П. Сковородникова, Ю.М. Скребнева, В.К. Харченко и ряда других лингвистов.

Элокуция как этап риторического канона «состоит в словесном оформлении мысли, что подразумевает выбор стиля речи, речевого жанра и языковых средств в соответствии с коммуникативным намерением говорящего (пишущего), содержанием речи и речевой ситуацией» [4, с. 769]. «В сущности же элокуция изначально давала рекомендации довольно широкого спектра и апеллировала к таким категориям, как: *artum* – подбор целесообразных языковых средств, *puritas* – грамматическая правильность, *perspicuitas* – ясность мысли, *ornatus* – красота выражения» [5, с. 174]. «Красота выражения» и достигается использованием элокутивных средств, к которым традиционно причисляются тропы и фигуры речи.

Рассматривая специфику элокутивного высказывания в детской речи, следует подчеркнуть, что его исследование требует, прежде всего, определения таких его составляющих, как выразительность, экспрессивность, образность, эмотивность. Достаточно подробный анализ данных терминов в их соотношении проведен И.В. Пекарской в рамках представленной ею терминосистемы элокутивных понятий [6].

Вслед за И.В. Пекарской, следует отметить, что понятие выразительности в лингвистической литературе имеет достаточно широкие и порой размытые толкования. Чаще всего об-

щим в определении выразительности отмечается «способность речи привлекать внимание слушателя (читателя)». К данному ядерному признаку выразительности ученые добавляют те из них, которые актуализируют тот или иной аспект рассмотрения изучаемой категории. Так, еще Н. Адамов в начале 20 века в своей серии книг «Дар слова» определял выразительность через ее способность создаваться определенными приемами образности – введением в текст эпитетов, фигур, тропов [Цит. по: 7, с. 258].

Т.П. Плещенко, Н.В. Федотова, Р.Г. Чет, авторы пособия «Стилистика и культуры речи», в понятие выразительности включают «особенности ее структуры, которые позволяют усилить впечатление от сказанного (написанного), <...> воздействовать не только на его [слушателя/читателя] разум, но и на чувства, воображение» [8, с. 116]. Таким образом, указанные авторы в понятие выразительности включают ее экспрессивный и прагматический потенциал («усилить впечатление, воздействовать»).

Л.А. Введенская, Л.Г. Павлова, Е.Ю. Кашаева в данное понятие вводят способность речи «усиливать эффективность воздействия на адресата» [9, с. 68]. Кроме того, понятие выразительности часто используется как тождественное понятиям образности, эмоциональности, образности, экспрессивности.

Вслед за Т.Г. Хазагеровым и И.В. Пекарской определим понятие выразительности как «способность речи удерживать внимание адресата от начала до конца сообщения», а образность как «способность речи создавать в нашем сознании образы, конкретные представления» [10, с. 73].

Разводя понятия образности и выразительности, И.В. Пекарская пишет: «... категорию образности и категорию выразительности целесообразно, во-первых, рассматривать с точки зрения экстралингвистических и лингвистических факторов, во-вторых, детализировать понятия лингвистической образности и выразительности, выделив в ней языковую и речевую организацию как образности, так и выразительности» [10, с. 44]. Данное замечание является принципиально важным для исследования способов выражения выразительности и образности в детской речи.

Рассматривая понятие образности и выразительности, И.В. Пекарская отмечает: «Образ создает живое наглядное представление о чем-либо, образ конкретен, идеален и образное средство является образным, ярким» [10, с. 54]. При этом образность, образность, эмоциональность, экспрессивность составляют такое коммуникативное качество речи, как выразительность.

Понятие выразительности получает свое толкование в работах, посвященных становлению и развитию речи детей. Проблема формирования выразительности детской речи первоначально решалась в трудах психологов (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.В. Запорожец) и педагогов (А.М. Леушина, Ф.А. Сохин, О.С. Ушакова и др.). Чаще всего авторы педагогических исследований детской речи опираются на дефиницию данного термина, сформулированную психологами и, реже, лингвистами. Учеными подчеркивается одна из основных функций выразительности – обеспечение эффективности коммуникации. Следует отметить, что в педагогических и психологических работах выразительность рассматривается как качественная характеристика речи и средство речевого самовыражения личности. При этом в работах по формированию детской речи часто не разводится понятия языковой и речевой выразительности, принимая во внимание априори только второе из них.

Несомненно, язык ребенка имеет свою специфику. В нем находят выражение особенности мышления, ценностей, познания окружающего мира детьми. В основе языковой выразительности детской речи лежит новизна, отступление от привычного и обыкновенного, нормативного с точки зрения «взрослой» речи. Как известно, средства языковой выразительности многообразны и проявляют себя на всех уровнях языковой системы: фонетики и лексики, морфологии и словообразования, синтаксиса и фразеологии.

С.Л. Рубинштейн отмечал: «Речь ребенка часто обладает яркой выразительностью. <...> Не только самостоятельное сознательное использование выразительных средств речи, но и понимание их своеобразия и насыщенной семантики, определяющей эмоциональный подтекст речи <...>, является продуктом усвоения культуры» [11, с. 115].

Между тем до сих пор в лингвистической науке практически не было попыток провести исследование, в котором бы учитывались особенности в освоении детьми образно-выразительных средств как компонентов языковой системы, выявлялись индивидуальные и типологические особенности их использования на основе обуславливающих их факторов (гендерных, типологических и др.). До настоящего момента не выстроена система появления и использования в речи ребенка элокутивных высказываний. В связи с этим неминуемо возникают вопросы, решение которых поможет пролить свет на своеобразие детских высказываний.

Прежде всего, при исследовании детских элокутивных высказываний необходимо провести границу между типичным в речи ребенка и единичным. Вопрос об усвоении ребенком типичных, регулярных языковых единиц и их грамматических форм решается во всех исследованиях, посвященных анализу детской речи. Ученых (педагогов, лингвистов, психологов) интересует прежде всего проявление типического в языке ребенка. Однако для исследования особенностей использования ребенком средств, выполняющих образно-описательную функцию, важным является фиксация «неправильностей» детского языка, которая нередко лежит в основе создания, спонтанного или преднамеренного, прагматического эффекта. В нашей картотеке детских высказываний зафиксированы следующие примеры, являющиеся типичными для современного ребенка, который развивается под влиянием информационных технологий и нередко строит свои фразы, используя слова и выражения из «компьютерного языка»: *Бабушка тихонько рассказывает сказку. – Баба, включись погромче. (м., 4 г.) – Папа, сделай рот на паузу. Я в туалет сбегу (д., 4 г.) Бежит по улице, устал, присел на лавочку. – Я перезагружаюсь! (м., 5 л.)*

В связи с этим встает вопрос о природе возникновения языковых единиц в речи ребенка, в частности, о спонтанности либо осознанности построения элокутивного высказывания. Так, например, рассматривая использование детьми метафоры, М.А. Шахнаровичем и Н.М. Юрьевой [12; 13] отрицается спонтанное употребление метафор ребенком дошкольного возраста. По мнению В.К. Харченко, наряду с неосознанным употреблением переноса наименования, в ряде случаев ребенок намеренно прибегает к этому приему речи. Ученый приводит такие примеры: *Январь – носик года, декабрь – хвостик (5 л. 10 м.) Капли дождя стучат по оконному стеклу. – Дождь печатает! (4 г. 8 м.)* [14, с. 123].

В-третьих, при анализе выразительных высказываний в детской речи в поле зрения исследователя попадает не только формально-языковая, но и ментальная, содержательная сторона детского предложения, текста, которая так или иначе раскрывает особенности мировосприятия, мышления ребенка. Следовательно, анализ выявленных концептов в некоторых случаях является приоритетным. Например, особенности мышления ребенка, специфика познания им окружающего мира ярко проявляет себя таких высказываниях: *(при описании иллюстрации) Некрасивая она, потому что одета хмуро (д., 5 л.) Старая, злая, уши не проколоты (д., 5,5 л.). Пальто у нее красивое, но надето на злюке, поэтому тоже плохое (м., 4,5 г.) – Мама, это что? – Общежитие. – Туда отдадут детей, чтобы они учились жить? (м., 5 л.)*

В-четвертых, при рассмотрении детских высказываний значимым является учет гендерных и возрастных характеристик. Гендерная принадлежность определяет качественное своеобразие высказываний девочек и мальчиков, отражая в них не только личностные предпочтения, но и полоролевой социальный опыт ребенка: *Вариант «Куручки Рябы»: – Снесла курочка яичко, но не простое, а шоколадное! (д., 4 г.) Куручка снесла яичко не золотое, а полезное! (м., 3 г.)* Как указывает исследователь М.Ю. Ушакова, «на интенцию к высказыванию более значительное влияние оказывает у девочек блок личностных образований и психологических состояний, у мальчиков – блок интеллектуально-когнитивных операций и репрезентации знаний» [15, с. 143].

Как отмечает В.К. Харченко, «при описании фонетики, грамматики, словообразования в детской речи несложно указать возрастную границу, после которой речь испытуемых будет все меньше и меньше отличаться от речи взрослых людей, носителей языка» [14, с. 129]. С взрослением происходит расширение доли осознанного применения ребенком образно-выразительных средств и, как следствие, освоение и осознание детьми эс-

тетической функции языка. Проиллюстрируем сказанное следующими примерами: *Зимой утром, увидев в окно, что выпал снег: – Смотрите! Там всё поскользнуло! (м., 1,5 г.) – Мама, почему ты не разрешаешь сосать сосульки? Зачем тогда их так называли? (м., 5 л.) – Ледающей – это замёрзший Водяной. (м., 6 л.) – Я не люблю зиму, потому что она долго продолжается. Вот смотри: лето – июнь, июль, август. И всё. А зима – декабрь идёт-идёт-идёт-идёт, потом январь идёт-идёт-идёт-идёт, потом февраль идёт-идёт-идёт-идёт... (м., 6 л.) Погода постоянно меняется – то метель, то солнце, то всё тает. Каждый день ведёт счёт: – 2:1 в пользу весны! (м., 8 л.)*

Затем, при фиксации языкового материала, необходимо сохранение целостной речевой ситуации для точного понимания контекста высказывания. Детская речь, развиваясь в органической связи с познанием мира, отражает ситуативный характер знаний ребенка, который как мозаичная картинка калейдоскопа проступает в содержании детского высказывания, элокутивного в том числе. Приведем примеры: *Муха мед клюет (о пчеле на цветке) (д., 2 г. 9 м.) ...маленькие динозаврики как крокодилы. (м., 3 г.) Я знаю, как узнать доброго и злого: добрый улыбается, а злой смеется (д., 4 г.) Об однокласснике: Он светится, как добрая новость (м., 8 л.)*

Кроме того, необходимо учитывать обязательность проявления в элокутивном высказывании ребенка эмоционального и, нередко, оценочного компонента. Расширяя данный тезис, следует обратить внимание на связь детской речи с эмоциональным освоением мира. Проявление эмоциональности и оценочности в речи ребенка – естественная и обязательная ее составляющая. Ее изучение активно ведется в педагогических работах, посвященных обучению детей дошкольного и младшего школьного возраста речевой выразительности. В лингвистике связь эмоций и языка изучается в аспекте рассмотрения интонации детских высказываний в коммуникативном акте, характеристике интонационной стороны речи детей с нарушениями речи. При этом внимание исследователей пока не коснулось взаимоотношений эмотивов и элокутивов в детской речи. Появление новых слов, их освоение ребенком всегда связано с эмоциональ-

ным восприятием окружающего мира, с окружающей ребенка языковой средой. Сеем предположить, что эмотив выступает в языке ребенка как элокутивное средство и несет определенный прагматический потенциал. См. пример: *Ужасная она и смеется, как ведьма «Ха-ха-ха» (м., 4,5 г.)*

И, наконец, приступая к анализу элокутивных детских высказываний, необходимо решить вопрос о возможности эксплицитного и имплицитного выражения эстетического отражения ребенком окружающего мира. Картины мира можно представить как внешний, знаково-символический строй, так и внутренний, образный, символический. Немаловажное значение в коммуникативном пространстве имеет способность языкового содержания высказывания передавать дополнительный смысл, имплицитно связанный с ним и выводимый из него коммуникантами. – *Бабушка, расскажи мне не сказку, а правду. Только новую правду! (м., 5 л.) Сломала игрушку и просит починить: – Мама, поработай Золушкой (д., 7 л.) – Мам, расскажи мне сказку – Какую сказку? Тебе уже 12 лет! – Ну, тогда ОБЖ почитай на ночь... (д., 12 л.)*

Подытоживая анализ проблемного поля исследования элокутивной прагматики языка ребенка, сделаем некоторые выводы.

1. Детская речь – особая область исследования, изучение которой проливает свет на особенности овладения человеком языковой системой.

2. Выявление прагматических свойств элокутивных средств в детской речи связано с изучением их воздействующей, эстетической, оценочной, а также эмотивной и образной функций.

3. При исследовании детских элокутивных высказываний необходимо учитывать ряд факторов, в числе которых следует назвать: разграничение типичного и единичного в речи ребенка; спонтанность либо осознанность построения элокутивного высказывания; анализ содержательной стороны детского высказывания, его связь с ментальными процессами; гендерная и возрастная характеристика детской речи; наличие эмоционального и оценочного компонента в элокутивном высказывании ребенка; эстетическое отражение ребенком окружающего мира.

Библиографический список

1. Гвоздев, А.Н. Вопросы изучения детской речи. – М., 2007.
2. Цейтлин, С.Н. Направления и аспекты изучения детской речи // Детская речь как предмет лингвистического исследования. – СПб., 2004.
3. Кубрякова, Е.С. Данные о детской речи с общелингвистической точки зрения // Детская речь как предмет лингвистического изучения: межвузовский сб. науч. трудов. – Л., 1987.
4. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. – М., 2003.
5. Ключев, Е.В. Риторика. (Инвенция. Диспозиция. Элокуция). – М., 2001.
6. Пекарская, И.В. Контаминация в контексте проблемы системности стилистических ресурсов русского языка. – Абакан, 2000. – Часть I.
7. Русская риторика: хрестоматия / авт. – сост. Л.К. Граудина. – М., 1996.
8. Плещенко, Т.П. Стилистика и культура речи: учеб. пособие / Т.П. Плещенко, Н.В. Федотова, Р.Г. Чечет; под ред. П.П. Шубы. – Мн., 2001.
9. Введенская, Л.А. Русский язык и культура речи / Л.А. Введенская, Л.Г. Павлова, Е.Ю. Кашаева. – Ростов н/Д., 2005.
10. Пекарская, И.В. Контаминация в контексте проблемы системности стилистических ресурсов русского языка. – Абакан, 2000. – Ч. I.
11. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии. – СПб., 2007.
12. Шахнарович, А.М. К проблеме понимания метафоры / А.М. Шахнарович, Н.М. Юрьева // Метафора в языке и тексте. – М., 1988.
13. Шахнарович, А.М. Психолингвистический анализ семантики и грамматики (на материале онтогенеза) / А.М. Шахнарович, Н.М. Юрьева. – М., 1990.
14. Харченко, В.К. Переносные значения слова. – М., 2009.
15. Ушакова, М.Ю. Гендерные особенности речи детей дошкольного возраста: дисс. ... канд. психол. наук. – Иркутск, 2006.

Bibliography

1. Gvozdev, A.N. Voprosih izucheniya detskoy rechi. – M., 2007.
2. Ceytlin, S.N. Napravleniya i aspektih izucheniya detskoy rechi // Detskaya rechj kak predmet lingvisticheskogo issledovaniya. – SPb., 2004.
3. Kubryakova, E.S. Dannihe o detskoy rechi s obthelingvisticheskoy tochi zreniya // Detskaya rechj kak predmet lingvisticheskogo izucheniya: mezhvuzovskiy sb. nauch. trudov. – L., 1987.
4. Kuljtura russkoy rechi: ehnciklopedicheskij slovarj-spravochnik / pod red. L.Yu. Ivanova, A.P. Skovorodnikova, E.N. Shiryayeva. – M., 2003.
5. Klyuev, E.V. Ritorika. (Invenciya. Dispoziciya. Ehlokuciya). – M., 2001.
6. Pekarskaya, I.V. Kontaminaciya v kontekste problemih sistemnosti stilisticheskikh resursov russkogo yazihka. – Abakan, 2000. – Chastj I.
7. Russkaya ritorika: khrestomatiya / avt. – sost. L.K. Graudina. – M., 1996.
8. Plethenko, T.P. Stilistika i kuljtura rechi: ucheb. posobie / T.P. Plethenko, N.V. Fedotova, R.G. Chechet; pod red. P.P. Shubih. – Mn., 2001.
9. Vvedenskaya, L.A. Russkij yazihk i kuljtura rechi / L.A. Vvedenskaya, L.G. Pavlova, E.Yu. Kathaeva. – Rostov n/D., 2005.
10. Pekarskaya, I.V. Kontaminaciya v kontekste problemih sistemnosti stilisticheskikh resursov russkogo yazihka. – Abakan, 2000. – Ch. I.
11. Rubinshteyjn, S.L. Osnovih obtheyj psikhologii. – SPb., 2007.
12. Shakhnarovich, A.M. K probleme ponimaniya metaforih / A.M. Shakhnarovich, N.M. Yurjeva // Metafora v yazihke i tekste. – M., 1988.
13. Shakhnarovich, A.M. Psikholingvisticheskij analiz semantiki i grammatiki (na materiale ontogeneza) / A.M. Shakhnarovich, N.M. Yurjeva. – M., 1990.
14. Kharchenko, V.K. Perenosnihe znacheniya slova. – M., 2009.
15. Ushakova, M.Yu. Gendernihe osobennosti rechi detey doshkolnogo vozrasta: diss. ... kand. psikh. nauk. – Irkutsk, 2006.

Статья поступила в редакцию 13.01.12

УДК 81'23: 398

Elina A.K. NEGATIVE CHARACTERS OF RUSSIAN FOLK-TALES IN PERCEPTION OF NATIVE SPEAKERS. In the article the peculiar ways the native speakers perceive the negative characters of Russian folk-tales are described on the basis of the results of the psycholinguistic experiment made within the undertaken research.

Key words: folk-tales, negative characters, perception, native speakers, psycholinguistic experiment.

А.К. Елина, аспирант АмГППУ, г. Комсомольск-на-Амуре, E-mail: kadyrovaak@mail.ru

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ГЕРОИ РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК В ВОСПРИЯТИИ НОСИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА

В статье описываются особенности восприятия носителями русского языка отрицательных героев народных сказок на основании результатов психолингвистического эксперимента, проведенного в рамках предпринимаемого исследования.

Ключевые слова: народные сказки, отрицательные герои, восприятие, носители языка, психолингвистический эксперимент.

Отличительные особенности, равно как и сходные черты, не могут быть описаны исключительно на основе наблюдений исследователя над текстами сказок, поскольку автор является носителем определенной лингвокультуры и в восприятии реалий других культур ограничен ее рамками и стереотипами. С другой стороны, сказка как жанр уходит своими корнями в прошлое, а с течением времени, как известно, происходит постепенная модернизация образов и представлений, а также отношения к ним носителей языка; изменяется содержание концептов. Концепты мы будем понимать как единицы метаязыкового сознания, которые формируют наивную картину мира.

Как воздействует социум на восприятие носителями языка героев народных сказок? С целью установить характер такого воздействия нами был проведен психолингвистический эксперимент, направленный на исследование восприятия носителями языка героев русских народных сказок. Был использован метод анкетирования. Анкеты были составлены на материале 60 волшебных сказок из сборника А.Н. Афанасьева, 1957 г. В ходе изучения текстов русских народных сказок нами было отобрано 22 сказочных персонажа. Часть из них – баба-яга, нечистый дух, Кощей Бессмертный, мачеха, Змей Горыныч, Елена, Иван-царевич, ведьма, падчерица, солдат, Василиса, Алёнушка – были включены в анкету по частотности употребления, часть – в произвольном порядке: морской царь, Морозко, Марья Моревна, царь-девица, Емеля, Заморышек, Никита Кожемяка, Мартыно, Иван-дурак, Федот-стрелец. С целью получения наиболее достоверных результатов и для удобства испытуемых отобранный нами перечень был разбит на две равные части, поскольку респонденты затруднялись охарактеризовать всех героев сразу.

В ходе анкетирования было опрошено 100 носителей русского языка в изолированных аудиторных условиях группами по 10-15 человек. Информантам было предложено дать краткую характеристику сказочным персонажам, которая предполагала описание внешности и характера. Инструкция давалась в письменной форме, что отвечает задачам когнитивного эксперимента. Информанты во времени не ограничивались. Инструкция выглядела следующим образом: «Дайте краткую характеристику следующим сказочным персонажам (внешность, характер)». Эксперимент проводился на базе вузов Дальнего востока и Алтайского края: Амурский гуманитарно-педагогический государственный университета и Алтайская государственная академия образования им. В.М. Шукшина. Возраст испытуемых варьировался от 18 до 25 лет. Выяснение роли гендерного и возрастного факторов в восприятии носителями русского языка героев народных сказок целью эксперимента не являлось.

На основании результатов эксперимента всех героев можно разделить на положительных (признак «добрый» входит в ядро концепта) и отрицательных (признак «злой» входит в ядро концепта). В восприятии носителей языка положительными героями являются Иван-царевич, Никита Кожемяка, падчерица, Иван-дурак, солдат, Василиса, Елена, Емеля, Морской царь, Морозко, Марья Моревна, Алёнушка и Царь-девица. К отрицательным персонажам по результатам эксперимента относятся баба-яга, Змей Горыныч, нечистый дух, Кощей Бессмертный, мачеха

и ведьма. В данной статье мы рассмотрим, как современные носители языка воспринимают отрицательных героев русских народных волшебных сказок.

1. **Баба-яга.** Ядро концепта *баба-яга* составляют следующие признаки внешности: *старая, горбатая, страшная, носит лохмотья, летает в ступе с метлой, имеет длинный/большой/крючковатый нос с бородавкой*. К универсальным чертам характера данного сказочного персонажа носители языка относят такие качества, как *злая, вредная, хитрая, пакостливая, людоедка*. По частотности употребления в качестве «абсолютного» признака данного концепта можно выделить, таким образом, определение *злая*. К периферийным признакам внешности, по мнению испытуемых, относятся такие определения, как *лохматая, морщинистая, с костяной ногой, некрасивая, уродливая* и проч.

Следует отметить, что в текстах русских народных сказок образ *бабы-яги* представлен схематично и стремится к «формульности». Например, *баба-яга костяная нога* [1, с. 156]; *села на ступу, толкачем погоняет, помелом след замечает* [1, с. 157]; *я хочу ею позавтракать* [1, с. 156]; *от злости зубами заскрипела* [1, с. 157]; *в избушке жила, никого к себе не подпускала и ела людей как цыплят* [1, с. 160]; *страшно озлобилась* [1, с. 168]. Представление носителей языка о концепте *баба-яга* частично совпадает с теми характеристиками, которые мы находим в текстах народных сказок. Определения *злая, ест людей и летает в ступе с метлой* совпадают с теми признаками, которые мы выделили на основе изучения сказочных текстов. Однако определение *костяная нога* в представлении носителей языка не является существенной характеристикой концепта и относится к его периферии. Но в то же время респонденты добавляют к ним и некоторые другие признаки. Поэтому можно предположить, что восприятие данного сказочного персонажа носителями русского языка основано не только и не столько на знании текстов русских народных сказок, а прежде всего на визуальных образах, созданных в художественных и мультипликационных фильмах. И, следовательно, в этой связи можно говорить об эволюции восприятия образа данного сказочного персонажа под воздействием кинематографа, а также об изменении основного содержания концепта под влиянием современной культуры и социума.

2. **Нечистый дух.** Универсальным внешним признаком концепта *нечистый дух* является определение *невидимый*. Однако этот признак, который выделяется испытуемыми и соответственно входит в ядро концепта, не относится к существенным характеристикам персонажа в текстах русских народных сказок. Основная черта характера данного сказочного персонажа представлена признаком *злой*, который также можно выделить в качестве абсолютного ментального признака концепта *нечистый дух*. Признак *злой* имеет несколько вариантов выражения в ответах реципиентов. *Злой* – признак, выражающий качество объекта. В характеристике *творит/несет/сеет зло* усиливается мотив деятельности, то есть персонаж не просто *злой* пассивно, а его злое начало направлено на других. Характеристика *воплощение/символ зла* эмоционально окрашена и также входит в ядро концепта. Здесь представление носителей языка о данном

сказочном персонаже совпадает с теми характеристиками, которые присутствуют в текстах русских народных сказок. Однако признак *имеет много обличей*, который является существенным в текстах русских народных сказок, таковым, по мнению носителей русского языка, не является и относится к периферии концепта.

Образ *нечистого духа* в текстах русских народных сказок представлен схематично; его характеристики, как внешние, так и внутренние, не отличаются разнообразием и обилием деталей. Однако современные носители языка воспринимают этот персонаж иначе. Ядерные признаки остаются более устойчивыми, а периферийные признаки отличаются многообразием. Например, *серый, хмурый, мрачный, черный поток воздуха, имеет много обличей, служит дьяволу, с горбом на спине и проч.*

Следовательно, можно предположить, что восприятие современных носителями русского языка данного сказочного героя претерпело некоторые изменения под воздействием современной культуры и общества.

3. Кощей Бессмертный. Абсолютным ментальным признаком концепта *Кощей Бессмертный* является определение *злой*. Ядро концепта также составляют следующие внешние признаки: *худой, старик, старый, высокий, страшный, костлявый*. Признаки, принадлежащие периферии концепта, отличаются большим разнообразием. Однако, те отличительные черты сказочного персонажа, которые находят отражение в текстах русских народных сказок, в восприятии носителей языка не являются существенными и, следовательно, не входят в ядро концепта. Так, например, определения *хранит свою смерть на конце иглы/в яйце; сильный; крадет красивых девиц* – принадлежат периферии концепта в виду незначительной количественной представленности в ответах респондентов.

Следовательно, мы можем сделать вывод о том, что происходит постепенная эволюция представлений носителей русского языка о персонаже *Кощей Бессмертный*. Характер изменений дает основания утверждать, что сознание современных носителей языка стремится к большей детализации или скорее визуализации образа данного сказочного персонажа, так как и в ядре, и в периферии концепта внешние признаки отличаются наибольшей количественной представленностью. Кроме того, носители языка зачастую наделяют данный персонаж теми признаками и характеристиками, которые не находят отражения, прямого или косвенного, в текстах русских народных сказок и, следовательно, ему не свойственны. При этом абсолютный ментальный признак *злой* принадлежит ядру концепта и, следовательно, сохраняет свой универсальный характер в отношении сказочного персонажа *Кощей Бессмертный*.

4. Мачеха. Ядро концепта *мачеха* составляет признак *злая*. В характеристике *жаждет творить зло* усиливается мотив деятельности, то есть она не просто злая пассивно, «сама по себе», а стремится направить это злое начало на других, в частности на падчерицу. Можно проследить развитие этого мотива (зла как действия) в других признаках: *портит жизнь мужу; устраивает скандалы; бьет падчерицу; любит всех унижать; постоянно издевается над падчерицей; все время кричит, ругается; постоянно дает падчерице сложные задания и т.д.* Далее по частотности употребления следуют признаки, которые косвенно совпадают с текстами сказок: *любит родную дочь, ненавидит падчерицу, заставляет падчерицу выполнять всю работу по дому, жадная, скупая*. Следовательно, представления носителей языка о данном сказочном персонаже на современном этапе развития общества значительных изменений не претерпели. Однако разнообразие периферийных характеристик говорит о том, что сознание носителей языка стремится к более детальному, конкретному осмыслению образа как в плане внешних характеристик, так и в плане внутренних/личностных качеств.

5. Змей Горыныч. Ядро концепта *Змей Горыныч* составляет признак *злой*. К универсальным внешним характеристикам относятся такие определения, как *трехглавый, огнедышащий, дракон, змей, зеленый, большой*. В текстах русских народных сказок образ *Змея Горыныча* представлен кратко. Однако характеристики, которые мы находим в сказочных текстах, и определения, которые дают носители языка, описывая *Змея Горыныча*, совпадают только по двум признакам – *злой и трехгла-*

вый. Прочие существенные признаки данного сказочного персонажа, которые мы можем выделить, опираясь на сказочные тексты, по мнению испытуемых, не являются важными и, следовательно, не входят в ядро концепта. Например, *Змей* может принимать разные обличы, соблазнять и похищать красавиц, пытается извести хитростью богатыря. В текстах русских народных сказок эти признаки находят следующее языковое выражение: *Змей Горыныч обольстил Елену Прекрасную* [1, с. 121]; *шестиглавый змей ... перекинулся красавцем, сладко говорит, перекинулся в прежний вид, схватил и унес царевну* [2, с. 93]; *Змей Горыныч ударился о сыру землю и сделался таким молодцом да красавцем, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать; полюбился царевне* [2, с. 101]; *оборотился венником; оборотился помелом* [2, с. 102].

Он угрожает людям разорением земель и берет с них дань: *пишет... трехглавый змей: «Отдай свою дочь, не то все королевство огнем сожгу, пеплом развею!»* [2, с. 347]; *брал он с народа поборы немалые: с каждого двора по красной девке; возьмет девку да и съест ее* [1, с. 327]. Эти признаки относятся к периферии, они размыты и нечетко сформулированы в ответах респондентов. Их место занимают другие определения, которые по количественной представленности мы относим к ядру концепта: *огнедышащий, дракон, змей, зеленый, большой*. Это внешние признаки; они отличаются разнообразием и в периферии концепта. Например, *страшный, может летать, красный, похож на динозавра, с маленькими крылышками, пузатый* и проч. Следовательно, в представлении носителей русского языка о сказочном персонаже *Змей Горыныч* происходит смещение акцента в сторону внешних характеристик. Внутренние признаки, напротив, становятся вторичными по отношению к внешним признакам.

6. Ведьма. Ядро концепта *ведьма* составляют признаки *злая, страшная, хитрая, старая, коварная, летает на метле*. В текстах русских народных сказок этот сказочный персонаж представлен такими определениями, как *страшная* [1, с. 136]; *злая* [1, с. 183]; *старая/старуха* [2, с. 406]. Она ест людей и точит для этого зубы: *съест и отца и мать* [1, с. 136]; *ушла зубы точить* [1, с. 137]; *велела его сжарить* [1, с. 183]. Ведьма похищает детей (например, в сказке «Терешечко»), хочет съесть родного брата (в сказке «Ведьма и Солнцева сестра»), пытается при помощи колдовства умертвить царевну, которая прекраснее ее (как в сказке «Волшебное зеркальце») или дает зелье мачехе, которая хочет извести ненавистного пасынка (как в сказке «Незнайка»). Как видно из приведенных примеров, образ ведьмы в сказках представлен очень кратко и схематично; признаки данного персонажа не отличаются многообразием. Однако, указанные характеристики в основном совпадают с теми признаками, которые мы относим к ядру концепта на основании ответов испытуемых.

В восприятии носителей языка складывается более четкий образ, чем в текстах сказок. Рассмотрев признаки, относящиеся к периферии концепта, обнаруживаем следующие характеристики: *в острокопечной шляпе; дама в черном; яркая внешность пиковой дамы; одета в плащ с капюшоном; одета в черное длинное платье; эффектная брюнетка с ярким макияжем; горбатая; с бородавкам; лохматая; горбатый/крючковатый нос; зеленые глаза и проч.* В текстах русских народных сказок подобные характеристики не встречаются. Следовательно, происходит наложение новых элементов на исконно русское представление о данном сказочном персонаже, образ постепенно эволюционирует под влиянием современной культуры.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что происходит постепенная эволюция восприятия носителями языка отрицательных персонажей русских народных сказок. Сознание современных носителей языка стремится к детализации, визуализации образов под влиянием современной культуры и общества. Эти изменения касаются в основном периферийных признаков и затрагивают лишь в незначительной степени ядерные характеристики концептов, которые остаются относительно устойчивыми. Так, абсолютный ментальный признак *злой* принадлежит ядру всех рассмотренных выше концептов и, следовательно, сохраняет свой универсальный характер в отношении указанных сказочных персонажей.

Bibliography

1. Afanasjev, A.N. Narodnihe russkie skazki: v 3 t. – M., 1957. – Т. 1.
2. Afanasjev, A.N. Narodnihe russkie skazki: v 3 t. – M., 1957. – Т. 2.

Статья поступила в редакцию 10.01.12

УДК 820

Zhatkin D.N., Ionova E.L. O.N. CHUMINA AS A TRANSLATOR OF ELIZABETH BARRET BROWNING'S POEMS*.

The article contains the analysis of O.N.Chumina's translations of the following poems by Elizabeth Barret Browning: «Irreparableness», «Tears», «The Prisoner», «Insufficiency», «A Rhapsody of Life's Progress», «The Romance of the Swan's Nest». The analysis of O.N.Chumina's translations results in the conclusion that despite the fact that some meaningful literary details were omitted, O.N.Chumina as a translator was able to depict tonality of description in philosophic poems by Elizabeth Barret Browning requiring deep thoughtful reading. O.N.Chumina was the first to draw attention to aphoristic character of Elizabeth Barret Browning's poetry, her ability to reproduce subtly the emotional state of her characters as well as the active use of tropes and figures of speech. However, some poems translated by O.N.Chumina have lost their inherent energy, psychological tension and expressiveness of the original.

Key words: Elizabeth Barret Browning, poetic translation, English-Russian literary ties, women's poetry, literary detail, aphoristic character, tropes and figures of speech, intercultural communication.

Д.Н. Жаткин, д-р филол. наук, проф., зав. каф. ПГТА, г. Пенза;

Е.Л. Ионова, старший преподаватель ПГУАС, г. Пенза, E-mail: ivb40@yandex.ru

О.Н. ЧЮМИНА – ПЕРЕВОДЧИК ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЭЛИЗАБЕТ БАРРЕТ БРАУНИНГ*

В статье рассмотрены выполненные О.Н. Чюминой переводы стихотворений Элизабет Баррет Браунинг «Irreparableness» («Непоправимое»), «Tears» («Слезы»), «The Prisoner» («Узник»), «Insufficiency» («Недостаточность»), «A Rhapsody of Life's Progress» («Рhapsодия развития жизни») и ее поэмы «The Romance of the Swan's Nest» («Романс о лебедином гнезде»). Отмечается, что, несмотря на пропуск отдельных значимых художественных деталей, О.Н. Чюмина как переводчик сумела передать тональность описания в философских стихах Браунинг, требующих глубинного восприятия. Переводчицей обращено внимание на афористичность творчества Браунинг, умение тонко передать эмоциональное состояние героини, а также на активное использование тропов и фигур речи. Вместе с тем некоторые произведения Браунинг в переводах О.Н. Чюминой лишены характерного эмоционального напора, психологического напряжения и экспрессивности звучания.

Ключевые слова: Элизабет Баррет Браунинг, поэтический перевод, русско-английские литературные связи, женская поэзия, художественная деталь, афористичность, тропы и фигуры речи, межкультурная коммуникация.

Перемещение интереса к творчеству Элизабет Баррет Браунинг из социально-политической плоскости (переводы «Плеча детей», выполненные поэтами революционно-демократического направления В.Д. Костомаровым, Д.Д. Минаевым, П.И. Вейнбергом в 1860 – 1870-е гг.) в сферу русской женской поэзии привело к появлению в эпоху Серебряного века переводов, с разной степенью успешности осуществленных О.Н. Чюминой [1, с. 132–138; 2, с. 77–82], А.А. Милорадович, М.С. Трубецкой. О.Н. Чюмина перевела стихотворения «Irreparableness» («Непоправимость»), «Tears» («Слезы»), «The Prisoner» («Узник»), «Insufficiency» («Недостаточность»), «A Rhapsody of Life's Progress» («Рhapsодия развития жизни») и балладу «The Romance of the Swan's Nest» («Романс о лебедином гнезде») из сборника «Poems by Elizabeth Barrett Browning» (in 2 vol.; London, 1844), а также стихотворения «Mountaineer and Poet» («Горец и поэт») из июньского номера журнала «Blackwood's Magazine» за 1847 г. (с изначально иным вариантом первого стиха «The simple goatherd, who treads places high») и «The Prospect» («Даль») из журнала «Blackwood's Magazine» за май 1847 г. Один из переводов Чюминой – «Рhapsодия жизни (Елизаветы Броунинг)» – был напечатан в «Женском альманахе», изданном в Одессе в 1901 г., другие помещены в авторском сборнике поэтессы-переводчицы «Новые стихотворения. 1898 – 1904» (СПб., 1905) под заголовками «Непоправимое», «Слезы», «Узник», «Неудовлетворенность», «Лебединое гнездо», «Горец и поэт», «Даль».

В переводе стихотворения «The Prisoner», передававшего чувства узника, Чюмина, не придав значения лексеме «last» («последний раз»), опустила нюанс, существенный для эмоционального восприятия английского подлинника: «I count the dismal time by months and years / Since *last* I felt the green sward under foot, / And the great breath of all things summer-mute / Met mine upon my lips...» [3, т. 1, с. 149] [Я считаю унылое время месяцами и годами / С тех пор, как **в последний раз** чувствовал зеленую траву под ногами, / И прекрасное дыхание всей летней ти-

шины / Встречалось с моим на моих губах...] – «Счет времени веду годами я с тех пор, / Как видел я травы зеленой колыханье, / И на устах моих природы всей дыханье / С моим сливалось...» [4, с. 189]. Если у Браунинг аллитерация свистящих звуков [s, z] выполняла особую функцию, подчеркивая стремительность смены образов, цеплявших сознание узника («...sweep and shine / Streams, forests, glades, and many a golden train / Of sunlit hills transfigured to Divine» [3, т. 1, с. 149] [...проносятся и сияют / Реки, леса, поляны / болота и много золотистых рядов / Залитых солнцем холмов, преобразованных в божественные]), то у Чюминой нагнетание звуков [p] и [ж] создавало неожиданный эффект очарованности, завороченности увиденным: «**Р**исуются: **р**ека и лес **з**авороженный, / И длинный **р**яд холмов, что солнцем осиян, / **Б**ожественной **к**расой **п**реображенный» [4, с. 189].

Стихотворение «Insufficiency», подчеркивавшее осознание поэтессой неспособности в полной мере раскрыть собственные душевные переживания посредством поэзии, сохранило в переводе Чюминой свою идейную направленность, однако изменение порядка слов и, особенно, нарушение ряда наречий в сравнительной степени, показывавших творческие искания автора, приводило к смещению акцентов со стремления навстречу абсолютной гармонии к достижению «истинной гармонии свершенья», ср.: «And something **further, fuller, higher** rehearse / To the individual, true, and the universe, / In consummation of right harmony» [3, т. 1, с. 150] [И что-то **шире, полнее, лучше** высказать / Человеку, истине и вселенной / В достижении абсолютной гармонии] – «Чтоб **шире** вылиться, **светлее и полней**, / Достигнув истинной гармонии свершенья / Пред человечеством и пред вселенной всей» [4, с. 190]. Обращает на себя внимание и пропуск в русской интерпретации экспрессивного предложения, дававшего оценку окружающему миру: «...Oh, the world is weak!» [3, т. 1, с. 150] [...О, мир слаб!].

Мысль об искупающей силе слезы, способной помочь преодолеть любые страдания, блестяще раскрыта в стихотворении

Браунинг «Tears», характеризующем вместе с тем череду жизненных событий как цепь испытаний, посланных человеку свыше: «Thank God, bless God, all ye who suffer not / More grief than ye can weep for... / <...> / ...Thank God for grace, / Ye who weep only!...» [Благодарите Бога, славословьте Бога, все вы, кто не испытывает / Больше горя, чем вы можете оплакать... / <...> / ...Благодарите Бога за милость, / Вы, кто только плачет!...] [3, т. 1, с. 128]. Для усиления эмоционального звучания подлинника Чюмина использовала анафорический повтор в первом и девятом стихах («**Блаженны те из вас, кто** скорбь души печальной / Слезами изливал!... / <...> / **Блаженны те из вас, кто** слезы лил в кручине!» [4, с. 190]), однако общее впечатление от перевода существенно снижалось в виду неудачной, непродуманной концовки. Подчеркивая, что, будучи ослепленным слезами, невозможно увидеть солнце и звезды, Браунинг все же предлагала смотреть вверх, ибо «длинные реки» слез в конце концов утекуют, а вид небесных светил обретет невиданную доселе чистоту: «...If, as some have done, / Ye grope tear-blinded in a desert place / And touch but tombs, – look up! Those tears will run / Soon in long rivers down the lifted face, / And leave the vision clear for stars and sun» [3, т. 1, с. 128] [...Если, как некоторые делали, / Вы идете на ощупь слезами ослепленные в безлюдном месте / И касаетесь только могил, – поднимите взгляд вверх! Эти слезы утекут / Скоро длинными реками с поднятого лица, / И вид солнца и звезд станет чистым]. У Чюминой же, напротив, именно взор, обращенный к небу, вызывает стремительный поток слез, в которых оказываются одновременно скрытыми и тоска, и измученность, и ослепленность горным блеском: «Когда, ослеплены слезами, как в пустыне / Встречаете кругом вы только ряд могил – / Вам стоит взор поднять, измученный тоскою, / И слезы по лицу польются вмиг рекою, / И вам откроется блеск солнца и светил» [4, с. 191].

Сходным образом изменено звучание отдельных стихов в переводе стихотворения «Irreparableness», содержащего параллель между увяданием собранных цветов и невозможностью изменения, исправления ситуации, тяготящей лирическую героиню. Если в подлиннике цветы вянут тем быстрее, чем крепче их сжимают в руках («But now I look upon my flowers – decay / Hath met them in my hands more fatally, / Because more warmly clasped...» [3, т. 1, с. 127] [Но теперь я смотрю на мои цветы – вянут, / Оказавшись в моих руках, все более неотвратимо, / Потому что крепче сжаты...]), то в переводе, напротив, увядание цветов становится поводом для того, чтобы крепче сжимать их: «Но чем скорей цветы постигло увяданье – / Тем крепче я, в руке сжимая их, несла» [4, с. 191]. Душевная и физическая усталость героини передана у Браунинг посредством коротких, но тем не менее емких параллельных конструкций, не сохраненных русской переводчицей: «**My heart is very tired – my strength is low – / My hands are full of blossoms plucked before**» [3, т. 1, с. 127] [**Моя душа очень утомлена, моя сила подавлена, / Мои руки полны** цветов, сорванных прежде] – «Устала я душой, во мне нет силы боле, / Цветами прежними полна рука моя» [4, с. 191].

Стихотворение «The Prospect», отождествляющее туманный след от дыхания на оконном стекле и зло, не позволяющее душе четко увидеть то, что ждет ее, а именно смерть как переход к загробной жизни, проникнуто мыслью о таинственности, непонятности божественного разделения скорбящей души и загробной жизни: «...God the maker drew / A **mystic** separation 'twixt those twain – / The life beyond us and our souls in pain» [5, с. 436] [...Бог, творец произвел / **Мистическое** разделение этой пары – / Жизни вне нас и наших душ в страданиях]. В переводе Чюминой важное прилагательное *mystic* опускается («...Промыслом разлучена была / С душою скорбною за гробом жизнь другая» [4, с. 192]), зато возникает большая конкретизация в параллели между «оконым стеклом» («window-pane») или «стеклом» («glass») и «оком души» («soul's <...> window»), первое из которых определено как «поверхность стекла» или «гладь стекла», а второе – как «души <...> стекло».

При интерпретации стихотворения Браунинг «Mountaineer and Poet», содержащего призыв к поэту, ищущему славы, смириться перед мирозданием подобно пастуху, увидевшему свою огромную тень в горах и ставшему чуждаться самообмана и гордости, Чюмина наиболее удачно передала концовку, в которой, несмотря на пропуск значимой конструкции «not <...> nog» («ни <...> ни»), с особой силой прозвучала мысль о ничтожной сущности отдельного человека в величественном «божьем мире»,

ср.: «Ye are not great because creation drew / Large revelations round your earliest sense, / Nor bright because God's glory shines for you» [3, с. 433] [Ты не велик, потому что мироздание произвело / Великие открытия задолго до тебя, / И не яркое, потому что милость Бога светит тебе] – «**Не ты велик – мир божий**, постепенно / Во всей могучей красоте / Открывшись тебе для постиженья, / И ты – его же славы отраженье» [4, с. 193].

Незатейливая, на первый взгляд, баллада Браунинг «The Romance of the Swan's Nest», наивная история о детской мечте и разочаровании, при глубоком прочтении открывает изысканно созданную и рассказанную аллгорию. Маленькая Элли сидит одна, опустив босые ноги в ручей. У нее есть секрет – она знает о существовании в камышах лебединого гнезда, но никому не расскажет о нем, пока не придет суженый, который, после совершения подвигов, долгих ухаживаний и ожиданий, преклонит свои колена перед ней, и именно ему она откроет свой секрет. Решив подобным образом, Элли бежит посмотреть на гнездо, но оно оказывается разоренным, что и разрушает все мечты; в этом и состоит восхитительная иллюстрация художественного принципа создания образа разочарования, зависящего скорее от незначительных деталей и банальности ситуации, нежели от глубины чувства.

Называя свою героиню на протяжении практически всего произведения не иначе как «little Ellie» («маленькая Элли») – первая и третья строфы начинались стихом «**Little Ellie** sits alone» [3, т. 2, с. 254] [**Маленькая Элли** сидит одна], четвертая строфа – «**Little Ellie** in her smile / Chooses...» [3, т. 2, с. 255] [**Маленькая Элли** с улыбкой / Выбирает...], в пятнадцатой строфе – «**Little Ellie**, with her smile / Not yet ended, rose up gaily» [3, т. 2, с. 258] [**Маленькая Элли** с улыбкой / Все еще, поднялась весело], Браунинг опускала в последней строфе эпитет *little* и тем самым показывала взросление девочки после испытанного разочарования: «**Ellie** went home sad and slow» [3, т. 2, с. 259] [**Элли** шла домой уныло и медленно]. Чюмина в своем переводе не придавала этому нюансу описания какого-либо значения («Элли села на траву» [4, с. 193], «Элли грезит...» [4, с. 193], «Элли шляпку подняла / И обулась...» [4, с. 196], «Элли шла в немой тоске» [4, с. 196]), однако, тем не менее, все же обозначила детский характер произведения, используя литоту, введя в балладу существительные с уменьшительными суффиксами («речка», «малютка», «шляпка», «тропинка»). При описании улыбки на лице девочки, думающей о своем секрете, Чюмина удачно заменила сравнение олицетворением, создав эффект подвижности, череды событий: «And the smile she softly uses / Fills the silence **like a speech**» [3, т. 2, с. 254] [И улыбка, которая нежно появляется на ее лице, / Наполняет тишину **подобно речи**] – «Вместо слов – улыбкой ясной, / **Частой гостьей** на устах – / Тишина оживлена» [4, с. 193].

Если у Браунинг в пятой и шестой строфах активно используются анафоры и параллелизмы («**And the steed shall be** red-roan, / **And the lover shall be** noble, / With an eye that takes the breath: / **And the lute** he plays upon / **Shall strike** ladies into trouble. / **And the steed it shall be** shod / All in silver, housed in azure, / **And the mane shall swim** the wind; / **And the hoofs** along the sod / **Shall flash** onward and keep measure» [3, т. 2, с. 255] [**И конь будет** гнедо-чалый <рыже-серый>, / **И возлюбленный будет** благородный, / С взглядом, что захватывает дух: / **И лютня**, на которой он играет, / **Будет повергать** дам в трепет. / **И конь будет** подкован / Серебром, убранный в лазурь, / **И грива будет плыть** по ветру; / **И копыта** по земле / **Будут искриться** на скаку и отбивать так]), то Чюмина не только не прибегает к этим фигурам речи, но и в большом количестве опускает художественные детали, в частности, не называет масть коня («red-roan»), музыкальный инструмент возлюбленного («lute»), а также те обстоятельства, что конь «подкован серебром» («shod all in silver») и «убран в лазурь» («housed in azure»): «Мой избранник – родом знатен, / Взор его горит огнем; / Поражает звоном струн / Он красавиц, юн и статен. / В серебро разубран конь, / Грива по ветру развита... / На скаку из-под копыт / Словоно сыплется огонь. / Отбивают так копыта» [4, с. 194]. Некоторое опрошение оригинала проявилось и в отсутствии у Чюминой браунинговской метафоры *thine eyes build the shrine my soul abides in*, возникающей при описании речи возлюбленного, которую ожидает услышать девочка, ср.: «O Love, **thine eyes / Build the shrine my soul abides in**, / And I kneel here for thy grace» [3, т. 2, с. 256] [О любовь, **твои глаза / Возводят храм, в котором моя душа обитает**, / И я преклоняю колена здесь ради твоей благосклон-

ности] – «Краса моя, / Жизнь даруют эти взгляды, / Жду, колена преклоня!» [4, с. 194].

В мечтах героини баллады испытания предназначены не только возлюбленному, но и его пажу, которому предстоит трижды переплыть реку и взобраться на гору: «Three times shall a young foot-page / Swim the stream and *climb the mountain*» [3, т. 2, с. 257] [Три раза юный паж / Переплывет реку и *взберется на гору*]; в русском переводе испытания пажа несколько облегчены за счет пропуска образа горы: «Трижды паж переплывет / Предо мной реки стремнину» [4, с. 195]. Обращает на себя внимание, насколько тщательно продумывает браунинговская героиня поведение во время ухаживаний, представляя всю последовательность награждения возлюбленного: «*And the first time* I will send / A white rosebud for a guerdon, / *And the second time*, a glove; / *But the third time* – I may bend / From my pride...» [3, т. 2, с. 257] [*И в первый раз* я пошлю / Белый бутон розы в награду, / *И во второй раз* перчатку; / *А в третий раз* я возможно отступлю / От своей гордости...]; у Чюминой, в виду пропуска ряда художественных деталей, описание предстает несколько скромным, лишенным рациональной системности: «*В первый раз* вручу пажу / Я цветок, *затем* в награду / Дам перчатку, *в третий раз* – / Гнев на милость положу» [4, с. 195]. При переводе стихов о знатности суженого («I'm a duke's eldest son, / Thousand serfs do call me master» [3, т. 2, с. 258] [Я – старший сын герцога, / Тысяча слуг зовет меня хозяином]) Чюмина неосознанно прибегает сначала к преуменьшению (пропускает упоминание о *старшем* сыне («eldest son»)): «Гордый герцог – мне отец» [4, с. 196]), а затем к преувеличению (отмечает невозможность даже примерно назвать число слуг: «Счета нет моим вассалам» [4, с. 196]).

В четырнадцатой строфе поэтесса дословно повторяет наиболее существенные стихи четвертой строфы, выражающие всю трепетность и искренность девичьей мечты: «*And / Unto him I will discover / That swan's nest among the reeds*» [3, т. 2, с. 255, 258] [*И ему я открою / Это лебединое гнездо в камышах*]; эти же стихи, обретая противоположный смысл, наполняются безысходностью разочарования в концовке баллады: «...but I know / She could never show him – never, / That swan's nest among the reeds!» [3, т. 2, с. 259] [...но я знаю, / Она никогда не покажет ему, никогда, / Это лебединое гнездо в камышах]. Несмотря на весь символизм этих стихов, их значимость, подчеркнутую характерным повтором, Чюмина не смогла в полной мере ощутить глубины мысли английской поэтессы, что привело к некоей обыденности и даже сентиментальности описания: «И за то его сведу я / К лебединому гнезду, / <...> / В камыши его сведу я / К лебединому гнезду! / <...> / <...> никогда, / О, наверно, в тростнике / Не увидит им, к несчастью, / Лебединого гнезда!» [4, с. 197]. При переводе строк об увиденном разоренном гнезде Чюмина передвинула стих об улетающем лебеде в самый конец строфы, тем самым продлив ощущение волнения и усилив элемент разочарования: «Lo, the wild swan had deserted, / And a rat had gnawed the reeds!» [3, т. 2, с. 259] [Вот, дикий лебедь улетел, / И крыса обгрызла камыш!] – «Крысой сглоданы тростинки, / Дикий лебедь улетел!» [4, с. 196].

Стихотворение Браунинг «A Rhapsody of Life's Progress» было подвергнуто Чюминой-переводчицей значительному сокращению, что привело как к уменьшению количества строк (восемь вместо девяти), так и к сокращению числа стихов в строфах (10, 9, 14, 19, 19, 26, 27, 17 стихов вместо 13, 11, 16, 31, 19, 32, 38, 21, 9 стихов соответственно, т. е. в целом 141 стих вместо 190). К тому же переводчица не придавала значения эпиграфу из «Poems on Map» («Стихотворения об американце») Корнелиуса Мэтьюза – «Fill all the stops of life with tuneful breath» («Наполни все этапы жизни гармоничным содержанием»), подчеркивавшему ценность каждого этапа жизни, затрагиваемого в браунинговской рапсодии – рождения, детства, отрочества, юности, взрослой жизни, зрелости, увядания, смерти. Опустив заключительную строфу, Чюмина утратила и важный повтор, присутствующий в начале и в конце оригинального произведения и констатирующий философскую мысль о вечности бытия: «We lie still on the knee of a mild Mystery, / Which smiles with a change» [3, т. 2, с. 209] [Мы лежим тихо на коленях кроткой Тайны, / Которая улыбается переменам] и «And again on the knee of a mild Mystery / That smiles with a change, / Here we lie» [3, т. 2, с. 218] [И снова на коленях кроткой Тайны, / Которая улыбается переменам, / Здесь мы лежим]; отсутствие логической «закольцованности» повествования, обусловленной повторяемостью жизненного

цикла, не позволяет в полной мере осмыслить первые стихи чюминской интерпретации: «Мы все покоимся в лоне кроткой тайны / И упиваемся улыбкою ее» [6, с. 15].

Концовка первой строфы, подчеркивающая, в первую очередь, сладость, а во вторую – странность жизни («O Life, O Beyond, / Thou art sweet, thou art strange evermore!» [3, т. 2, с. 209] [О жизнь, о запредельная жизнь, / Ты сладостна, ты странна вечно!]), трансформирована во второй, третьей, пятой, шестой и седьмой строфах с акцентом на странности жизни, вытеснившие ее «сладость» на вторичные позиции («O Life, O Beyond, / Thou art strange, thou art sweet» [3, т. 2, с. 210, 211, 213, 215, 217] [О жизнь, о запредельная жизнь, / Ты странна, ты сладостна]); в четвертой строфе вместо суждения звучит вопрос – «O Life, O Beyond, / Art thou fair, art thou sweet?» [3, т. 2, с. 212] [О жизнь, о запредельная жизнь, / Прекрасна ли ты, сладостна ли ты?], в восьмой – отмечается одиночество человека на пути к «странному и сладостному» – «Be alone at the goal / Of the strange and the sweet!» [3, т. 2, с. 218] [Будь один на пути к / Странному и сладостному!]; наконец, в девятой строфе жизнь становится смертью, но при этом ничего не меняется: «O Death, O Beyond, / Thou art sweet, thou art strange!» [3, т. 2, с. 218] [О смерть, о запредельная жизнь, / Ты сладостна, ты странна!]. Чюмина не сохраняет четкую этапность оригинального произведения, выборочно используя повтор в первой, шестой, седьмой строфах («Как / И сладостна нам глубина твоя, / О жизнь, о бездна <вариант – тайна> бытия!» [6, с. 15, 17]), преобразуя его в вопрос в четвертой строфе («Прекрасна ль глубина твоя, / О жизнь, о бездна бытия?» [6, с. 16]) и в стихе о смерти в восьмой («Станна и сладостна нам глубина твоя, / О смерть, покой не-бытия!» [6, с. 17]).

Описание детства, наполненное у Браунинг гиперболизированными образами («And the lilies look large as the trees; / And, as loud as the birds, sing the bloom-loving bees, / And the birds sing like angels, so mystical-fine, / And the cedars are brushing the archangels' feet» [3, т. 2, с. 210] [И лилии выглядят большими, как деревья; / И, так же громко, как птицы, поют любящие цветы пчелы, / И птицы поют, как ангелы, так таинственно-прекрасно, / И кедры касаются ног архангелов]), передано у Чюминой крайне неполно, в частности, гипербола опущена в стихе о пчелах, существенно смягчена в других стихах, насыщенных новыми образами – малиненок, свежей листвы, восседающих на золотых тронах ангелов: «И лилии цветы в большом саду тенистом / Напоминают нам высокие стволы, / *Однообразное жужжание пчелы* – / *Напев малиновки меж свежеею листвою*, / А птички поение – архангелов хвалы. / Деревья, в небеса ушедшие главою, – / Подножье дивное для ангелов святых, / *Там восседающих на тронах золотых...*» [6, с. 15]. В рассказе о страстях отрочества Чюмина столь же неудачно опустила риторические вопросы английского подлинника, характеризовавшие тягу взрослого сознания к постижению жизни: «The earth cleaves to the foot, the sun burns to the brain, – / What is this exultation? and what is this despair?» [3, т. 2, с. 210] [Земля ранит ноги, солнце жжет разум, – / Что есть это ликование? что есть это отчаяние?] – «А солнце с высоты нас жжет своим лучом» [6, с. 15].

Чюмина минимизировала использование анафор и параллельных конструкций, которыми изобилует стихотворение Браунинг, в результате чего перевод утратил отчетливость формы, эмоциональную напряженность, стал размытым, неточным, ср.: «*We will tame* the wild mouths of the wilderness-steeds, / *We will plough up* the deep in the ships double-decked, / *We will build* the great cities, and *do* the great deeds, / *Strike the steel upon steel, strike the soul upon soul, Strike the dole on the weal, overcoming the dole.* / Let the cloud meet the cloud in a grand thunder-roll!» [3, т. 2, с. 212 – 213] [*Мы обуздаем* диких коней, / *Мы возбороздим* пучину на двухпалубных кораблях, / *Мы построим* великие города и *совершим* великие дела, / *Ударь мечом по мечу, ударь душой по душе, / Ударь скорбью во благо, преодолев скорбь.* / Пусть туча встретится с тучей в великом громовом раскате!] – «Для диких табунов готовится узда, / Мы жждем огиать опаснейшие мели, / И подвиги свершать, и строить города. / Мы жждем пламенно скрестить мечи с мечами – / Пусть туча с тучею сойдется грозовой!» [6, с. 16].

Наиболее значительному сокращению подверглась седьмая строфа, в которой действие достигает своей кульминации, в следствие чего каждый нюанс описания насыщается особой энергией, стремительностью и напором движения, ср.: «From the fire and the water we drive out the steam / With a rush and a roar

and the speed of a dream; / And the car without horses, the car without wings, / Roars onward and flies / On its gray iron edge / 'Neath the heat of a Thought sitting still in our eyes» [3, т. 2, с. 215 – 216] [Из огня и воды мы выжимаем пар / С напором, и ревом, и скоростью мечты; / И машина без лошадей, и машина без крыльев / Срывается и летит / По серому железнному краю / При ярости мысли, безмолвной в наших глазах] – «Но движется она не ветром и не паром, – / Лишь мысли творческой неугасимым жаром» [6, с. 17]. Вместе с тем Чюминой была мастерски передана мысль Браунинг о сверхспособностях человеческой мысли, умеющей отринуть суету, события внешнего мира и погрузиться в самую глубину души, найти в ней отклик. Разлучение души и тела, метафорически представленное Браунинг при помощи образа колесницы жизни, с которой падает лишь ослабшее тело, но не вечная душа («Oh, the soul keeps its youth, / But the body faints sore, it is tired in the race, / It sinks from the chariot ere reaching the goal, / It is weak, it is cold, / The rein drops from its hold, / It sinks back, with the death in its face. / On, chariot! on, soul!» [3, т. 2, с. 217 – 218] [О, душа хранит свою молодость, / Но тело слабеет, оно устало в гонке, / Оно падает с колесницы, не достигнув цели, / Оно слабо, оно холодно, / Поводья падают из рук, / Оно падает, со смертью на лице. / Вперед, колесница! вперед, душа!]) дополнено у Чюминой сравнением души и птицы: «Душа бессмертная бодра и молода, / Но плоть изнемогла: с высокой колесницы, / Поводья выпустив и стоны заглуша, – / Вдруг падает она. **Ты мчишься легче птицы,** / О колесница, – о душа!» [6, с. 17].

Библиографический список

1. Жаткин, Д.Н. «Королевские идиллии» Альфреда Теннисона в переводческой интерпретации О.Н. Чюминой / Д.Н. Жаткин, В.К. Чернин // Вестник Читинского государственного университета. – 2009. – № 6(57).
2. Жаткин, Д.Н. Теннисоновские мотивы в поэтическом творчестве О.Н. Чюминой / Д.Н. Жаткин, В.К. Чернин // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2010. – № 4(69).
3. Poems by Elizabeth Barrett Browning: In 2 vol. – L., 1844. – V. 1 – 2.
4. Чюмина (Михайлова), О.Н. Новые стихотворения: 1898 – 1904. – СПб., 1905.
5. The Poems of Elizabeth Barrett Browning. – L., 1893.
6. Чюмина, О.Н. Рapsодия жизни (Елизаветы Броунинг) // Женский альманах: иллюстрированный научно-литературный сборник по вопросам женской жизни. – Одесса, 1901.

Bibliography

1. Zhatkin, D.N. «Korolevskie idillii» Alfreda Tennisona v perevodcheskoy interpretacii O.N. Chyuminoy / D.N. Zhatkin, V.K. Chernin // Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2009. – № 6(57).
2. Zhatkin, D.N. Tennysonovskie motivy v poehticheskom tvorchestve O.N. Chyuminoy / D.N. Zhatkin, V.K. Chernin // Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta. – 2010. – № 4(69).
3. Poems by Elizabeth Barrett Browning: In 2 vol. – L., 1844. – V. 1 – 2.
4. Chyumina (Mikhaylova), O.N. Novye stikhotvoreniya: 1898 – 1904. – SPb., 1905.
5. The Poems of Elizabeth Barrett Browning. – L., 1893.
6. Chyumina, O.N. Rapsodiya zhizni (Elizavetih Brouning) // Zhenskiy almanakh: illyustirovanniy nauchno-literaturniy sbornik po voprosam zhenskoy zhizni. – Odessa, 1901.

Статья поступила в редакцию 10.01.12

УДК 811.114.2

Zhuravleva E.A. THE MAN'S SOCIAL ROLES IN THE ENGLISH ANECDOTES. This article describes man's social roles in the English anecdotes on the basis of linguistic analysis of national mentality, in the process of the anecdotes meaning contrastive comparison, which reflects specific type of perception of surrounding reality and the national culture traditions in the English language.

Key words: anecdote, linguistic and cultural studies, linguistics, linguistic analysis, national mentality, language, social status.

Е.А. Журавлева, соискатель ТГСПА, г. Тобольск, E-mail: milsoph_1982@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ РОЛИ МУЖЧИНЫ В АНГЛИЙСКИХ АНЕКДОТАХ

В работе выделены и описаны социальные роли мужчины, выраженные в английских анекдотах, на основе лингвистического анализа национальной ментальности, в процессе контрастивного сопоставления концептуального содержания анекдотов, отражающих специфический тип восприятия окружающей действительности и традиций национальной культуры в английском языке.

Ключевые слова: анекдот, лингвокультурология, лингвистика, лингвистический анализ, национальная ментальность, язык, социальная роль.

Проблема взаимоотношения языка и культуры занимает одно из центральных мест в проблематике исследований, ведущихся в русле лингвокультурологии. Актуальность данной ра-

боты заключается в том, что в настоящее время лингвокультурология является одной из новых и интересных наук. Это отрасль лингвистики, которая возникла на стыке лингвистики

и культурологии, исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке, в данном случае в английских анекдотах. Анекдоты представляют собой продукты языкового народного сознания как материализацию опыта поколений и отдельных представителей данного народа.

К тому же поиск новых путей исследования привёл к осознанию необходимости лингвистического анализа национальной ментальности, когда в процессе контрастивного сопоставления выделяется концептуальное содержание анекдотов, отражающих специфический тип восприятия окружающей действительности и традиций национальной культуры и роли мужчины в английском языке. Где специфика национально – культурной общности определяется целым рядом социальных отношений к мужчине, поскольку в любую эпоху и в любом обществе отношение к нему, отражённое в языке, характеризует уровень культуры нации в целом. Сам же образ «мужчина» представляет собой проекцию стереотипных представлений о нём как о носителе социально предписанных качеств и свойств, сформировавшихся на основании половых, семейных, общественных, этических, эстетических и других функций.

Проблема «мужчина и отношение к нему в обществе» рассматриваются в трудах современных лингвистов: Ю.Д. Апресяна, А.В. Кириловой, С.Г. Тер-Минасовой, В.А. Масловой, В.И. Карасика [1, с. 45-64]. С целью выявления национально-культурной специфики образа мужчины нами были выделены следующие социальные роли, предписываемые мужчинам.

1. «Husband» – Мужчина в роли «Супруга»;
2. «Father» – Мужчина в роли «Отца»;
3. «Henpecked Man» – Мужчина в роли «Подкаблучника»;
4. «Lover» – Мужчина в роли «Любовника»;
5. «Macho» – Мужчина в роли «Мачо»;
6. «Employee» – Мужчина в роли «Служащего»:
 - a) «Boss» – Мужчина в роли «Начальника»;
 - b) «Subordinate» – Мужчина в роли «Подчинённого».

1. Доподлинно известно, что ирония в адрес семейной жизни и половых отношений существовала в эпоху средневековья, причём ироничное негативное отношение к мужчине существовало в Англии. Нельзя сказать о том, что подобное отношение к мужчине превалировало в те времена, но факт остаётся фактом – зачастую образ мужчины становился объектом злых насмешек и разного рода шуток.

При анализе современных английских анекдотов, посвящённых теме супружества, нами была выделена характерная черта мужа англичанина, которая заключается в желании рационально использовать имеющиеся в распоряжении семьи средства. Стоит отметить, что данная особенность нередко используется в анекдоте с целью высмеять мужчину. Рассматриваемая черта личности мужчины ярко проиллюстрирована в следующем анекдоте:

Husband: Today is Sunday & I have to enjoy it. So I bought 3 movie tickets.

Wife: Why three?

Husband: For you and your parents.

Из вышеприведенного анекдота, который представляет англоязычную лингвокультуру можно сделать вывод о том, что современный анекдот, на тему семейной жизни в некоторой степени дублирует сюжеты литературных произведений эпохи средневековья. Интересен тот факт, что современники, вслед за средневековыми людьми, обращаются к теме взаимоотношений между супругами. В их попытках высмеивать определённые качества характера, а также желания иронизировать по поводу какой-либо жизненной ситуации прослеживается аналогия с тем, как это делали их средневековые предшественники.

2. Наряду с исполнением роли супруга, мужчина может функционировать в роли «Отца». В Англии процесс воспитания основывается на совершенно иных принципах. Англичане считают, что неумеренное проявление родительской любви и нежности приносит вред детскому характеру:

English King George V said once "I was afraid of my father, my father was afraid of his mother, and I'm going to make damn sure my children are afraid of me!"

3. Следует отметить, что мужчина, будучи главным героем смешных историй, обладает не только отрицательными особенностями личности. Трудолюбие – одно из мужских качеств, которое нередко встречается в произведениях подобного жанра. Однако не стоит делать поспешных выводов относительно работоспособности английского мужчины в анекдотах. Зачас-

тую данное качество рассматривается как слабость перед женским полом.

Одной из стандартных моделей поведения такого «мужчины – трудоголика» вполне может быть стремление заработать определённое количество денег, впоследствии служащее для удовлетворения материальных потребностей собственной жены. Для достижения этой цели мужу, как правило, приходится работать сверхурочно. Серия современных английских анекдотов про мужа-подкаблучника зачастую основывается именно на рассмотренной нами модели поведения, которую можно охарактеризовать не иначе как «зависимую от прихоти супруги». На примере следующего анекдота мы можем проследить рассматриваемую модель поведения:

What's the smartest thing an Englishman can say?

"My wife says..."

4. Важнейшая психологическая черта молодых мужчин, ведущих интенсивную сексуальную жизнь и имеющих связи с большим количеством женщин – любовь к новизне и риску, с которой коррелирует гипермаскулинность, физическая привлекательность, эмоциональная раскованность и повышенный уровень тестостерона.

Иными словами, эти мужчины объективно сексуальнее других и полнее персонифицируют в себе традиционные ценности маскулинности – предприимчивость, смелость, раскованность, любовь к риску и т.д. [2, с. 52-87]. На основе проанализированной информации, мы можем сделать вывод о том, что образ мужчины-любовника пользуется популярностью в рамках современного английского анекдота. Из следующего примера становится ясно, что некоторые мужчины тяготеют к полигамии:

An Englishman comes home with his little daughter, whom he has just taken to work. The little girl asks, "I saw you in your office with your secretary. Why do you call her a doll?"

Feeling his wife's gaze upon him, the man explains, "Well, honey, my secretary is a very hard-working girl. She types like you wouldn't believe, she knows the computer system and is very efficient."

"Oh," says the little girl, "I thought it was because she closed her eyes when you lay her down on the couch."

Герой последнего примера был чрезмерно самоуверен и предполагал, что супруга никогда не узнает об измене. К его несчастью, дочь стала очевидцем сцены с секретаршей. Герой попытался использовать неловкое молчание в свою пользу и объяснить причину фамильярного обращения к секретарше, но потерпел неудачу. Теперь наказание со стороны супруги не заставит себя долго ждать.

5. Немаловажным фактом является то, что в английской языковой картине мира существует схожая с подкаблучником модель поведения, которая определяется как «мачо». Разница между двумя моделями заключается в гиперболизированной выраженности маскулинности у обладателя модели мачо. Особый стиль «мачо» заключается в акцентировании средневекового представления о том, что женщина подчиняется во всем мужчине, который «руководит ею», добиваясь выполнения своих желаний.

Согласно этике мачо, все женщины – «низшие существа», которых нельзя серьезно брать в расчет при принятии каких-либо решений. Презрительное и унижающее отношение к женщинам не распространяется лишь на одну из них – собственную мать, которая возводится на пьедестал и воспринимается как святая. В основе этики мачо лежит как раз отношение к женщине как к сексуальному объекту, желаемому и в то же время презираемому. Отношение к женщине как к личности для мачо возможно лишь в случае исключения сексуальных отношений. Мачо постоянно подчеркивает свою мужественность. Для него типично жесткое поведение, соответствующее имиджу сильного мужчины.

Он интересуется всеми атрибутами, подчеркивавшими его мужские качества и достоинства, включая стиль одежды, манеру разговора, курение, употребление алкоголя. Мачо считает неприемлемым проявление сентиментальности, участия, сопереживания по отношению к женщине, находящейся с ним в сексуальной связи. Он стремится как можно чаще менять сексуальных партнерш и любит демонстрировать, это поведение перед своими знакомыми и друзьями.

Мужчины с комплексом мачо стараются уходить от любых попыток разобраться в своих переживаниях и межличностных проблемах. Этика мачо в настоящее время свидетельствует, как правило, о наличии серьезных психологических проблем, о вы-

раженности определённого комплекса, который представляет собой защитную реакцию, скрывающую чувство тревоги перед осознанием содержания своих переживаний [3, с. 10].

Стоит отметить, что в рамках современного английского анекдота, поведение мужчины мачо подвергается порицанию и насмешке:

Typical "macho man" marries a typical good-looking lady and after the wedding, lays down the following rules:

"I'll be home when I want, if I want and at what time I want and I don't expect any hassle from you!"

I expect a great dinner to be on the table unless I tell you otherwise. I'll go hunting, fishing, boozing, and card-playing when I want with my old buddies and don't you give me a hard time about it! Those are my rules...any comments?"

His new bride matter of factly says, "No, that's fine with me.

Just understand one thing... there will be sex here at seven o'clock every night – whether you're HOME or not!"

Герой последнего анекдота ярко продемонстрировал слабость своих аргументов и, соответственно, неэффективность используемой им модели поведения в рамках современного общества.

6. Мы уже говорили о трудолюбии английских мужчин, преломляя данную тему сквозь призму семейной жизни. Сейчас следует рассмотреть мужчину исключительно с точки зрения его трудовой деятельности, выраженную в языковом сознании. На основе проанализированных анекдотов, нами было выявлено, что в плане уровня занятости на работе, английские мужчины, в основном, являются трудолюбивыми. Причина подобного явления скрыта, судя по всему, в характере и культуре английских мужчин – они, как уже было сказано выше, предпочитают рациональный подход во всех аспектах жизни.

Чувство времени и корректное обращение с ним, а также неприемлемость опоздания на службу – вот те качества, которые превращают мужчину англичанина в безукоризненного работника. Стоит отметить, что анекдоты, тематикой которых является описание мужчины в рабочее время, не лишены иронии. Кроме того важным показателем данной группы анекдотов является распределение ролей действующих лиц на «начальника» и «подчинённого». Эта мысль подтверждается приведённым ниже анекдотом:

When Arthur Brisbane was about to complete fifty years of journalism, Mr. Hearst, his employer, urged him to take a six month vacation with pay. This magnanimous offer Brisbane refused to accept, saying there were two reasons for his doing so.

"The first reason," he said, "is that I quit writing my daily column for six months, it might affect the circulation of your daily newspaper, the second is that it might not affect the circulation."

Стоит отметить, что мужчина начальник, фигурирующий в рамках английского анекдота, зачастую наделён такими качествами как злость, деспотичность и несдержанность. Герой анекдота, который мы бы хотели привести пример, ко всему прочему страдает латентной формой мани величия, что, безусловно, не устраивает его подчинённых:

The Boss of small company was complaining during a staff meeting that people didn't respect him enough. Trying to change the attitude in the office he came in the next day with a sign for his door it said, "I am the boss".

One of the employees apparently not appreciating the change posted a post-a-note on the sign it said "your wife wants her sign back".

Предпосылками к конфликту, продемонстрированному в последнем примере, являлась некомпетентность со стороны начальника в вопросах руководства персоналом и рабочим процессом в целом. В следующем примере хорошо прослеживается деспотичность начальника:

Boss: "I've decided to use humor in the office. Experts say humor helps to ease tension, which is important in the times when the work force is being reduced."

"Knock knock."

Employee: "Who's there?"

Boss: "Not you anymore."

Роль подчинённого, в отличие от роли начальника, в рамках современного английского анекдота имеет положительный оттенок. Образ подчинённого представлен такими качествами как находчивость, услужливость и трудолюбие. Зачастую, работа подчинённого является трудоёмкой и характеризуется низкой заработной платой. В доказательство этой идеи мы хотим привести примеры анекдотов, в которых данные качества представлены наиболее ярко:

Several weeks after a young man had been hired, he was called into the personnel manager's office.

"What is the meaning of this?" the manager asked. "When you applied for the job, you told us you had 5 years' experience. Now we discover this is the first job you've ever had."

"Well," the young man said, "in your ad you said you wanted somebody with imagination." We the unwilling, led by the unqualified, are doing the impossible for the ungrateful.

На основе проанализированной информации можно сделать вывод о том, что современный английский анекдот о мужчине способен выполнять несколько функций, в зависимости от интенции отправителя. Условно, эти функции можно обозначить как «сатирическую» и «назидательную». В данном случае первая служит индикатором мужских пороков и призвана высмеивать их, пытаясь, таким образом, привлечь к такому мужчине внимание общественности.

Вторая функция раскрывает образ мужчины с позиций опытности и мудрости, которые помогают герою в анекдотической ситуации. Стоит отметить, что данные функции в рамках современного английского анекдота могут употребляться как в совокупности, так и отдельно друг от друга.

Из всего выше изложенного мы можем сделать вывод о том, что образ мужчины, описываемый в современных английских анекдотах, представлен неоднозначно. Как уже было сказано выше, английский мужчины характеризуется консерватизмом и рационализмом. Он стремится к соблюдению традиций во всех аспектах жизни: в семейных отношениях, в условиях трудовой деятельности.

Библиографический список

1. Карасик, В.И. О категориях лингвокультуры // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: сб. науч. тр. – Волгоград, 2001.
2. Кон, И.С. Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире // Мужские исследования и парадигмы маскулинности [Э/п] – Р/д: http://sexology.narod.ru/publ018_2.html
3. Маслова, В.А. Лингвокультуралогия. – М., 2000.
4. Мужчины из Англии [Э/п] – Р/д: <http://ukrainochka.kiev.ua/zamuj/english.html>
5. Осипова, Д. Анекдот как феномен культуры: материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. – СПб., 2002.

Bibliography

6. Карасик, В.И. О категориях лингвокультуры // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: сб. науч. тр. – Волгоград, 2001.
7. Кон, И.С. Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире // Мужские исследования и парадигмы маскулинности [Э/п] – Р/д: http://sexology.narod.ru/publ018_2.html
8. Маслова, В.А. Лингвокультуралогия. – М., 2000.
9. Мужчины из Англии [Э/п] – Р/д: <http://ukrainochka.kiev.ua/zamuj/english.html>
10. Осипова, Д. Анекдот как феномен культуры: материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. – СПб., 2002.

Статья поступила в редакцию 13.01.12

УДК 81'42

Zabolotskaya E.D. THE ISSUE OF LEXICAL CHOICE IN GERMAN TECHNICAL DOCUMENTS. The present article discusses how to achieve clarity while writing manuals for technical equipment in German. The undertaken analysis has shown that the special lexis used in German manuals is intended for different target groups, and its use within one manual is aimed at different goals. Yet, it is important to bear in mind that manuals require particular clarity, because they urge to do specific actions. The recipient's reaction depends on his/her understanding of the text, which is predetermined by the clever and correct use of special lexis.

Key words: German manuals, special lexis, professional language.

Е.Д. Заболотская, аспирантка каф. немецкого языкознания филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, E-mail: zabolotskaya@yandex.ru

ВЫБОР ЛЕКСИКИ ПРИ СОСТАВЛЕНИИ НЕМЕЦКОЙ ТЕХНИЧЕСКОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ

В настоящей статье рассматривается проблема достижения наибольшей ясности при составлении немецкой технической документации. В результате проведенного анализа был сделан следующий вывод: применяемая в тексте немецких инструкций специальная лексика рассчитана, как правило, на различные целевые аудитории, даже в рамках одного руководства ее употребление преследует различные цели. Однако следует помнить о том, что инструкции по эксплуатации требуют особой ясности, поскольку они призывают к осуществлению конкретных действий. Реакция реципиента напрямую соответствует пониманию текста, не последнюю роль в котором играет правильное применение специальной лексики.

Ключевые слова: немецкие инструкции по эксплуатации технических приборов, специальная лексика, профессиональный язык.

Ясность – требование, предъявляемое к каждому тексту. Лишь понятный текст может гарантировать успешную коммуникацию. Как пишет лингвист Уте Шмидт, инструкции по эксплуатации в особой степени определяются их доступностью для понимания, так как они призваны сообщать пользователю необходимые для применения прибора знания [1, с. 29].

В рамках коммуникативной ситуации, складывающейся между продуцентом и реципиентом инструктивного текста, под ясностью последнего понимается «такое качество печатного руководства пользователя, которое дает ему фактическую возможность должным образом обращаться с техническим прибором» [2; 9].

В настоящее время отбор лексических единиц при составлении немецких инструкций по эксплуатации технических приборов (в дальнейшем НИ) характеризуется высоким содержанием специальной лексики. Под данным понятием лингвист Райнер Кюстер понимает «такие лексические единицы, чья высокая частотность в коммуникативных ситуациях, связанных с профессиональным языком... подтверждается эмпирически» [3, с. 112].

Особенно интересно появление высокой частотности употребления специальной лексики в НИ, если допустить, что при процессе коммуникации между продуцентом НИ и его потенциальными реципиентами с наибольшей степенью вероятности не идет речь о профессиональной коммуникации. Райнер Кюстер выделяет следующие группы специальной лексики в рамках НИ с точки зрения прагматики [3, с. 112, 113]:

1. Специальная лексика, относящаяся к известным реципиенту предметам.
2. Специальная лексика, относящаяся к предметам, которые лишь с некоторой долей вероятности известны реципиенту.
3. Специальная лексика, которая относится к предметам, которые, как правило, реципиенту неизвестны.

Под первым пунктом представлены обозначения предметов, которые имеют прямое отношение к эксплуатации прибора и являются известными для реципиента, даже если он впервые приобретает данную продукцию. В данном случае возможно сравнение с разговорной лексикой, отчасти эквивалентной специальной обозначениям. Приведенные ниже примеры для сравнения взяты из автомобильной технической документации:

Разговорная лексика	Специальная лексика
Automatik Werkzeug Schaltknüppel Autonummer Benzin/Sprit Tankuhr	Automatisches Getriebe Bordwerkzeug Handschalthebel Kfz-Kennzeichen Kraftstoff Kraftstoffvorratsanzeige

Специальная лексика воспринимается как более точная и, с юридической точки зрения, более однозначная.

Для иллюстрации представленной в НИ специальной лексики, относящейся ко второй группе, можно привести следующую часть раздела «Техническое обслуживание и уход» НИ к автомобилю модели «Гольф»:

Luftfilter – Filtereinsatz aus- und einbauen

1,1 – /1,3-Liter-Vergasermotoren

Luftfilterdeckel nach Öffnen der Schnellverschlüsse abheben.

Filtereinsatz nach oben herausheben. Beim Zusammenbau des Filters Deckel so aufsetzen, dass die Verdrehsicherung (Schlitz im Deckelrand – Nase am Filtergehäuse) einrastet.

Einspritzmotor

Nach Öffnen der Schnellverschlüsse den Gemischregler mit Luftfilteroberteil anheben und Filtereinsatz seitlich aus dem Gehäuse ziehen. Beim Zusammenbau des Filtergehäuses alle Schnellverschlüsse sorgfältig befestigen.

Разумеется, подобная специальная лексика доступна для понимания лишь при наличии профессиональных знаний в данной области. Как пишет Райнер Кюстер, «профессиональная коммуникация имеет место лишь в том случае, если адресат знаком с предметом, о котором сообщается в тексте» [3, с. 114, 115].

В третьей группе представлена специальная лексика, которая призвана давать техническое описание прибора. Как правило, для реципиента это является излишней информацией. Примером такой лексики из области автомобилестроения могут служить следующие обозначения:

Einzelradaufhängung mit Federbeinen und Dreieck-Lenkern
Sperrsynchroisiertes Schaltgetriebe mit Ausgleichsgetriebe in einem Gehäuse

Hydrodynamischer Drehmomentwandler

Продуцент в данном случае априори предполагает, что потенциальный реципиент некомпетентен в рассматриваемом вопросе. Однако он внушает ему некую профессиональную компе-

тентность путем включения в текст НИ специального языкового материала для характеристики приобретенного товара.

Лингвист Дагмар Тратшитт, рассматривая вопрос о правильном составлении наиболее доступных для понимания НИ, освещенного на семинаре Института обучающихся технологий Геппенгейма, пишет следующее: «Применяемые в инструкции понятия или обозначения... следует регламентировать перед тем, как приступить к ее разработке, и всегда одинаково применять при описании» [4, с. 166].

Применение схожих понятий, например, с целью немного разнообразить описание, приводит, напротив, к затруднениям в процессе обучения, поскольку оно вызывает замешательство при сопоставлении обозначений и выяснении, идентично ли уже упомянутое представленному ниже и относится ли оно к одному и тому же элементу управления.

В отношении специальной лексики Дагмар Тратшитт предлагает решить, что скрывается за этим понятием, и приходит к выводу, что в каждом отдельном случае это определяется в зависимости от соответствующего контекста, т.е. в рамках поля «Продукт – целевая группа – потребности в информации».

При применении специальной лексики необходимо решить, является ли она необходимой для описания данного прибора и насколько она доступна пониманию целевой группы.

В решении данного вопроса возможны следующие альтернативы [4, с. 167]:

1. Целевая группа не владеет специальной лексикой.

В данном случае следует решить, необходим ли профессиональный язык для правильного и полного описания эксплуатационных процессов. Если профессиональный язык не является

необходимым, его следует заменить эквивалентными общеупотребительными понятиями. Если же употребление профессионального языка обязательно, специальная лексика должна быть отдельно расшифрована. Лишь тогда она может включаться в текст инструкции.

2. Целевая группа владеет специальной лексикой.

Как пишет Дагмар Тратшитт, это самый удобный случай для составления инструкций, поскольку специальная лексика может применяться без каких-либо препятствий.

Подобные указания для достижения наибольшей ясности текста инструкции представлены и в Германском промышленном стандарте 1974 года [5; 2]:

„Einfachheit

- *Erklären von Fachausdrücken, Symbolen und stilisierten Darstellungen;*

- *Vermeiden unterschiedlicher Benennungen für denselben Gegenstand/Sachverhalt*”.

Таким образом, применяемая в тексте НИ специальная лексика рассчитана, как правило, на различные целевые аудитории и даже в рамках одного руководства ее употребление преследует различные цели, как было показано на примере автомобильной технической документации. Однако, как утверждают зарубежные лингвисты, всегда следует помнить о том, что инструкции по эксплуатации требуют особой ясности, поскольку они призывают к осуществлению конкретных действий. Отсюда следует, что реакция реципиента напрямую соответствует пониманию текста, не последнюю роль в котором играет правильное применение специальной лексики.

Библиографический список

1. Шмидт, Уте Инструкции по эксплуатации. Форма и структура. Исследование в области лингвистики текста. – Кёльн, 1996.
2. Беймел, Маттиас/ Майер, Лотар Оптимизация инструкций по эксплуатации. – Дортмунд, 1986.
3. Кюстер, Райнер Прагмалингвистические аспекты текстов инструкций // Зигфрид Гроссе, Вольфганг Ментруп // Тексты инструкций. – Тюбинген, 1982.
4. Тратшитт, Дагмар О руководствах, как сделать тексты инструкций понятными // Зигфрид Гроссе, Вольфганг Ментруп // Тексты инструкций. – Тюбинген, 1982.
5. Германский промышленный стандарт 8418: Техническая продукция. Сведения в инструкциях по эксплуатации, содержанию и уходу. – 1974.

Bibliography

1. Shmidt, Ute Instrukcii po ehkspluatatsii. Forma i struktura. Issledovanie v oblasti lingvistiki teksta. – Kyoljn, 1996.
2. Beyjmelj, Mattias/ Mayjer, Lotar Optimizaciya instrukcij po ehkspluatatsii. – Dortmund, 1986.
3. Kyuster, Rayjner Pragmalingsvicheskie aspektih tekstov instrukcij // Zigfrid Grosse, Voljfgang Mentrup // Tekstih instrukcij. – Tyubingen, 1982.
4. Tratschitt, Dagmar O rukovodstvakh, kak sdelatj tekstih instrukcij ponyatnihmi // Zigfrid Grosse, Voljfgang Mentrup // Tekstih instrukcij. – Tyubingen, 1982.
5. Germanskiy promishlennihy standart 8418: Tekhnicheskaya produkcija. Svedeniya v instrukciyakh po ehkspluatatsii, soderzhaniyu i ukhodu. – 1974.

Статья поступила в редакцию 10.01.12

УДК811.161.1'37

Капусткина О.Ю. THE TERMINAL «HUMILIATION» AS A STRUCTURAL COMPONENT OF FRAME «INTERPERSONAL RELATIONS» IN RUSSIAN LANGUAGE. The article characterized the national-cultural specificity of representation of the structural component of the frame «interpersonal relationships» – the terminal «humiliation» that stands in the slot «insulting». Also it presents the experience of reconstruction of frame structures of verbal vocabulary as a part of the semantic analysis.

Key words: national-cultural specificity, frame, frame structure, slot, terminal, cognitive analysis.

О.Ю. Капусткина, аспирант ВолГУ, г. Волгоград, E-mail: kapustkina_oksana@mail.ru

ТЕРМИНАЛ «УНИЖЕНИЕ» КАК СТРУКТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ ФРЕЙМА «МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье характеризуется национально-культурная специфика репрезентации структурного компонента фрейма «межличностные отношения» – терминала «унижение», который выделяется в рамках слота «оскорбление». Также представлен опыт реконструкции фреймовой структуры глагольной лексики в рамках проведения семантического анализа.

Ключевые слова: национально-культурная специфика, фрейм, фреймовая структура, слот, терминал, когнитивный анализ.

В системе ценностей коммуникативного поведения личности выделяются нормы, правила, принципы, а также каноны и эталоны. Являясь источниками образов языкового сознания, ценности определяют направление коммуникативного поведения в процессе общения. Национально-культурные ценности выполняют стимулирующую, регулирующую и другие функции в механизме коммуникативной деятельности языковой личности.

Проведенное нами исследование посвящено рассмотрению структуры фрейма «межличностные отношения». Как отмечает В.И. Карасик, в современной лингвистике фрейм как понятие заимствован из когнитивной семантики для обозначения того, как человеческие представления хранятся и функционируют в памяти [1]. Представим краткую характеристику понятия «фрейм», которое мы используем в нашей работе.

Исследования в области фреймовой семантики могут быть представлены как попытка выяснить, учитывая значение слова, по каким причинам то или иное языковое сообщество создало категорию, представленную данным словом, и объяснить значение этого слова путем выявления и объяснения этих причин.

Термин «фрейм» в рамках направления фреймовой семантики одним из первых стал разрабатывать Ч. Филлмор, в работах которого он постепенно расширялся от чисто лингвистического толкования до когнитивного [2]. Под указанным термином ученый в самом общем виде понимает структуру знаний о типизированном объекте или стереотипной ситуации. Фрейм объясняется как декларативный способ представления знаний, формулируемых в терминах описания [2]. Фрейм может быть использован в качестве общего термина для некоторых групп слов, которые мотивируются, определяются и взаимно характеризуются особыми унифицированными конструкциями знания или связанными стереотипизациями опыта [2]. Отметим, что слово «фрейм» используется Ч. Филлмором как общий термин для системы понятий, обозначающих различные знания о мире, помимо данного термина употребляются также термины «схема», «сценарий», «скрипт», «терм», «глобальная модель», «когнитивная модель» и т.д. [3]. Фрейм представляет собой систему категорий, структурируемых в соответствии с мотивирующим контекстом. Существуют отдельные слова-фреймы, которые обеспечивают участникам процесса коммуникации доступ к фреймам и одновременно служат для осуществления категоризации.

В научной литературе представлено большое количество различных определений фрейма, однако большинство склонно считать, что фреймы представляют собой связанные конструкции, в виде которых в памяти человека хранятся знания об окружающем мире [4]. Некоторые авторы ассоциируют фрейм с концептом [5]. В нашем понимании это не одно и то же. Мы считаем, что фрейм выступает лишь частью концепта, моделирует одну из его сторон. Другие исследователи подчеркивают возможность построения модели: фрейм представляет собой «модель культурно-обусловленного, канонизированного знания» [6]. Мы, вслед за В.И. Карасиком, понимаем под фреймом модель «для измерения и описания знаний (ментальных репрезентаций), хранящихся в памяти людей» [1]. Важным для нашего исследования будет положение В.И. Карасика о динамике фрейма: «Фрейм акцентирует подход к изучению хранимой информации, выделяет части, то есть структурирует информацию, конкретизируя ее по мере разворачивания фрейма...» [1, с. 152].

Очевидным в работах исследователей выступает факт сложности структуры фрейма, в которой выделяют, в частности, такие единицы, как ситуации и эпизоды. Фрейм рассматривается как объемная структура, включающая в себя субфреймы как части этой структуры; помимо субфреймов в структуру фрейма входит множество терминалов, к которым присоединяются другие фреймы [7]. М. Минский полагает, что фрейм может рассматриваться как матрица слотов, актуализирующих аспекты фрагмента действительности, содержащая оценку того фрагмента картины мира, который репрезентируется данным фреймом [8]. В основе теории, представленной в работах этого автора, лежит положение о восприятии действительности через сопоставление имеющихся в памяти фреймов, каждый из которых связан с конкретным концептуальным объемом памяти и информацией, получаемой из мира действительности. Исходя из этого, дается следующее развернутое определение понятия «фрейм»: 1) статическая, информационная структура данных, предназначенная для репрезентации стереотипной ситуации; 2) когнитивная структура в феноменологическом поле человека, которая основана на вероятностном знании о типичных ситуациях и свя-

занных с этим знанием ожиданий по поводу типично связанных друг с другом элементарных объектов; 3) декларативный способ представления знаний, формулируемых в терминах описаний [9, с. 7]. Содержание фрейма представляет совокупность вершинных и терминальных компонентов. «Верхние уровни» фрейма четко определены, так как образованы такими понятиями, которые всегда справедливы по отношению к стереотипной ситуации. На «низких уровнях» имеются терминалы, которые необходимо заполнить характерными примерами или данными [9]. Другие ученые предлагают следующие определения субфреймов и слотов: субфреймы – иерархически упорядоченные элементы, образующие системы фреймов [10]; слоты – «элементы ситуации, которые составляют какую-то часть фрейма, аспект его конкретизации» [11, с. 65].

Развернутое определение фрейма предлагает А.Н. Баранов – фрейм является концептуальной структурой с целью декларативного представления знаний о типизированной ситуации, а кроме того выделяет также в его структуре слоты, связанные определенными семантическими отношениями [11].

В нашей работе мы будем рассматривать фрейм как структуру, включающую в себя субфреймы, слоты и терминалы, расположенные в определенной иерархии.

Ввиду того, что мы исходим из понимания фрейма как динамической структуры, в центре нашего внимания находятся глагольные единицы, поскольку глагол, как самая емкая по своему содержанию часть речи, способен раскрывать разнообразные проявления деятельности, состояний, отношений человека. Категория отношения включает в себе представления и знания человека об организации процессуально-событийного мира, что делает данную категорию одной из базовых. Лексемы, представляющие категорию отношения, описывают отношения между людьми, возникающие на основе различных определяющих человеческую природу чувств: любви, дружбы, веры и так далее. Так, считаем обоснованным представить категорию отношения в виде системы субкатегорий: субкатегория любви, субкатегория дружбы, субкатегория веры и др. Каждый из выделенных аспектов отношений в рамках одной категории описывается с точки зрения различных параметров, находящихся отражение в семантической структуре глаголов, представляющих данный аспект. «Семантика глагольного слова – не элементарна, а комплексна в том смысле, что отражает не законченное, полное понятие о классе предметов, как это имеет место в предметных именах, а минимальные дискретные «кусочки действительности», приближающиеся к элементарным ситуациям» [12]. Подобное указание на «элементарные ситуации», заключенное в семантике глагольных лексем, для нас особенно ценно с точки зрения фреймового анализа, поскольку под фреймом в самом общем виде понимается структура знаний о типизированном объекте или стереотипной ситуации.

При построении фрейма «межличностные отношения» мы опираемся на динамическую структуру фрейма, предложенную М.В. Миловановой [13]. Выстраиваемый нами фрейм «межличностные отношения» включает в себя два ключевых субфрейма: «позитивно окрашенные отношения» и «негативно окрашенные отношения», представляющие собой на основании характера отношений определенную оппозицию. В большей степени нас интересует в данной статье субфрейм «негативно окрашенные отношения». В рамках данного субфрейма мы выделяем слоты «оскорбление», «ненависть», «презрение», «неприязнь».

Слот «оскорбление» имеет ряд особенностей, как структурных, так и смысловых. Прежде всего, отметим, что глагол *оскорбить*, являющийся базовым для данного слота, в своей семантической структуре актуализирует только дифференциальную сему (ДС) *‘преимущественно в сфере действий’* интегральной семы (ИС) *‘сфера выражения отношений’*. Под сферой мы понимаем область, или информационное поле, в котором проявляется отношение – физическое или ментальное, в котором бытует и проявляется отношение: так, отношение как чувство, зародившись под влиянием какого-либо события, факта, может остаться только в душе человека, его переживающего (здесь будет реализоваться ДС *‘преимущественно в сфере чувств’*), а может каким-либо образом проявляться внешне, будь то поступок, слова, то есть некое материальное действие; и это действие является следствием чувства, в котором заключается отношение, оно несет в себе окраску, положительную либо отрицательную (актуализируется уже ДС *‘преимущественно в сфере действий’*). Отметим, что выделение данных ДС во многом

условно, поскольку чувства всегда могут предполагать и действия, это связано со спецификой рассматриваемых глагольных лексем, хотя в случае остальных лексем действие носить второстепенный характер. Исходя из описанного выше, действие, выраженное данным глаголом, нами осмысливается через следствие, что представляет уникальность данного глагола в ряду рассматриваемых в настоящем исследовании. В [14] зафиксировано следующее значение данного глагола: *оскорбить* – тяжело обижать, крайне унижать кого-либо, то есть подразумевает некоторое материальное действие, выражающее это отношение, например, «*Если он лжет, то оскорбляет и себя и тех, кому лжет, и не уважает того, о чем лжет*» [15]; «*Очевидно было, что Савельич передо мною прав и что я напрасно оскорбил его упреком и подозрением*» [16]. Здесь снова необходимо обратить внимание на наличие и характер окружающего контекста и контекстуальных уточнителей: «*если он лжет*» – прямо указывается на осуществление некоторого материального действия; «*упреком и подозрением*» – такое указание свидетельствует о том, что субъект высказал упрек и подозрение словами, то есть совершил конкретное действие, повлекшее за собой описываемое отношение. Кроме того, отличительной особенностью глагола *оскорбить* является то, что он всегда подразумевает наличие предварительного физического действия, которое сопутствует проявлению отношения, (оно может быть прямо указано в контексте, либо не указываться вообще, но иметься в виду), такая особенность семантики глагола оказывает влияние на методику анализа слота: помимо собственно совершаемого действия мы рассматриваем сопутствующие параметры, например, характер предмета, вызывающего оскорбление, а также привлекаем исторические сведения, используем этимологическую справку для более четкого понимания места данного глагола в системе языка. Что касается последнего, то наше исследование дало интересные результаты. Обратившись к данным словаря И.И. Срезневского, мы обнаружили, что глагол *оскорбить* ранее имел следующие значения: 1. опечалить, 2. оскорбить, 3. возмутить, 4. огорчать, 5. причинять страдания, 6. делаться тягостным. Особенно в диахроническом аспекте нас заинтересовало значение 3. – истребить, к которому был приведен пример «*Возвышаясь на рабы Божия, хотя оскорбят их и гонят от мира*» (Иппол. Антиох. 49) [17, с. 722-723]. Опираясь на приведенный контекст, делаем вывод, что с древнейших времен само действие оскорбить позиционировалось как нечто важное, даже масштабное в жизни и сознании русского человека, что ставит данный глагол в один ряд с таким базовым глаголом, как глагол *любить*. Кстати, отметим, что далеко не все рассматриваемые нами лексемы зафиксированы в словаре Срезневского. Это также свидетельствует о важности действия, выраженного этим глаголом, для носителей русского языка.

Материалом нашего исследования являются глагольные словоформы, извлеченные методом сплошной выборки из текстов классической художественной литературы. Анализ фактического материала позволяет представить слот «оскорбление» через подслоты «характер интенции» и «способ совершения действия». В рамках первого подслота мы выделяем терминалы «осознанная интенция» и «неосознанная интенция», в рамках второго, опираясь на семантику каждого конкретного примера, мы классифицируем в данном подслоте терминалы «обижание», «унижение» и «осквернение», выстраивая их в порядке нарастания интенсивности. Выделенные подслоты выстраиваются в определенную логическую цепочку последовательности событий – сначала идет намерение, далее следует непосредственно действие, таким образом, каждый из элементов фреймовой структуры является логически обоснованным и необходимым.

Релевантной языковой единицей, входящей в терминал «унижение», является глагол межличностных отношений с отрицательной окраской *оскорбить*, репрезентирующий, в свою очередь, подслот «способ совершения действия».

Указанный терминал «унижение» включает ряд ситуаций, описывающих следующие действия, – задеть, оскорбить чье-либо самолюбие, достоинство, поставить кого-либо в унижительное положение. Статистические данные позволяют включить данный терминал в число наиболее вербализованных в русском языке. Подтверждает это и анализ словарных статей. Рассмотрим некоторые из них. К примеру, [18] предлагает толкование – крайне обидеть, унижить кого-либо; уязвить, задеть в ком-либо

какие-либо чувства; в [19] приводится значение – крайне унижить, обидеть, причинить моральный ущерб, боль кому-, чему-нибудь. Итак, как представляется из словарных дефиниций, смысловое ядро ситуации – крайнее унижение, в двух из трех статей также говорится об унижении чувств, что дает нам возможность утверждать следующее.

На наш взгляд, чувства, которые являются определенной отправной точкой, делятся на индивидуальные (воспринимаемые объектом глубоко лично, близко к сердцу, типичный пример – оскорбление чувств влюбленного), общечеловеческие (релевантные на все времена и для любого человека, бытующего в социуме) и идеологические (свойственные людям той или иной эпохи в рамках каких-либо идеологических учений). Данное разделение условно и проводится нами лишь для систематизации и детального описания конкретных случаев употребления анализируемого в рамках данного терминала глагола. Рассмотрим примеры: «*Княжна Марья чувствовала себя оскорбленной в чувстве собственного достоинства тем, что приезд обещанного ей жениха волновал ее, и еще более она была оскорблена тем, что обе ее подруги и не предполагали, чтобы это могло быть иначе*» [20] – ключевой фразой для понимания всей ситуации является характеристика автора «оскорбленной в чувстве собственного достоинства», ни происхождение, ни положение в обществе, ни воспитание, наконец, не являясь причиной того, что ощущала княжна, – было задето ее чувство собственного достоинства, которое не зависит от классовой принадлежности и потому является более важным в самосознании и самоопределении любого человека. К этому добавляется тот факт, что княжна была оскорблена еще и как женщина – она понимала, что некрасива, что живет со строгим, авторитарным отцом, редко выходит в свет, потому ей сложно найти себе подходящую партию, однако предстоящая встреча с потенциальным мужем волновала ее душу и воображение, что не нравилось ей самой, поскольку она не желала быть зависимой от подобных чувств, ее задевало также мнение подруг, что иначе и быть не может, поскольку они тем самым признавали, что лучшей участи ей ждать нечего. Очевидно, все это унижало княжну. Далее в тексте представлена эта же ситуация, описанная с другой стороны, с точки зрения отца княжны: «*Старому князю казалось, что он был оскорблен за свою дочь. Оскорбление самое болезненное, потому что оно относилось не к нему, а к другому, к дочери, которую он любит больше себя*» [20] – князь был оскорблен ситуацией, когда к его некрасивой внешне дочери, княжне Марье, приезжает свататься молодой человек, пользующийся популярностью у дам, и совершенно очевидно, что просит он руки только лишь из-за положения и протекции, которые ему достанутся в случае составления партии – женитьбы на некрасивой княжне. Этот брак, заведомо построенный не на любви, а на алчности, повлек бы постоянные пересуды о княжне, а поскольку для своей любимой дочери князь желает лучшей участи, чем жалость и презрение окружающих, то он испытывает чувство унижения.

Приведем еще примеры личного оскорбления, имеющего как следствие чувство униженности, а потому относимого нами к данному терминалу. «*Мое самолюбие было оскорблено: меня третировали, как мальчика*» [21] – в данном контексте описана достаточно прозрачная для толкования ситуация. Глагол *третировать* означает «обращаться с кем-либо пренебрежительно, свысока, не считаться с кем-либо» [18], то есть из приведенного контекста мы понимаем, что герой, взрослый человек, подвергся такому отношению, при котором почувствовал себя мальчиком, которого за неразумность или нечто подобное никто не воспринимает в серьез, возможно даже отчитывает, пытается поучать, что, унизило героя, очевидно, не заслуживающего такого обращения. «*Оксана, глубоко оскорбленная, что Петро почти перестал ей писать, старалась не вспоминать о нем*» [22] – пример личного оскорбления, вызванного пренебрежением одной стороны по отношению к другой, – довольно типичный случай в межличностных отношениях: он перестал писать, она почувствовала себя брошенной, забытой, ее это задело, унизило до такой степени, что она «старалась не вспоминать о нем», очевидно, далось ей это с усилием, из чего делаем вывод, что она не была к нему равнодушной, а потому она не могла просто обидеться, соответственно, интенсивность реакции более высокая – унижение. «*Ох, друг мой, друг мой! Как я подумаю, как подумаю, что я вас оскорбляла тогда, что смеялась над вашей любовью, когда вас хвалили за то, что вы не влюбились*»

[23] – аналогично предыдущему примеру насмешка над чувствами, подчеркиваемая контекстуальными уточнениями «*смеялась над вашей любовью*», «*хвалила за то, что вы не влюбились*», вызывает чувство униженности у объекта, на которого направлено действие–отношение, причем в данном случае насмешка выступает как аналог оскорбления, выраженного отглагольным существительным, с более низкой интенсивностью действия, чем оскорбление.

Обратим внимание на следующую особенность, эксплицированную в приведенных выше примерах. К данному терминалу относятся случаи употребления глаголов, в семантике которых актуализируются дифференциальная сема '*непродолжительная реализация действия–отношения*', дифференциальная сема '*непостоянная реализация действия–отношения*' и дифференциальная сема '*предельная реализация действия–отношения*', так же, как в случае «*Ему было немощно стыдно, и самолюбие его было оскорблено, – он не ожидал отказа, – и не верилось, что все его мечты, томления и надежды привели его к такому глупенькому концу*» [15]. В этом примере действие–отношение будет являться непродолжительным, так как, анализируя макроконтэкст, делаем вывод, что с течением времени это отношение потенциально могло быть забыто, то есть пришло к завершению; непостоянным – поскольку считаем возможным, что действие будет изменяться с течением времени качественно, то есть степень проявления чувства будет снижаться. Итак, можно говорить о том, что признак кратковременности также влияет на отнесенность данных случаев употребления глагола к терминалу «унижение».

Следующим этапом в рассмотрении данного терминала (после личного оскорбления, индивидуального для каждого) является анализ оскорбления чувств общечеловеческих, свойственных любому человеку, независимо от его положения, воспитания, эпохи и так далее. Рассмотрим конкретные примеры. «*Напрасно хулители мнят оскорбить нас своею гордынею*» [14]: гордыня, согласно данным словарей, – это непомерная гордость, чрезмерно высокое мнение о себе и пренебрежение к другим; заносчивость, высокомерие [14]. Соответственно, опираясь на данную дефиницию, можем заключить, что подобное отношение никак не может вызывать положительных чувств, более того, для всякого пренебрежение равенством человека перед человеком является унижительным, поскольку равенство мыслится первичным по сравнению с классовыми и иными разделениями общества. Аналогичный пример: «*Вся цель его речи теперь уже, очевидно, была в том, чтобы только возвысить себя и оскорбить Александра, то есть именно сделать то самое, чего он менее всего хотел при начале свидания*» [20] – возвышение себя, то есть пренебрежение равенством, определяется как действие, влекущее за собой чувство унижения, основанное на осознании этого неравенства.

Одним из подвидов указанной группы чувств можно выделить чувство общественное, воспринимаемое как личное, что

характерно в основном для людей, играющих некоторую роль в истории (политики, общественные деятели). Приведем пример: «*Он упомянул о том, что император Наполеон оскорблен требованиями вывода войск из Пруссии, в особенности теперь, когда это требование сделалось всем известно и когда этим оскорблено достоинство Франции*» [20] – на мировой политической арене стало известно о постыдном требовании вывести войска, оскорбительном по той причине, что это означало сдаться, проиграть войну, для главы государства это было унижением, тем более, что Наполеону дали понять – его амбиции были выше его возможностей, а для его страны это предложение означало идти на уступки в дальнейшем; таким образом здесь мы видим неотделимость личных чувств императора и чувств, которые понимаются как общественные, связанные со страной, которой он управлял.

Наконец, третий вид чувств – чувства идеологические, социальные, то есть те, которые воспринимаются людьми той или иной эпохи как высшие, а потому приоритетные, вероятнее всего в рамках каких-либо систем идей, представлений, понятий, течений, отражающих коренные интересы и принимаемых как передовые. Например: «*Она великолепно, например, поняла вопрос о целовании рук, то есть что мужчина оскорбляет женщину неравенством, если целует у ней руку*» [24] – яркий образец чувства идеологического, социального, а именно – желание равноправия мужчин и женщин. Заметим, само действие (целование руки) в рамках общечеловеческой системы жизненных координат не несет какой-либо негативной окраски, оно имеет смысл лишь в рамках этической системы норм поведения, принятой в определенный исторический период времени. Однако, с учетом того факта, что в данном контексте ситуация отражает определенный исторический период, в котором происходило зарождение феминизма (женское движение за уравнение женщин в правах с мужчинами – [14]), действие «*целует у ней (женщины) руку*» рассматривается сквозь призму понятий феминистической идеологии – «целовать руку женщине» значит «признавать женщину слабым полом», значит «считать ее неравной», а, следовательно, унижать этим неравенством и тем самым оскорблять ее.

Итак, сделаем некоторые обобщения. В результате наблюдений и анализа фактического материала можно сделать вывод о том, что в двух группах из трех выделенных нами унижительным считается попрание равенства людей в чистом виде, без условностей, пренебрежение именно этим правом. Равенство, эксплицированное в описанных примерах, – одно из самых ценных качеств бытия, которое может быть у человека, существующего в обществе, что свидетельствует о приоритетности и высокой важности этого понятия для человека. Примеры, рассмотренные с точки зрения отражения национально–культурных особенностей, раскрывают категориальные понятия, релевантные для человека вне его этнической принадлежности, общественного, социального положения.

Библиографический список

1. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. – Волгоград, 2002.
2. Fillmore, Ch. J. "The case for case" / Ch. J. Fillmore // *Universal in linguistic theory*. – New York, 1968.
3. Филлмор, Ч. Основные проблемы лексической семантики // *Новое в зарубежной лингвистике*. – М., 1983. – Вып.12.
4. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика: учебник. – М., 2000.
5. Попова, З.Д. Проблема моделирования концептов в лингвокогнитивных исследованиях / З.Д. Попова, И.А. Стернин // *Мир человека и мир языка: коллективная монография* / отв.ред. М.В. Пименова. – Кемерово, 2003. – Вып. 2.
6. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. – Тамбов, 2001.
7. Минский, М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // *Новое в зарубежной лингвистике XX века*. – М., 1988. – Вып. 23.
8. Minsky, M. Frame-system theory / M. Minsky // *Thinking: Readings in cognitive science* / Ph. N. Johnson-Laird, P.C. Wason (ed.). – Cambridge, New York, 1977.
9. Минский, М. Фреймы для представления знаний: пер. с англ. – М., 1979.
10. Кулаков, Ф.М. Приложение к русскому изданию // Минский М. Фреймы для представления знаний: пер. с англ. – М., 1979.
11. Баранов, А.Н. Введение в прикладную лингвистику. – М., 2003.
12. Уфимцева, А.А. Лексическое значение (принцип семиологического описания лексики). – М., 1986.
13. Милованова, М.В. Категория посессивности в русском и немецком языках в лингвокультурологическом освещении: монография / науч. ред. В.И. Карасик. – Волгоград, 2007.
14. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.; Л., 1948–60.
15. Чехов, А.П. Ионыч / А.П. Чехов. Избранные произведения. – Минск, 1954.
16. Пушкин, А.С. Капитанская дочка // Пушкин А.С. Собрание сочинений в шести томах. – М., 1969. – Т. 4.
17. Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по памятникам XI–XIV веков.: в 3 т. – СПб., 1893–1903. – Т. 2.
18. Словарь русского языка: в 4 т. – М., 1999.
19. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 2000.
20. Толстой, Л.Н. Война и мир // Собрание сочинений в восьми томах. – М., 1996.
21. Короленко, В.Г. История моего современника // Собрание сочинений: в 5 т. – Л., 1991. – Т. 5. – Кн. 3, 4.
22. Поповкин, Е.Е. Семья Рубанюк. – М., 1962.
23. Достоевский, Ф.М. Белые ночи / Ф.М. Достоевский. Избранное. – М., 1987.
24. Достоевский, Ф.М. Преступление и наказание. – М., 1982.

Bibliography

1. Karasik, V.I. *Yazhkovoy krug: lichnost, koncept, diskurs: monografiya*. – Volgograd, 2002.
2. Fillmore, Ch. J. "The case for case" / Ch. J. Fillmore // *Universal in linguistic theory*. – New York, 1968.
3. Fillmore, Ch. Osnovnye problemnye leksicheskoy semantiki // *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. – M., 1983. – Vihp.12.
4. Kobozeva, I.M. *Lingvisticheskaya semantika: uchebnik*. – M., 2000.
5. Popova, Z.D. Problema modelirovaniya konceptov v lingvokognitivnykh issledovaniyakh / Z.D. Popova, I.A. Sternin // *Mir cheloveka i mir yazhka: kolektivnaya monografiya* / otv.red. M.V. Pimenova. – Kemerovo, 2003. – Vihp. 2.
6. Boldihrev, N.N. *Kognitivnaya semantika: kurs lektsiy po angliyskoy filologii*. – Tambov, 2001.
7. Minskiy, M. Ostroumie i logika kognitivnogo bessoznatelnogo // *Novoe v zarubezhnoy lingvistike KhKh veka*. – M., 1988. – Vihp. 23.
8. Minsky, M. *Frame-system theory* / M. Minsky // *Thinking: Readings in cognitive science* / Ph. N. Johnson-Laird, P.C. Wason (ed.). – Cambridge, New York, 1977.
9. Minskiy, M. *Freyjmih dlya predstavleniya znaniy: per. s angl.* – M., 1979.
10. Kulakov, F.M. *Prilozhenie k russkomu izdaniyu* // Minskiy M. *Freyjmih dlya predstavleniya znaniy: per. s angl.* – M., 1979.
11. Baranov, A.N. *Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku*. – M., 2003.
12. Ufimceva, A.A. *Leksicheskoe znachenie (princip semiologicheskogo opisaniya leksiki)*. – M., 1986.
13. Milovanova, M.V. *Kategoriya posessivnosti v russkom i nemeckom yazhках v lingvokulturologicheskom osvethenii: monografiya* / nauch. red. V.I. Karasik. – Volgograd, 2007.
14. *Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazhka: v 17 t.* – M.; L., 1948–60.
15. Chekhov, A.P. *Ionich / A.P. Chekhov. Izbranniye proizvedeniya*. – Minsk, 1954.
16. Pushkin, A.S. *Kapitanskaya dochka* // Pushkin A.S. *Sobranie sochineniy v shesti tomakh*. – M., 1969. – T. 4.
17. Sreznevskiy, I.I. *Materiali dlya slovara drevnerusskogo yazhka po pamyatnikam XI-XIV vekov: v 3 t.* – SPb., 1893-1903. – T. 2.
18. *Slovar russkogo yazhka: v 4 t.* – M., 1999.
19. *Tolkoviy slovar russkogo yazhka: v 4 t. / pod red. D.N. Ushakova*. – M., 2000.
20. Tolstoy, L.N. *Voyna i mir* // *Sobranie sochineniy v vosmi tomakh*. – M., 1996.
21. Korolenko, V.G. *Istoriya moego sovremennika* // *Sobranie sochineniy: v 5 t.* – L., 1991. – T. 5. – Kn. 3, 4.
22. Popovkin, E.E. *Semija Rubanyuk*. – M., 1962.
23. Dostoevskiy, F.M. *Belihe nochki* / F.M. Dostoevskiy. *Izbrannoe*. – M., 1987.
24. Dostoevskiy, F.M. *Prestuplenie i nakazanie*. – M., 1982.

Статья поступила в редакцию 18.01.12

УДК-82.08:159.9

Karamasheva V.A. COMPRATIVE ANALYSIS OF THE NOVELS «RUSSKIY LES» BY L. LEONOV AND «V DALEKOM AALE» BY N. DOMOZHAKOV. The paper has shown the interrelationship of Khakas and Russian national literature. The analysis is based on two novels «Russkiy les» by Russian writer L.Leonov and «V dalekom aale» Khakas writer N.Domozhakov. It is concluded that the Russian novels in its plot, views on a mans philosophy. The traditions of a great Russian literature greatly influence the literature of Khakas people having been developed much later.

Key words: novels, writer, comprativ analysis, national literature, tradition, khakas literature, russian literature, theory of poetry, works, folklore.

В.А. Карамашева, д-р филол. наук, проф. каф. литературы Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, E-mail: bartringer 96@ mail.ru

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОМАНОВ Л. ЛЕОНОВА «РУССКИЙ ЛЕС» И Н. ДОМОЖАКОВА «В ДАЛЕКОМ ААЛЕ»

Статья посвящена проблемам сопоставительного анализа русско-хакасской литературы. В сопоставительном аспекте анализ роман Л. Леонова «Русский лес» и роман Н. Доможакова «В далеком аале». В статье сопоставлена философская и нравственная проблематика, а также традиции русской литературы и новаторства хакасского писателя.

Ключевые слова: роман, писатель, сравнительно-сопоставительный анализ, поэтика, традиции, фольклор.

Как известно, развитие национальной литературы идет не изолированно, а в контексте общего развития российской многонациональной литературы. Исследование художественного творчества писателя того или иного народа должно способствовать выявлению закономерностей общероссийского литературного процесса.

Анализ творческих контактов тесно связан с изучением внутренних тенденций развития национальной литературы, раскрытие ее специфики предполагает сопоставление с литературами других народов.

Данная закономерность непосредственно связана с явлением социальной трансформации, то есть творческой переработкой и приспособлением, являющимся предпосылкой взаимодействия, к особенностям национальной жизни и национально-го характера на конкретном этапе общественного развития, к национальной литературной традиции, а также к идейному и художественному своеобразие творческой индивидуальности писателя.

Сравнительно-литературоведческий анализ романов Л. Леонова «Русский лес» и Н. Доможакова «В далеком аале»

представляется необходимым и целесообразным. Их роднит обращение к драматическим периодам истории, сходство идейно-тематического содержания, близость философских взглядов

Творческий арсенал Л. Леонова, его мастерство помогли Н. Доможакову написать первый в хакасской литературе роман. Под воздействием Л. Леонова, который умело синтезировал эстетические завоевания времени, выявил сложную взаимосвязь событий дооктябрьского и послеоктябрьского периодов, Н. Доможаков обогатил систему изобразительно-выразительных средств хакасской литературы, разработал новые приемы типизации, что оказалось одним из важнейших достижений хакасской прозы нового времени.

Роман «Русский лес» является крупным достижением русской литературы оказавшим влияние и на развитие литератур народов РФ, в частности, на хакасскую. Традиции Л. Леонова можно обнаружить, в таких произведениях, как «Звериными тропами», «Мои друзья» И. Костякова, «Журчащий ручеек», «На развилке» К. Нербышева, «На летнем пастбище», «На заимке» Н. Тюпкикова и др. Но наиболее последовательное развитие они получили в романе Н. Доможакова «В далеком аале».

И в «Русском лес» и «В далеком аале» природе в сложной системе образов принадлежит одна из основных ролей. По существу, она является главным героем этих произведений. Природа – лес у русских и степь у хакасов – это и среда обитания, формирующая взгляды, определяющая тип мышления, психологию, жизненный уклад, и арена борьбы идеологий, жизненных позиций, и критерий человечности, нравственности. Не случайно внутренний мир отрицательных персонажей ограничивается их личностными рамками, между ними и природой нет органической связи, они как бы «вне леса» и «вне степи». И, наконец, лес и степь – это символы жизни: они кормят, учат, одевают населяющие их народы.

Лес в лекции Вихрова дан во всех стадиях развития. Вначале перед нами первозданный вид русской природы. «Сперва, вперемежку с дубравами открывалась степь...» [1, с. 246]. «Потом пращур Святослава падал знак – и племя, как пламя, хлынуло вниз, затопляя пустынные предгорья...» [1, с. 246]. Эпически торжествен слог писателя, повествующего о далеком прошлом, когда «земля еще носила следы великой, сравнительно недавней, в размахе геологического времени ледниковой весны...» [1, с. 246]. Лес, словно расплавленная магла гигантского вулкана, сбегает с Алаунской возвышенности, покрывая всю Европу. Просторы могучих степей – они редки на этой необжитой земле! Но время шло, «и первым лесорубом на Руси стал огонь» [1, с. 248].

Но чем ближе мы подходим к «печальной странице» в истории леса, тем тревожнее звучит голос автора. Вот Вихров уже восклицает: «Эй, посторонись, Демидов берет за топор!» [1, с. 255].

Безрадостной, но правдивой рисуется судьба русской природы, когда «прогресс в обнимку с барышами вторгается в хвойные дебри» [1, с. 257]. Глубокий философский смысл вкладывает писатель в выражение: «Худо земле без войлока; когда-нибудь люди узнают на деле, чего стоило натянуть неосторожно сорванную деринку и укоренить желудь на солончаке» [1, с. 264].

Тяжелое горе выпало на долю русского леса после отмены крепостного права, страшные беды принесли кровавые зарева пожаров, расточительство и бесхозяйственность.

Но писатель верит в прекрасное будущее зеленого великана, поэтому высоко поэтичны страницы романа, на которых автор и его герой описывают свое любимое детище: «Лес никогда не помнил обиды от русских...» [1, с. 250].

Так эпизод из лекции Вихрова окончательно определил расстановку борющихся сил и отношение к положительным персонажам, донес до сознания читателя горячий призыв Л. Леонова беречь лес, сохранять и приумножать народное благосостояние. «Лекция Вихрова – это поэма и научный трактат, это вдохновенная песнь о России, зажигающая патриотическим огнем молодые умы и сердца, это слово, обращенное в Будущее» [2, с. 215].

Она является центральной точкой в развитии сюжетных линий и композиционного построения романа. К понятию русский лес восходят все главные идейные и сюжетные мотивы. По мнению В.А. Ковалева, «тема леса является лишь одной из живых и значительных общественных тем, развертываемых в романе, – таких, как борьба двух систем, героизм народа в Великой Отечественной войне, формирование нового человека, идейная борьба в науке. Эта тема служит средством группировки характеров, определения взаимоотношений героев. Лес – это лишь арена, поле деятельности людей, выявления человеческих характеров» [3, с. 170].

Разделяя в целом данную позицию, отметим, что в ней доминирует композиционный подход. С точки зрения композиции, структура, тема леса действительно является «лишь одной из ... тем» романа. С точки зрения содержания, лес (природа) у Л. Леонова – синоним жизни. Данная мысль отчетливо прослеживается в лекции Вихрова. В наше время ее актуальность очевидна как никогда. Автор убедительно доказывает, что лес – это сложнейшая система условий человеческого существования, разрушение которой приведет к исчезновению на Земле всего живого.

Таким образом, содержание темы леса у Л. Леонова выходит далеко за литературные рамки.

В настоящее время тема человека и природы является одной из основных в многонациональной литературе нашей страны. Мощным импульсом, во многом определившим ее развитие, стал роман «Русский лес». Рост интереса к данной теме обусловлен и обострением экологической ситуации в стране.

Взаимоотношение человека и природы – «вечная» проблема: «Человека не может не занимать природа, он связан с ней тысячами неразрывных нитей: он сын ее...» [4, с. 414]. Все это позволяет говорить о «сверхактуальности» рассматриваемой темы, о необходимости ее всесторонней и детальной разработки в национальных литературах.

Попытаемся определить сходство и различия художественно-философских трактовок образа природы в сопоставляемых романах.

Л. Леонов и Н. Доможаков определяют природу как один из критериев нравственности и человечности. Люди жестокие, беспринципные, безнравственные не способны ощущать с ней родственную связь. И у Л. Леонова, и у Н. Доможакова природа – это и «храм, и мастерская». Она не только материально, экономически, физически обуславливает существование человека, но и содержит в себе мощный эстетический заряд. Именно красота природы и осознание неразрывной связи с ней являются одним из факторов, определяющих духовное развитие людей.

Человек в анализируемых произведениях рассматривается как часть природы, отсюда – частое обращение к антропоморфизму, психологическому и ассоциативному параллелизму, авторская убежденность в том, что между человеком и природой, имеется определенное сходство, поскольку они представляют собой единое целое.

Следует отметить, что у Л. Леонова проблема взаимодействия героя с окружающей средой осмысливается глубже, детальнее, всестороннее, чем у Н. Доможакова. С одной стороны, это объясняется целями и задачами, которые они ставили перед собой, с другой – уровнем писательского мастерства, с третьей – объемом повествования («Русский лес» – 41 п.л., «В далеком аале» – 8,4 п.л.).

Несомненным достоинством произведений Л. Леонова и Н. Доможакова является то, что при разработке проблемы взаимоотношения человека и природы у них доминирует исторический подход. Данная проблема рассматривается с учетом таких факторов, как преемственность поколений история народа. Образ старой лиственницы, созданный Н. Доможаковым, является своего рода символом этой взаимосвязи: «В глубине леса за горой Чымыр-Хая, где пережидала метель с отарой Кнай, есть обширная елань, посреди которой стоит старая лиственница. Бугристый ствол лиственницы, покрытый шелушащейся корой, в толщину несколько обхватов, а чтобы с земли увидеть ее макушку, надо так запрокинуть голову, что непременно свалится шапка. Черными кажутся голые ветви, лишенные в зимнюю пору хвои. В трещинах коры тут и там смолистые наетки. Сколько лет лиственнице – двести, триста? Не одно поколение хакасов косило траву в этой елани, название которой пришло с незапамятных времен. Еще прадеды называли ее еланью старой лиственницы» [5, с. 49].

Следует отметить, что возвышение картины изображаемой жизни до символа – одна из наиболее характерных черт романа «В далеком аале». Вещи, весь материальный мир не живут в произведении Н. Доможакова своей собственной, отъединенной от человека жизнью: «Он видит беркуты, появившихся над степью. А ведь каждый знает, что беркуты рады чьей-то беде в степи» [5, с. 2]. Беркут у хакасов-степняков является символом несчастья. Таким символом зла, лжи, несчастья становится образ золота или, как называют его хакасы, «желтый жеребенок». «Золото – желтый жеребенок, звонко ржет, далеко слышно», – говорят в народе.

Символичен и образ каменного изваяния, возвышающегося над могильными курганами в хакасской степи. Это символ вечности и мудрости народа: «Вросший в курган высокий изогнутый камень с еще заметными полустертыми письменами. С камня глядело грубо высеченное лицо. Широкие скулы, узкие и продолговатые глаза, вместо рта – просто углубление. Слепые глаза изваяния были устремлены в степь поверх дороги» [5, с. 3].

С большим мастерством писатели используют в характеристике психологической реакции и поведения человека символы, которые призваны приоткрыть суть внутреннего движения души. Например: «Хоортай как будто вручал внука духам – хранителям своего очага» [5, с. 12]. Иногда до символа вырастает ничем не приметная на первый взгляд деталь. Например: «Последние капли воды влила Варя в рот подростка. Ресницы его вздрогнули, шевельнулись губы» [5, с. 3]. Глоток воды, влитый Варварой Полынцевой, – олицетворение жизни. У Л. Леонова такими символами являются крестьянская мать и Родина.

Не настаиваем, что символические образы природы Н. Доможакова находятся в родстве с символикой «Русского леса». Но на типологию этого явления следует обратить особое внимание, поскольку для любого писателя обращение к символу – не случайно. Многие леоновские образы также восходят к фольклору – образ родника, сосны на облоге, «живой» и «мертвой» воды и т.д.

Обратим внимание на другие приемы, типологически совпадающие у Л. Леонова и Н. Доможакова, в частности, укажем на роль контрастного изображения мира при помощи природы: «Радует все вокруг: и цветы, и деревья, и насекомые. Простор, красота волнует сердце. Даже солнце, кажется, смеется, взобравшись высоко на небо. Только один Сагдай сам не свой» [5, с. 21].

И, наконец, последняя особенность: хотя картины природы не содержат в себе субъективную оценку писателя, хотя они выступают в основной своей роли, то есть являются средством раскрытия характера, хотя они и преломляются в сознании героев соответственно их психологическому состоянию, но все-таки пейзаж в данном случае объективно отражает окружающую нас реальность, так как художественное описание природы здесь не противоречит существующей действительности.

Выступая в качестве фона повествования, картины природы выполняют в вспомогательную функцию и позволяют понять не только внутреннее состояние героев, но и общества в целом.

Важную роль в художественной системе играет деталь, она, как правило, многозначна, ее можно назвать «кодом» к идее произведения, «шифром» к содержанию характеров, «ключом» к раскрытию подлинного смысла вещей и явлений.

Емкая деталь играет большую роль в развитии сюжета. Она делает его более компактным, стройным и цельным. Но все-таки основная функция детали в сюжете хакасского романа – средство типизации. Так, исторические и этнографические детали способствуют созданию необходимого фона, соответствующего настроения, атмосферы изображаемого времени, делают его осязаемым.

Правдивые картины, изображающие уклад жизни и быта хакасского народа, показаны в романе через восприятие Вари: «Варвара впервые очутилась в хакасской юрте. Круглое помещение не имело окон, зато в самом верху сведенной конусом крыши было проделано отверстие для дыма. Под ним на земляном полу был устроен грубый кирпичный очаг, в котором, чадая, горели коровьи кизяки. К одной стене была приставлена низкая лежанка, застеленная овчинами, к другой – деревянный ларь, к третьей – ящик, обитый полосками жести. Четвертую стенку занимали полки с деревянными блюдами и корытцами, мельницей для муки, глиняными горшками, кринками, чашками. С пятой стенки глядели две потемневшие иконы, а на шестой – висели хомуты, волосяной аркан и пастушеский бич...» [5, с. 6–7].

Следует обратить внимание на портрет героев. То художник сразу с исчерпывающей полнотой дает читателю представление о внешнем облике персонажа (так, например, изображены старик Хоортай, Домна, Сагдай, Аларчон, Пичон), то воссоздает динамический портрет из деталей, накапливаемых на протяжении всего произведения (таковы портреты Федора Полынцева, Вари, Сабиса, Марик, Кнай, Эпсе, Зойки). Глубина и оригинальность эстетической концепции Н. Доможакова проявляется в неповторимом образном мышлении писателя, что находит свое отражение в художественной структуре романа, языке: «Ум крепко, а язык коротко держи», «Услышанное – в ушах храни, увиденное – в глазах оставь», «Степь длинная, язык короткий».

Н. Доможаков умело вводит в ткань повествования сравнения: «Здесьний аал растянутый над Чоботом, приклеился к горе, как ласточкино гнездо»; «Жаворонок трепыхает крылышками, будто трясет бубенчиком»; «Посмотришь из аала на Чобот, и кажется, что это не речка, а распушенный волосяной аркан, свитый из светлых и темных пучков. Длиннен путь Чобота к большой реке Ахбану. Начинается он с зеленокудрых таежных гор – тасхылов, откуда Чобот спрingsивает, как неукротимый конь. Но чего не могут с ним сделать горы, делают степи. На равнине Чобот меняет свой нрав. Течение его становится спокойнее, и теперь он уже напоминает ленивую лошадь, которую все время нужно подстегивать» [5, с. 5–6]. Так необыкновенно поэтично изображена природа в романе «В далеком аале». Природа в романе – это и мир коней. В духе эпических и песенных традиций рисует Н. Доможаков мчащийся косяк. Эта картина открыв-

ает повествование и символизирует ускоряющий ход времени. Талантливо подбирая краски, изображает писатель коней – животных красивых и благородных. На протяжении всего романа переливается мозаика конских мастей. На мифического кентавра похож юный Сабис, слившийся с Соловым в единое целое. Слово всю злость мира впитал в себя одноухий Мухортый, проскакавший по полям гражданской войны. Напрягая последние силы, везет Полынцевых через знойную степь «милая Бурка». Покорно несет Игренька на спине табунщика Сагдай. Чутко стережет свой косяк Гнедой. А есть еще Рыжка, Буланый, Чалый, Карька и множество безымянных в косяках, сивых, пых, вороных...

Внутренняя общность романов «Русский лес» и «В далеком аале» проявляется прежде всего в описании природы. Однако, если у Л. Леонова раскрытие образа леса составляет целостную сюжетную линию, способную трансформироваться в самостоятельное художественное произведение, то образ степи у Н. Доможакова подобной автономностью не обладает, поскольку полностью ориентирован на социальную проблематику, подчинен задаче изображения процессов, наметившихся в общественной жизни после окончания гражданской войны.

Скорбя о Павле Васильевиче, убитом бандитом Харбинкой, Федор Полынцев думает о жестокости врагов, бескомпромиссности борьбы, о том, что он не уберет отца, старого врача, так много сделавшего для простых людей. В этот момент его размышления вдруг получают реальное воплощение. Природа, словно художник-волшебник, рисует живые картины, напоминая недавнюю трагедию: «Солнце за аалом совсем опустилось на степь, и лучи от него протягивались теперь снизу вверх. Оно как бы выстрелило их пучками в покоробленные, сухие, как порох, крыши аала и в сизые облака, что начали вечерний перелет. Вот одно облачко закровоточило подранным боком и словно замедлило полет. А солнце-охотник не знает жалости. Палит в несчастное облачко да разворачивает и без того глубокую и широко багровеющую рану» [5, с. 27]. Картина природы, на которую читатель смотрит глазами главного героя романа, позволяет автору передать весь накал борьбы, вою драматичность ситуации.

Природа у Н. Доможакова – это отдельные пейзажные зарисовки сопровождающиеся глубокими философскими размышлениями, природа у Л. Леонова – это цельная, законченная «философия природы», являющаяся, по нашему глубокому убеждению, одним из самых значительных достижений русской литературы.

Непреодолимая актуальность «Русского леса» обусловлена и правдивостью изображения идейной борьбы, столкновения жизненных позиций. Вот, что об этом сказал О. Михайлов: «Русский лес» – в определенном смысле итог многолетних исканий Леонида Леонова, исканий нравственных, философских, эстетических. Мера человечности и предназначения человека, высокая стезя научного подвига, испытание, через которое прошел народ в пору Великой Отечественной войны, и вера в его светлое будущее – все это уплотненно воплотилось в сложный архитектонике романа» [6, с. 212].

Главный герой романа – народ, основные представители его – Иван Матвеевич Вихров и его дочь Поля. Создавая образ Вихрова, Л. Леонов опирался на достижения классиков русской литературы, в частности, на Л.Н. Толстого, который по-новому взглянул на внутренний мир своих персонажей, на их психологический облик. Персонажи «Русского леса», данные в обычных обстоятельствах, но на фоне чарующей русской природы, воспринимаются читателем в двух аспектах: человек – общество, человек – природа. В этом обобщающая сила и жизненность леоновских образов.

Вся кипучая, неумная энергия Вихрова направлена на то, чтобы делать добро. Добро же в его понятии – русский лес, который просит защиты от плохого человека. Для Вихрова лес – «не просто профессия, а призвание». Старый профессор действует по принципу: «Много леса – не губи, мало леса – береги, нет леса – посади».

Если образ Ивана Матвеевича отделить от русского леса, если пейзаж в романе рассматривать только как иллюстративное средство раскрытия психологии героя и не видеть его исключительную роль в формировании и становлении самого характера старого профессора, мы не поймем всей глубины мысли художника, пафос его романа, утверждающего идею борьбы за русский лес. В этой борьбе Вихров беспощаден: «Но я бы

голодом заморил наших генералов от просвещения, не сумевших за двести лет привить народу чувство если не благодарности, то хотя бы справедливости к зеленому другу» [7, с. 61].

Образ Вихрова несет в себе основной идейно-художественный заряд романа. Его социальная сущность раскрывается в анализе конфликтов, вызванных борьбой за разумное использование богатств природы. Вся жизнь профессора, весь процесс формирования его характера, гражданского облика связаны с русским лесом.

В канун 21 июня 1941 года Иван Матвеевич Вихров, взволнованный приездом дочери, с которой был разлучен по семейным обстоятельствам, восстанавливает в памяти историю своей жизни.

Родился в деревне, учился на медные деньги, в юности пешком обошел все Россию и без памяти полюбил родную землю, правду революции понял через любимое дело, был несчастлив в семейной жизни, не чувствителен к материальным благам и невзгодам, никогда ничего не хотел для себя и всегда хотел всего для всех.

Но Иван Матвеевич вспоминает не только давнее прошлое, определившее его судьбу, свое беззаветное служение «русскому лесу». Он вспоминает, как бессовестно извращали враги его любимые идеи, как было трудно видеть недоумие в глазах дочери и учеников.

В чем же главная трудность существования леоновского героя? Много работы и мало праздников? Но поглощенность работой, ставшей всеобъемлющей сферой его жизни, – главный и почти единственный источник его радостей, его творческого самоощущения: что осталось бы ему, если бы не любимое дело! Скромный быт? Но истинный ученый и настоящий интеллигент, к тому же выходец из беднейших слоев крестьянства, он его просто не замечает и справедливо считает, что имеет все необходимое для жизни и работы, «с явным подчинением первой второй». Неудачная семейная жизнь? Сложные отношения с дочерью? Но и сложности такого рода – постоянная и неизбежная дань самому движению жизни и истории, хотя конкретное выражение отношений в семье Вихрова, пожалуй, ближе всего подводит нас к главной, основной трудности существования леоновского героя – к той моральной его повседневной жизни и работы, которую Л. Леонов воспроизвел с той точностью, с вниманием к мельчайшим подробностям, бытовым и психологическим.

Профессия обуславливает некоторые особенности внутреннего мира Вихрова. Относясь к природе с благоговением, поэтизируя ее, что вызывает большую ярость Грацианского, Вихров в то же время подходит к ней как ученый-натуралист. Обязанность изучать непреходящее, вечное, объективное порождает у него привычку отрешаться от себя, особого рода нравственный аскетизм. Свое личное, интимное он готов принести в жертву на священный алтарь добра и истины, считая, что «общее дело важнее и выше личного...» [7, с. 317]. Это один из основных жизненных принципов Вихрова. Успех Вихрова нельзя отделить от неуспеха, который начинается с выхода самой первой его книги «Судьба русского леса», написанной еще в 20-е годы. Она была построена на драгоценных материалах, врученных Вихрову учителем, крупным ученым старой буржуазной формации Туляковым, в свое время немало сделавшим для лесной науки, но, подобно многим другим представителям дореволюционной интеллигенции, не сразу принявшим советские порядки.

«Лучше пролить пот, чем слезу, – заключил одну из глав Вихров...» Таким образом, Иван Матвеевич продолжил линию прежних русских лесоводов с тем печальным различием, однако, что появилась его злосчастная работа в канун наиболее усиленного за всю историю страны расходования леса» [7, с. 358].

Наивысший взлет, наивысшее торжество вихровских идей – и научных, и гражданских, и нравственных – происходит тогда, когда он действительно прямо и непосредственно говорил если не с народом, то с его молодыми представителями, – читал вступительную лекцию о лесу. Вихровские идеи – это идеи рассчитанные на завтрашний день.

В романе Л. Леонова очень силен план ретроспекции, то есть обращения к прошлому страны, народа. В драматическую реальность войны врываются здесь далекие временные пласты – драматические эпизоды русской истории, увиденной писателем в ярком озарении всенародной беды и подвига: 90-е годы XIX века – годы брожения и голода, когда из потока общенародной жизни выделилась семья Вихровых, трагичная гибель отца

Ивана Матвеевича, незадачливого защитника крестьянских интересов перед царским законодательством; 10-е годы нашего столетия – годы реакции и провокаций, годы интеллигентского отступничества от революции, когда Грацианский сформировался как личность; первые годы победившей революции с их жестокостью требовательностью единственного пути, когда Иван Матвеевич получил поле деятельности как «депутат российских лесов», наконец, 30-е годы с их трудовым энтузиазмом и сложными политическими проблемами, когда Вихров написал свои лучшие книги, а Грацианский развернулся как беспощадный критик «вихровских ошибок».

Прошрое предстает в «Русском лесу» с такой детальной выразительностью, с такими интимно-поэтическими тайнами, казалось бы, навсегда скрытыми подробностями, с такими правами на реальность, что ссылки на воспоминания героев никого не могут обмануть: это писатель смешал все времена в стремлении понять, показать, живописать все сразу: и национально-исторические корни недавней победы, и тревожную заботу о завтрашнем дне, и исповедь своего поколения, и надежду на то поколение, что доказало свою человеческую ценность в войне.

Образы главных героев леоновского романа – Вихрова и Грацианского – интересны авторской способностью живо реагировать на философские, идеологические споры времени. Спор двух профессоров идет не только вокруг конкретных проблем (лесопользование), ими испытываются различные философские истины, для доказательства которых привлекаются аргументы различной ориентации и силы, Л. Леонов не скрывает симпатий своих героев: мир увлечений

Грацианского – философы, представители субъективного идеализма; духовными наставниками Вихрова являются ученые-биологи В. Докучаев и К. Тимирязев. Отражаются ли философские взгляды этих представителей науки в концепциях их жизни?

Л. Леонов не останавливается подробно на формировании философских убеждений Грацианского. Лишь в конце романа автор раскрывает его мысли о собственной сверхгениальности, мечты о памятнике «из металла» вследствие не очень обременительных, но блестящих заслуг перед человечеством. Но эти ницшеанские мотивы, сопровождающие образ Грацианского, в романе приглушены, спрятаны, не имеют, детально-го освещения.

Доможаковский Пичона, абсолютно уверенного в своей исключительности и праве распоряжаться интересами и даже жизнями других людей во имя своих корыстных целей, в какой-то степени можно рассматривать как «духовного двойника» Грацианского.

Грацианский, кровно заинтересованный в том, чтобы как можно глубже замаскировать свою внутреннюю сущность, постоянно рядится в тогу актера, разыгрывающего перед публической публикой спектакли.

Отрицательные персонажи романа «В далеком аале», ловко жонглируя такими понятиями, как уважение к старшим, долг, совесть, соблюдение национальных традиций и т.д. изображают перед своими односельчанами сцены благородного негодования и возмущения, преследуя при этом цель искажения истины.

И Л. Леонов и Н. Доможаков глубоко убеждены в том, что лицедейство в наиболее безобразных своих проявлениях – это удел людей безнравственных и жестоких.

Грацианский, как впрочем, и отрицательные персонажи Н. Доможакова, не склонен к откровенной исповеди, поэтому за него «вспоминает» сам автор. Богатая благополучная семья; ощущение собственного избранничества избалованного юноши; игра в модные революционные идеи, дающие такую соблазнительную остроту ощущений; первый испуг перед властью, первое трусливое предательство ради сохранения привычных благ жизни; постепенное приспособление к победившей революции, окончательное решение любой ценой сохранить высокое положение в обществе и, насколько возможно, в революционной обстановке – привычный комфорт; осознание неполноценности и бесплодности собственного духовного «я», боязнь того, что его «тайна» будет когда-то и кем-то разгадана, и отсюда жестокая, мучительная зависть к истинным талантам.

Одним из основных принципов, которыми руководствовались Л. Леонов и Н. Доможаков при создании широких эпических полотен, является следующий: объективный анализ определенных исторических событий, составляющих содержание того

или иного произведения, невозможен без исследования окружающей среды, формирующей сознание, психологию, взгляды людей, являющихся «творцами» этих событий. Отсюда следует, что окружающая среда, в которой обитает человек, творящий

историю, никак не может быть пассивной по отношению к самой истории. Напротив, диалектическая цепочка «природа – человек – история» – это неразрывное единство, эквивалентное самой жизни.

Библиографический список

1. Леонов, Л.М. Русский лес. – М., 1976.
2. Михайлов, О. Мироздание по Леониду Леонову. Личность и творчество. – М., 1987.
3. Ковалев, В.А. Творчество Л. Леонова. – М.; Л., 1962.
4. Тургенев, И.С. Записки ружейного охотника Оренбургской губернии // собр. соч. – М.; Л., 1963. – Т. 5.
5. Доможаков, Н.Г. В далеком аале / пер. Г. Сысолятина. – М., 1970.
6. Михайлов, О. Мироздание по Леониду Леонову. Личность и творчество. – М., 1987.
7. Леонов, Л.М. Русский лес. – М., 1976.

Bibliography

1. Leonov, L.M. Russkiy les. – M., 1976.
2. Mikhaylov, O. Mirozdanie po Leonidu Leonovu. Lichnostj i tvorchestvo. – M., 1987.
3. Kovalev, V.A. Tvorchestvo L. Leonova. – M.; L., 1962.
4. Turgenev, I.S. Zapiski ruzhejnogo okhotnika Orenburgskoy gubernii // sobr. soch. – M.; L., 1963. – T. 5.
5. Domozhakov, N.G. V dalekom aale / per. G. Sihsolyatina. – M., 1970.
6. Mikhaylov, O. Mirozdanie po Leonidu Leonovu. Lichnostj i tvorchestvo. – M., 1987.
7. Leonov, L.M. Russkiy les. – M., 1976.

Статья поступила в редакцию 10.01.12

УДК 811. 161.1. 39

Kechina E.A. NATIONAL – CULTURAL SPECIFICITY OF THE IMAGE “HOUSE” AS A FRAGMENT OF LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF REPRESENTATIVES OF RUSSIAN AND ARABIAN CULTURE. The article contains the results of research devoted national-cultural specificity of language consciousness of representatives of the Russian and Arabian culture on the basis of comparative analysis of the image «House».

Key words: language consciousness, image of consciousness, association test, semantic gestalt, semantic zones.

Э.А. Кечина, соискатель сектора психолингвистики Института языкознания РАН,
г. Рязань, E-mail: kechina172@inbox.ru

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ОБРАЗА «ДОМ» КАК ФРАГМЕНТА ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОЙ И АРАБСКОЙ КУЛЬТУР

В статье приведены результаты исследования национально-культурной специфики языкового сознания представителей русской и арабской культур на основе сравнительного анализа образа «дом».

Ключевые слова: языковое сознание, образ сознания, ассоциативный эксперимент, семантический гештальт, семантические зоны.

*Ах, лучше нет огня, который не погаснет,
И лучше дома нет, чем собственный твой дом.*

Ю. Визбор

Обращение к проблеме человека является ведущей тенденцией современного социально-гуманитарного знания. С понятием «человек» связан широкий круг мировоззренческих вопросов: сущность и происхождение человека, его уникальность и специфика, степень свободы и смысл жизни, его назначение и место в мире. Человек – существо многомерное и универсальное, как единая и целостная система он «резюмирует всё, что мы познаём» [1, с. 396] и занимает «центральное» положение в той системе координат, в которую вписан окружающий мир [2, с. 35]. Умножая собой мир и создавая в нём бесчисленное число «микрокосмов», человек не перестаёт быть его содержимым, а именно частью, которая, безусловно, самостоятельна и активна [3].

Начало жизненного пути каждого человека заложено в пространстве родного дома и в окружении его семьи. Благодаря семье, которая является структурой, формирующей и адаптирующей личность к будущей самостоятельной жизнедеятельности, человек приобретает нравственные умения и навыки, усваивает определённые ценности и идеалы, духовно-религиозные, национальные и отечественные традиции – всё то, без чего невозможен процесс социализации личности и усвоения человеком культурного опыта предшествующих поколений [4]. Необходимым условием и наиболее оптимальной системой жизнеобеспечения семьи в целом и каждого человека в отдельности явля-

ется общее экзистенциальное пространство дома. Как продукт человеческой деятельности дом представляет собой особое пространство, преобразованное человеком и приспособленное к его нуждам и потребностям. В то же время дом – это одна из первичных категорий восприятия окружающего мира и центр освоения пространства, жизнь в котором является аналогом будущей жизни человека и способом его контактов с окружающим миром. Определяя человека не только в физическом, но и в социальном пространстве, дом даёт кальку для выстраивания структуры мира, его дифференциации и ценностной маркировки [5].

Учитывая экзистенциальную ценность и высокую содержательность, а также тесную связь данного концепта с другими важными культурными понятиями, нам представляется необходимым проанализировать содержание образа «Дом», отражённого в языковом сознании современных носителей русской и арабской культур, с целью выявления его специфических и универсальных характеристик. Изучение национально-культурной специфики языкового сознания – одно из приоритетных направлений многочисленных исследований, проводимых в русле московской психолингвистической школы. Объектом исследований является образ мира как основополагающая компонента культуры, а его предметом становится сознание носителей той или иной этнической культуры. При этом считается, что различие национальных сознаний является главной причиной непонимания при межкультурной коммуникации. Сознание человека представляет собой феномен, который в силу своей специфичности недоступен фиксации и прямому изучению. Одной из форм

овнешнения сознания является *языковое сознание* – опосредованный языком образ мира той или иной культуры, т.е. «совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира» [6]. В качестве одного из эффективных способов диагностики национальных особенностей языкового сознания применяется метод ассоциативного эксперимента.

Любые данные содержания сознания, в том числе и сознания языкового, являются ментальными единицами, существующими потенциально, «in absentia», скрытыми от внешнего наблюдателя, поскольку сознание обладает статусом открытости для субъекта сознания и закрытости для других людей. Для того чтобы сделать их доступными для восприятия и анализа, эти единицы должны быть манифестированы средствами языка (или любой другой семиотической системы) и переведены из потенциального состояния в сущностную плоскость, «in praesentiam». Таким способом, который позволяет осуществить данный переход, по мнению ученых, является ассоциативный эксперимент [7].

В данной статье представлены результаты компаративного анализа содержания образа «Дом» на основе материалов свободного ассоциативного эксперимента, в котором принимали участие 150 русских и 205 арабских студентов Рязанского государственного медицинского университета имени И.П. Павлова (преимущественно представители Марокко и Туниса). Полученные в результате эксперимента ассоциаты классифицировались на основе метода семантического гештальта, с помощью которого нами были выделены следующие общие семантические зоны: «Атмосфера/климат», «Что включает в себя понятие "дом"», «Функции дома», «Эмоциональное отношение», «Качества/характеристики» и «Составляющие дома». В статье реакции респондентов на слово-стимул «Дом» выделены курсивом, рядом в скобках указана частотность каждой из реакций.

Что включает в себя понятие «Дом» для носителей сравниваемых культур? Анализ соответствующей семантической зоны показал, что понятийные границы дома в целом совпадают в русском и арабском языковом сознании. По своему функциональному назначению дом для арабских респондентов является *жилищем* (5) и *собственностью* (1), для русских имеет значение *жилья* (1), *недвижимости* (1), *постройки* (1) и *строения* (1). Однако в большей степени как для русских, так и для арабов дом материализует идею родства, поэтому он символизирует место, где живут родные и близкие люди, находящиеся в родственных отношениях, то есть члены семьи. «Человек с рождения получает семью, как некий «дар судьбы», «первый, естественный и в то же время священный союз, в который он вступает в силу необходимости», оставаясь «в течение всей своей жизни духовным представителем своей отечески-материнской семьи или как бы живым символом её семейного духа» [8, с. 199]. Так, для арабских респондентов понятие «Дом» неотделимо от *семьи* (23), членов которой связывает их общее происхождение (1). В сознании русских студентов дом коррелирует с *семьей* (15), с *родными* (1) и *родителями* (7), но более всего с *мамой* (5), которую можно рассматривать как хранительницу домашнего очага и центральную фигуру русского домашнего пространства.

Каждому дому присуща своя атмосфера и климат. Существуя в определённом временно-пространственном континууме, дом сам не только символически, но и реально образует самостоятельное замкнутое пространство, некий микромир человека и его семьи, где присутствует свой дух и своя атмосфера, поскольку «реальность здания заключается не в четырёх стенах и крыше, а во внутреннем пространстве, предназначенном для жизни в нём» [Лао Цзы]. И в этом внутреннем пространстве русского дома царит атмосфера *тепла* (17) и *уюта* (11), *покоя* (1) и *тишины* (1). Здесь, в стенах родного дома, человек может чувствовать себя спокойно, потому что его дом символизирует *отдых* (1) и *спокойствие* (3).

По мнению арабов, дом – это та *территория* (1) и *маленькая страна* (1), где человек ощущает свою *свободу* (1) и *независимость* (1), это место его *отдыха* (8). Для нормального развития личности в границах родного дома необходим психологический комфорт, который создаётся и поддерживается семьёй в течение всей жизни. Так, домашняя атмосфера *покоя* (2) способствует поддержанию физического и психологического состояния человека. В привычном домашнем пространстве ему комфортно, здесь он *чувствует себя хорошо* (2), поскольку окружён семейным *теплом* (10) и *уютом* (4). Однако не менее важ-

ным для любого человека является поддержание его психической стабильности. Для арабских респондентов атмосфера родного дома окружает человека не только теплом и уютом, но, что гораздо важнее, вселяет в него чувство *уверенности* (5) и *стабильности* (17), то есть устойчивости и неизменности, что в дальнейшем придаёт человеку определённую резистентность к неблагоприятным проявлениям окружающего мира.

Дом является своеобразным «центром» окружающей действительности, которая осваивается человеком «от себя» по направлению от ближайшего пространства к тому, что существует вне его сознания и его личности. Осмысливая и оценивая собственный дом, человек соотносит черты своего дома как ближайшего экзистенциального пространства с окружающим его миром, «а затем, когда физическое освоение за дальностью пространства становится невозможным, освоение продолжается мысленно, путем переноса, экстраполяции уже известных параметров на более отдаленные расстояния» [9, с. 3-18]. И тогда домом для человека становится его Родина или более того окружающий мир приобретает черты его родного домашнего пространства.

Так, у русских студентов с домом ассоциируется *Родина* (4) и *родной город* (2), у арабских – *место* (2), *где человек родился* (1), его Родина: *Марокко* (1), *Тунис* (1). При этом понятийные границы дома в русском и в арабском языковом сознании «расширяются» до значения *мирового дома*, поэтому дом соотносится с *целым миром*, а у арабских студентов, помимо этого, коррелирует с *цивилизацией* (1).

С глубокой древности дом был не просто строением, а пространством, в котором человек мог укрыться и отдохнуть от воздействий внешнего мира, поэтому в пределах родного дома человек вновь обретает пренатальное чувство безопасности, реализуя свою естественную потребность в защищённости [10]. Среди непредсказуемого окружающего внешнего мира дом, полагают арабские студенты, как остров и *надёжное место* (1), является гарантией *безопасности* (7) человека, потому что для человека дом – это *приют* (10), где можно спастись и отдохнуть, это *тайник* (1) и *убежище* (6), где можно укрыться, это место, где все *защищают друг друга* (2). Как пространство, ограничивающее субъект от влияния и воздействий внешнего мира, дом, таким образом, выполняет *защитную функцию*. Кроме того, здесь всегда можно рассчитывать на *помощь* (1) и *поддержку* (1) своих родных и близких. Символом дома и его центром является семейный *очаг* (10), собирающий вокруг себя всех членов семьи. В представлении носителей любой культуры семейный очаг обладает консолидирующей силой, поскольку связь *дом – очаг* имеет устойчивый социальный смысл [11]. Следовательно, дом реализует помимо защитной другую, немаловажную функцию – *консолидирующую*.

Идея консолидирующей функций родного дома присутствует и в реакциях русских респондентов, поэтому для них так же, как и для арабов, с домом ассоциируется семейный *очаг* (3). В границах родного дома формируется безопасное для человека пространство, и поэтому дом становится для него *прибежищем* (2), в котором он чувствует свою *защищённость* (1). Здесь *тебя никто не тронет* (1), потому что дом – это *поддержка* (1) и *защита* (2), словом, мой дом – *моя крепость* (4). Русские респонденты, акцентируя внимание на защитной функции родного дома, используют для передачи идеи полной безопасности человека фрагмент популярного афоризма «Мой дом – моя крепость», принадлежащий английскому правоведа Эдуарду Кону и появившийся в комментариях к средневековому праву, в котором говорится о непрекосновенности жилища.

Перейдём к рассмотрению содержания семантической зоны «Эмоциональное отношение». Как известно, эмоциональная сфера человека пронизывает все сферы нашего существования и является той специфической областью, где более всего проявляется духовная культура народа. Поскольку эмоции детерминированы социально и культурно [12], лексические единицы, передающие эмоции в языке, позволяют выявить национально-культурную специфику языкового сознания носителей различных культур и служат средством познания национального характера народа, его образа мышления, способом проникновения в систему его ценностей.

Так, у русских респондентов в семантической зоне «Эмоциональное отношение» самую высокую частотность имеет ассоциат *родной* (9), который можно отнести к специфической, культурно обусловленной реакции, присутствующей только

у русских респондентов. Употребление прилагательного «родной» в устойчивых словосочетаниях современного русского языка отличается особой эмоциональной окраской и является результатом метафорического переосмысления отношений кровного родства. При этом пространственная экспансия «родного» дополняется «экспансией вверх» – в область духовного, происходит метонимический перенос отношений родственной близости, и постепенно строится конструкция общности [13]. Устойчивое словосочетание «родной дом» в понимании русских респондентов передаёт ключевую идею для русской картины мира – идею близости по духу и органического единства. Для носителей русской культуры характерна сильная эмоциональная связь с *родимым* (1) домом, поэтому для них образ дома – это образ *любимого* (3) и *милого* (3) пространства, превозносящего в жизнь человека ощущения *счастья* (3), *радости* (1) и *любви* (1). Дом, считают русские респонденты, – это *самое главное* (1) в жизни человека.

Если у русских респондентов ядро семантической зоны «Эмоциональное отношение» представлено ассоциатом *родной*, то для арабских студентов самой частотной реакцией является ассоциат *нежность*. Арабские респонденты по отношению к *дорогому* (1) дому испытывают чувства *нежности* (5) и *любви* (2). Дом важен и значим для них так же, как ценность *жизни* (1), дом – это *необходимость* (1) в жизни каждого человека, его *мечта* (1) и *цель* (1). Он даёт человеку ощущение *счастья* (1), *его не хватает* (1). Поскольку дом – это, прежде всего, семья человека, то его можно рассматривать как модель внутрисемейных отношений, которые, по мнению арабских студентов, основаны на взаимном *доверии* (1).

Следующая семантическая зона – «Качества / характеристики» дома. Для арабов актуальны размеры дома. По их мнению, дом должен быть *большим* (7), что вполне объяснимо, поскольку современная арабская семья в основном многочисленна, так как в стенах одного дома проживают представители нескольких поколений. Внешние эстетические характеристики дома и его внешний облик также немаловажны для арабских респондентов. Вероятно, поэтому они выделяют «эстетически маркированную» характеристику дома – дом должен быть *красивым* (3). Кроме того, в семантическую зону «Качества/характеристики» вошли следующие ассоциаты *маленький* (2), *бедный* (1), *дружный* (1) и *закрытый* (1). У русских респондентов аналогичная семантическая зона более компактная и включает ассоциаты *кирпичный* (1), *из кирпича* (1) и реакцию *большой* (2), характеризующую размеры дома. Внутреннее устройство дома, полагают русские студенты, должно представлять собой комфортное пространство, то есть быть для человека *уютным* (1).

К периферийным зонам ассоциативного поля стимула «Дом» относятся следующие общие семантические зоны: «Дом как здание» и «Составляющие дома». Употребление лексических единиц, фиксирующих представления о доме через отдельные его элементы, не характерно для обеих групп респондентов, скорее оно носит единичный характер. К таким лексемам относятся общие ассоциаты *крыша* и *комната*, а также реакция *стены* (1) у арабских информантов и ассоциаты *окно* (1) и *окно со шторами* (1) – у русских.

Немногочисленная по составу общая семантическая зона «Дом как здание» содержит несколько ассоциатов, обозначающих виды дома. Как жилое помещение дом различается не только по типу конструкции, но и материальному фактору, то есть «социально дифференцировано» [14, с. 177-178]. Так, у русских

респондентов данная семантическая зона включает ассоциаты *многоэтажки* (1), как типичный распространённый вид городского жилья, *вилла* (1) и *особняк* (1), как виды элитных построек для обеспеченной прослойки населения, а также культурно специфическую лексическую единицу *хата* (3). Семантическая зона «Дом как здание» у арабских респондентов содержит ассоциаты *квартира* (1), а также реакции *дворец* (2) и *хижина* (1), номинирующие виды жилого помещения, которые противопоставлены по признаку богатства, великолепия и бедности.

Обобщая результаты анализа ассоциативного поля стимула «Дом», необходимо отметить следующее. Представления русских и арабских респондентов о «Доме» в целом идентичны. Дом реализует архитектурные функции: *защитную* и *консолидирующую*. Дом воспринимается представителями обеих культур, прежде всего, не как материальная ценность, но как ценность, *концентрирующая основу семейного единства*. Общей для обеих групп респондентов является идея дома как *психологически комфортного пространства* человека с атмосферой *тепла, уюта и покоя*.

Вместе с тем, анализ содержания выделенных семантических зон позволил выявить специфическое, культурно обусловленное содержание образа «Дома». Дом оказывает сильное эмоциональное воздействие на человека, которое для русских носителей культуры проявляется через эмоциональную, духовную связь, поэтому дом – это территория *родного* и *близкого*, органического целого. В свою очередь, для носителей арабской культуры дом является источником *нежности* и *любви*. Поскольку дом можно рассматривать как априорную основу человеческого существования, которую он не рефлексировал, но которые его конституируют [15], нам представляется возможным говорить не только об эмоциональных проявлениях человека по отношению к дому, как месту своего жизнеосуществления, но и об антрополого-онтологической сущности человека и цели его существования. Следовательно, можно предположить, что приоритетными, ценностно-смысловыми модусами существования для носителей русской культуры являются *тепло, безопасность и комфорт*, для арабской культуры – *стабильность, безопасность, комфорт и тепло*. Ключевым, на наш взгляд, ассоциатом у арабских информантов является специфическая реакция *стабильность*, что, возможно, объясняется особенностями культуры ислама, поскольку «исламская культура не любит парадоксов и, уверенная в *фундаментальной рациональности мира*, видит в них нарушение правильности всеобщего устройства» [16, с. 46-70].

Таким образом, компаративный анализ образа «Дома» на основе метода семантического гештальта позволил нам сделать следующие выводы. Несмотря на то, что понятие «Дом» относится к числу универсальных, содержание образа «Дома» в языковом сознании носителей русской и арабской культур имеют как общие, так и специфические характеристики, обусловленные самобытностью культуры, стереотипами мышления, ценностными ориентациями и установками. Кроме того, нам представляется, что компаративное исследование содержания образа «Дома» как фрагмента языкового сознания с помощью свободного ассоциативного эксперимента является важным аспектом в изучении национально-культурной специфики образов мира носителей разных культур, позволяющим приблизиться к пониманию объективных, стабильных, базисных структур человеческого и общественного бытия, что в дальнейшем способствует реализации эффективного межкультурного общения.

Библиографический список

1. Тейяр де Шарден, П. Феномен человека: сб. очерков и эссе: пер. с фр. П.Тейяр де Шарден / сост. и предисл. В. Ю. Кузнецов. – М., 2002.
2. Золотова, Н.О. Человек-и-слово как интегративная часть жизненного мира // Вопросы психолингвистики. – 2009. – № 2 (10).
3. Ярославцева, Е.И. Человек в перспективе сетевой парадигмы (опыт синергетического подхода). – М., 2007.
4. Добровольская, Е.В. Концептуализация семьи в русской языковой картине мира: автореф. дисс. ...канд. филол. наук. – Томск, 2005.
5. Разова, Е.Л. Дом. Экзистенциальное пространство человека // Альманах молодых философов. – СПб., 2002. – Вып. 1.
6. Тарасов, Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996.
7. Normann, H. Meinen und Verstehen. Grundzüge einer psychologischen Semantik. ... 1977. – V. 9.
8. Ильин, И.А. Путь к очевидности. – М., 1993.
9. Степанов, Ю.С. Пространство и миры – новый, «воображаемый», «ментальный» и прочие // Философия языка: в границах и вне границ: международная серия монографий. – Харьков, 1994. – Т. 2.
10. Разова, Е.Л. Дом. Экзистенциальное пространство человека // Альманах молодых философов. СПб., 2002. – Выпуск 1.
11. Рыбаков, Б.А. Язычество древней Руси. – М., 1988.
12. Хомская, Е.Д., Батова Н.Я. Мозг и эмоции. Нейропсихологическое исследование / Е.Д. Хомская, Н.Я. Батова. – М., 1998.
13. Сандомирская, И. Книга о родине: опыт анализа дискурсивных практик. – Wien, 2001.

14. Вендина, Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. – М., 2002.
15. Разова, Е.Л. Дом. Экзистенциальное пространство человека // Альманах молодых философов. – СПб., 2002. – Вып. 1.
16. Смирнов, А.В. Нравственная природа человека: арабо-мусульманская традиция / Этическая мысль: ежегодник. – М., 2000.

Bibliography

1. Teyjyar de Sharden, P. Fenomen cheloveka: sb. ocherkov i ehsses: per. s fr. P.Teyjyar de Sharden / sost. i predisl. V. Yu. Kuznecov. – M., 2002.
2. Zolotova, N.O. Chelovek-i slovo kak integrativnaya chast' zhiznennogo mira // Voprosy psikhologicheskoy psikhologii. – 2009. – № 2 (10).
3. Yaroslavtseva, E.I. Chelovek v perspektive setevoy paradigmat (opit sinergeticheskogo podkhoda). – M., 2007.
4. Dobrovol'skaya, E.V. Konceptualizatsiya semji v russkoy yazikovoy kartine mira: avtoref. diss. ...kand. filol. nauk. – Tomsk, 2005.
5. Razova, E.L. Dom. Ehkzistentsialnoye prostranstvo cheloveka // Aljmanakh molodikh filosofov. – SPb., 2002. – Vihp. 1.
6. Tarasov, E.F. Mezhdunarodnoye obshchestvo – novaya ontologiya analiza yazikovogo soznaniya // Ehtnokul'turnaya specifika yazikovogo soznaniya. – M., 1996.
7. Hormann, H. Meinen und Verstehen. Grundzuge einer psychologischen Semantik. ... 1977. – V. 9.
8. Ilijin, I.A. Put' k oshchivnosti. – M., 1993.
9. Stepanov, Yu.S. Prostranstvo i mir – noviy, «voobrazhaemiy», «mental'niy» i proch. // Filosofiya yazika: v granicakh i vne granic: mezhdunarodnaya seriya monografiy. – Khar'kov, 1994. – T. 2.
10. Razova, E.L. Dom. Ehkzistentsialnoye prostranstvo cheloveka // Aljmanakh molodikh filosofov. SPb., 2002. – Vihpusk 1.
11. Rihbakov, B.A. Yazichestvo drevney Rusi. – M., 1988.
12. Khomskaya, E.D., Batova N.Ya. Mozg i ehmoii. Neyropsikhologicheskoye issledovanie / E.D. Khomskaya, N.Ya. Batova. – M., 1998.
13. Sandomirskaya, I. Kniga o rodine: opit analiza diskursivnykh praktik. – Wien, 2001.
14. Vendina, T.I. Srednevekoviy chelovek v zerkale staroslavianskogo yazika. – M., 2002.
15. Razova, E.L. Dom. Ehkzistentsialnoye prostranstvo cheloveka // Aljmanakh molodikh filosofov. – SPb., 2002. – Vihp. 1.
16. Smirnov, A.V. Nравstvennaya priroda cheloveka: arabo-musul'manskaya traditsiya / Ehticheskaya mihsl': ezhegodnik. – M., 2000.

Статья поступила в редакцию 13.01.12

УДК 811.111-26

Kurchenkova E.A. ENGLISH IN INDIA: THE HISTORY AND ACTUAL PROBLEMS. This article deals with the Indian English language in terms of historical and contemporary conditions of formation of it as a special variety of English from a number of new English languages – New Englishes. Nowadays India is facing a universal process of transformation of English into a territory variety. The article also gives some information about peculiarities of contemporary Indian English phonology, morphology, vocabulary and syntax.

Key words: New Englishes, Indian English, variety, lingua franca, globalization

E.A. Курченкова, доц. каф. английского языка, ВолГУ, г. Волгоград, E-mail: kurlena@mail.ru

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В ИНДИИ: ИСТОРИЯ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Статья посвящена рассмотрению индийского английского языка с точки зрения исторических и современных условий формирования его как особой разновидности английского языка из ряда новых английских языков – New Englishes. В статье также рассматриваются некоторые особенности современного английского языка в Индии в области фонетики, лексики, морфологии и синтаксиса.

Ключевые слова: индийский английский, варианты языка, новые английские языки, лингва франка, глобализация.

Данная статья посвящена рассмотрению индийского английского языка с точки зрения исторических и современных условий формирования его как особой разновидности английского языка из ряда новых английских языков – New Englishes. Новые варианты английского языка, сформировавшиеся в различных постколониальных странах рассматриваются лингвистами как отдельные разновидности (varieties), возникшие в определенных исторических условиях и в условиях разнообразных языковых контактов [1]. При этом общая теория влияния различных процессов на формирование этих разновидностей еще не была вполне разработана.

В настоящее время в мире происходит формирование новых разновидностей английского языка, или, как их называют, New Englishes. Несмотря на огромные различия, лежащие в основе местных языков, результаты влияния на них английского сходны с точки зрения структуры и социолингвистических процессов. New Englishes – это новые разновидности английского, которые возникают на ранних стадиях колониального и постколониального исторического развития до момента их созревания и отделения в самостоятельную разновидность. Однако у них есть также сроки окончания функционирования, как например, американский английский, который, по мнению Е.В. Шайдера более не является разновидностью английского языка [1]. Появление множества «новых разновидностей» английского языка заставило такого лингвиста как Дэвид Кристал высказать предположение о том, что мы, возможно, «являемся свидетелями возникновения первых признаков английской языковой семьи» [2, с. 10].

Индия, безусловно, является одной из многоязычных стран в мире с населением более чем 900 миллионов человек, говорящих более чем на сотне языков индо-арийской семьи и семьи дравидийских языков, двух из крупнейших в мире. В Индии также говорят на языках австро-азиатской и тибетско-бирманской языковых семей, хотя по сравнению с носителями двух вышеупомянутых языковых семей количество говорящих на них гораздо меньше.

С одной стороны, для стран, являющихся бывшими колониями Великобритании, английский язык признан как глобальный, с другой стороны – его называют «killer language», поскольку он разрушительно действует на языки местного населения, изменяет и развивает новые диалекты. Это определяется социолингвистическими принципами и характеризуется множеством общих черт у контактных языков [1].

История Английского языка в Индии начинается с 1600-х годов, когда возникла Ост-Индская компания, и первые английские миссионеры появились на полуострове Индостан [2]. В начале 1800-х годов в христианских школах началось преподавание английского языка. К 1835 году в Индии уже существовали билингвы, знающие английский, которые требовались, по мнению Т.Б. Макоя, для того, чтобы «... be interpreters between us and the millions whom we govern – a class of persons, Indians in blood and colour, but English in taste, in opinion, in morals and in intellect» – «были переводчики между нами и миллионами, которыми мы управляем – класс людей, индийцев в крови и цвете кожи, но англичан по вкусу, мнению, морали и интеллекту» [3, с. 22]. Английский стал официальным и академическим языком Индии в начале XX века. Подъем националистического движе-

ния в 1920-х годах привел к некоторым анти-английским настроениям, хотя само движение использовало английский в качестве средства коммуникации. С 1865 по 1947 английский язык постепенно стал средством официального общения в области управления и образования [2].

После обретения независимости, восприятие английского языка как чужеродного прекратилось, однако, спор об английском языке продолжается по сей день. В 1960-х годах конфликтная ситуация вокруг английского языка привела к «формуле трех языков», в которой английский был представлен как главная альтернатива местному государственному языку. В настоящее время английский занимает «ассистирующую» позицию по отношению к хинди, официальному языку Индии [2].

Во время борьбы за независимость поощрение развития и использования местных языков и борьба с языками империи были способами, при помощи которых представители национальной элиты отличали себя от западных колонистов и определяли свою идентичность. После обретения независимости, однако, представителям элиты потребовалось отличаться от простого люда своих стран. Этим средством послужило свободное владение английским, французским и другими западными языками. В результате представителям элиты стало намного проще общаться с жителями Запада и друг с другом, чем с народом из своих обществ (подобная ситуация имела место на Западе и в России в семнадцатом–восемнадцатом веках, когда аристократы из различных стран прекрасно общались друг с другом по-французски, но не умели говорить на национальных языках своих стран).

Б. Качру отмечает, что Английский в настоящее время выполняет как национальную, так и международную функции, которые различны и дополняют друг друга. Английский, таким образом, приобретает позицию власти и «новой элитарности» [4, с. 12]. Английский язык в настоящее время используется в Индии как официальный в области юриспруденции, государственного управления, среднего и высшего образования, вооруженных сил, средствах массовой информации, в бизнесе и индустрии туризма.

Лишь около трех процентов населения Индии говорит на английском языке, это элита экономической, профессиональной, политической и общественной жизни Индии. Это особенно относится к Южной Индии, где английский язык является универсальным языком, в то время как хинди выполняет эту функцию на Севере. Несмотря на то, что только три процента населения Индии говорит на английском, Индия находится в числе четырех ведущих стран мира с самым большим числом жителей, говорящих на английском языке. Английский позволил ей сохранить свое важное положение среди других развивающихся стран в мире. В некоторых частях Индии английский более предпочтителен, чем хинди в качестве лингва франка (универсального языка широкого общения) [2; 5].

По мнению С. Хантингтона, в не-западных обществах в настоящее время существуют две противоположные тенденции. С одной стороны, английский все больше используется на университетском уровне, чтобы дать выпускникам возможность вести эффективную игру в глобальной гонке за капиталами и покупателями [5]. С другой стороны, социальное и политическое давление вынуждает все больше использовать местные языки. Арабский вытесняет французский в Северной Африке, урду занимает место английского как языка управления и образования в Пакистане, а СМИ, использующие местные языки, заменяют англоязычные в Индии. Такое развитие ситуации предвидела Индийская комиссия по образованию в 1948 году, когда было заявлено, что «использование английского ... делит людей на две нации, тех немногих, кто правит, и многих, которыми правят, кто не может говорить на чужом языке, и эти две нации не понимают друг друга» [5, с. 86].

В настоящее время за пределами узкой элиты индийского общества, использующей англоязычную документацию, английский даже не играет роль лингва франка. «Приземленная реальность», — утверждают профессор английского языка из университета в Нью-Дели, — состоит в том, что если вы отправитесь в путешествие из самой южной конечности Кашмира в Кашмир, то общение вам будет намного лучше вести при помощи хинди, а не английского» [5, с. 84]. Кроме того, индийский английский приобретает все больше индивидуальных характеристик: он индизнируется, или, скорее, локализуется, поскольку возникают различия между английскими языками носителей

разных локальных языков. Английский впитывается в индийскую культуру, точно как же, как санскрит и персидский были впитаны в него до этого.

В книге «Язык социального статуса» В.И. Карасик приводит следующую классификацию языковых ситуаций, возникающих в результате контакта языков и культур:

- 1) используется язык одного из этносов,
- 2) используются на равных языки взаимодействующих этносов,
- 3) используются языки взаимодействующих этносов с дифференцированными сферами общения (диглоссия по Ч. Фергюсону),
- 4) используется чужой для контактирующих этносов язык,
- 5) используется вспомогательный язык-пиджин,
- 6) используется язык одного из этносов в предельно облегченной для иноязычного восприятия форме, ксенолект. Ксенолект, как правило, пользуются эмигранты. Их социальный статус оценивается как низкий, что отражается на отношении к данной разновидности языка [6, с. 63].

Таким образом, языковая ситуация находится в прямой зависимости от социально-культурной ситуации взаимодействия. В Индии наблюдается смешение двух типов языковой ситуации, отмеченных у В.И. Карасика. С одной стороны, используются языки взаимодействующих этносов с дифференцированными сферами общения. В ситуации противопоставления английского языка каждому конкретному местному индийскому языку произошло деление сфер влияния. Местным или родным языком пользовались в быту, английским же языком пользовались, выходя на более высокий уровень социального общения. В то же время, в ситуации взаимодействия множества местных индийских языков и диалектов английский язык выполнял и в настоящее время играет роль языка межнационального общения лингва франка.

В таких странах, как Индия, где английский язык является вторым языком, иностранным, сферы его употребления ограничиваются управлением, юриспруденцией и частью образования и средств массовой информации, некоторыми формами литературы, а в остальных сферах используется родной язык. Английский язык распространил свое влияние на сферы чисто формального общения, включая формальное общение внутри группы (коллеги по работе), а в сферах неформального и личного общения доминирует родной язык либо хинди [7].

Английский язык проникает в сферы жизни, ранее находившиеся совершенно вне его влияния. Здесь большую роль принадлежат языкам Хинглиш (Hindi + English), Бенглиш (Bengali+English) и другим. Эти названия возникли для обозначения языков, которые стали результатом взаимного проникновения и влияния языков (английский язык и один из местных языков), часто используемые в ситуациях неформального общения. Английский, на котором говорят в Индии, отличается от того, на котором говорят в других странах, и он рассматривается как особый вид, который называется Indian English — индийский английский язык. Джейсон Балдридж провел детальное изучение английского языка в Индии, и пришел к выводу, что индийский английский является самостоятельным вариантом английского языка (ИА). Многие индийцы утверждают, что он очень похож на британский английский, но это поверхностное мнение. Следует иметь в виду, что не каждый языковой элемент используется каждым носителем ИА, и что существует много региональных вариантов. Тем не менее, уникальные для данного варианта элементы различных уровней языка могут быть выделены и идентифицированы, что свидетельствует о существовании индийского английского. Они работают на различных фонологических, морфологических, лексических, синтаксических и уровнях [8].

В области фонетики ИА наблюдается ряд изменений (отклонений) от норм произношения британского варианта английского языка, который нами принимается за стандарт. Имеющиеся данные могут быть сведены в следующую таблицу (Таблица 1).

Кроме указанных в таблице изменений, наблюдаются также редукция системы гласных, произнесение звуков [p], [t], [k] без предыхания (аспирации), замена звука [r] на колеблющийся или ретрофлексный.

Исследователи также отмечают, что «индийский английский, как правило, силлабический, что означает несоблюдение чередования ударных слогов через равные промежутки времени» [8,

Таблица 1

Таблица примеров некоторых фонологических изменений в индийском английском (составлено по Д. Балдриджу [8]).

Изменение	Пример
Замена некоторых альвеолярных гласных на ретрофлексные	Замена альвеолярного [Т] на ретрофлексный [ṭ] (согласный звук, образующийся при загибе кончика языка к твердому небу) <i>start</i>
Опускание окончания <i>-ed</i> после звуков [k] ,[t] в глаголах 2,3 формы	<i>walk</i> вместо <i>walked</i>
Замена межзубного звука на альвеолярный	[d] вместо [ð] в словах <i>then, this</i>
Замена артикля <i>an</i> на <i>a</i>	<i>a apple</i>
Унификация звуков [v] и [w]	Volleyball = [walliball]

с. 4]. Кроме того, слоги, которые являются безударными в других вариантах английского языка, иногда получают ударение в ИА, при этом наблюдается отмена редукции гласных. Как видно из примеров, в фонетике ИА наблюдается особая тенденция к ассимиляции с другими местными языками, смягчение и редуцирование некоторых звуков и отмена редукции в других.

Исследователями отмечается, что ИА, с точки зрения морфологии, изменяется очень творчески [8]. В словообразовании ИА часто используется способ словосложения, например *cousin-brother* and *cousin sister* – «двоюродный брат» и «двоюродная сестра». Данный способ позволяет сформировать название для обозначения кузена мужчины или кузины женщина – функция, которая присуща терминологии большинства индийских языков. Другие примеры: существительные *chalk-piece*, *time-pass*, последнее означает бесполезное времяпровождение. Другая черта, которая описывается исследователями ИА, характеризуется использованием во множественном числе английских неисчисляемых существительных массы, таких как *litters*, *furnitures*, *woods* [9]. Иногда слова, стоящие во множественном числе, в нем не используются, например, *one of my relative*. В ИА наблюдается сокращение слов, которые представляют собой отдельно используемые единицы. Пример: *enthusiasm- enthu*. Можно сказать, «*That guy has a lot of enthu*» (Этот парень имеет много энтузиазма). Сокращение *enthu* может также использоваться в качестве прилагательного, «*He's a real enthu guy*». То же самое касается слова *fundamentals -fundas*. *Fundu* означает *прекрасный* или *блестящий*. Пример: «*He is a fundu person*» (Он прекрасный человек).

При заимствовании в английский язык индийских слов, как например, *rotis* (хлеб), которые уже имеют форму множественного числа, наблюдается тенденция употребления его с окончанием *-s*. Английский суффикс *-fu* добавляется к основе слова, имеющего происхождение из хинди для передачи значения «выполнения действия для кого-то». От основы слова *muska* (мускус) происходит единица *muska fu* (полюбить кому-то, «помазать мускусным маслом»).

В индийском английском нестандартным образом также могут быть использованы префиксы, для создания слова *prepone*, используется префикс *-pre*, вместо *-post* (от *postpone*), такая единица означает «перенести на более раннее время».

Лексика индийского английского, по мнению ряда исследователей [8; 2], несомненно обладает особой специфичной динамикой, которая связана с использованием ее молодым поколением, носителями языка, которым в настоящее время от двадцати до тридцати лет. В первую очередь, как и все молодое население глобального общества, ИА характеризуется значительной тенденцией к сокращениям, аббревиатурам. Примеры ис-

пользования сокращений: *Foc – free of charge* (бесплатно). *ILY (eelu) = I Love You*, *ABCD = American Born Confused Deshi* (родом из Индии). *FOB=Fresh Off the Boat* (вновь прибывший). Единица *FOB* фактически используется индийцами американского происхождения при противопоставлении себя индийцам индийского происхождения, которые приехали в Америку. Они дразнят их за то, что они *ABCD's* (родом из Индии) [8]. О сокращениях в индийском английском следует сказать, что они произносятся так, как они написаны. В североамериканском варианте английского языка, как правило, аббревиатура читается, как если бы это было целое слово *Sec= secretary*. Когда читают на индийском варианте английского языка, *Soc.* произносится как *Soash* (секретарь). Новые слова в ИА, появляющиеся вместе с новыми предметами в Индии, имеют также тенденцию к сокращению. Пример: *mixi* (машинка). Другой пример *finger*, неграмотный человек, потому что он использует свои отпечатки вместо подписей на документах.

В Индии используется английский язык, который является смесью английского, хинди и других языков [8]. Этот способ индусы называют *kichiri*. *Kichiri* – это еда, которая состоит из нескольких случайных ингредиентов – достаточно точное описание того, как индийцы говорят друг с другом. Даже в «чистом» варианте ИА широко распространены такие неанглийские выражения, как *mai* (в целом) и *ek minute* (одна минута). Примеры: *achcha = good* (хорошо), *arrai = hey* (эй), *ghotu = one who reads a lot* (тот, кто много читает). Таковы лишь некоторые из наиболее распространенных из них.

Синтаксис языка хинди имеет значительное влияние на индийский английский синтаксис. Некоторые части предложения в ИА опускаются, когда они должны сохраняться и используются, когда они должны быть опущены. Эти очевидно неправильные употребление потребует дальнейшего изучения. Так как система артиклей отсутствует в индийских языках, в ИА их использование носит произвольный характер. В синтаксисе ИА наблюдается использование дополнительных единиц в предложении, там, где в них нет необходимости с точки зрения стандарта, но они используются традиционно с точки зрения этикета.

Пример: *What is your good name?* – *aapka shubh naam kya hai* (как ваше доброе имя?). В вежливом вопросе о полном имени присутствует дополнительный элемент, не встречающийся в стандартном варианте английского языка *good*. Данная единица употребляется аналогично фразе на хинди, где ее присутствие обязательно. Наблюдается неоправданное использование слов *only*, *itself*. Примеры: *Can we meet tomorrow itself?* (Можем мы встретиться?) *I was in Toledo only* (Я был в Толедо).

Особенностью индийского английского является применение дубликации: *Come, come! Sit, sit. Hot, hot water* – для обозначения усиления и продолжения чего-либо, так, как это принято в разговорном хинди.

Некоторые глаголы используются в индийском английском языке в той же функции, в которой они используются на хинди. Индийцы используют *kolna* и *bandh karna*, когда просят включить или выключить свет; в буквальном переводе: *open the light*, *close the light* «открыть свет» и «закрыть свет». В предложении *Will you take tea?* – вместо *have* используется *take*, аналог слова *lena* в хинди. Порядок слов в вопросительных предложениях часто носит уникальный характер в индийском английском языке. Пример. «*Что бы вы хотели съесть?*» – *What you would like to eat?* и «*Who you will come with?*» В данных примерах наблюдается использование прямого порядка слов, как это принято в утвердительных предложениях, вместо обратного порядка вопросительных предложений, как этого требует грамматика стандартного варианта.

В индийском английском часто происходит замена при употреблении длительного и статичного аспектов времени. Другими словами, вместо *The Present Simple Tense* используется *The Present Continuous Tense*. Пример: *Where are you coming from?*

Несмотря на все индивидуальные особенности каждой из разновидностей английского языка и разнообразие социолингвистические и контактные условия, можно утверждать, что в Индии происходит универсальный процесс, который является преобразованием английского языка в территориальную разно-

видность (вариант). К настоящему времени наблюдается завершение процессов ассимиляции, произошедшие за годы независимости страны. Устоялись тенденции развития индийского английского языка, возникшие в результате влияния Британской империи. Можно предполагать, что дальнейшее развитие английского языка в Индии будет происходить под влиянием внутренних тенденций развития языковой ситуации страны, а внеш-

нее влияние (глобализация, американизация) остается лишь в объеме, в котором его испытывают все страны мира.

Более тесное знакомство с языковой ситуацией в Индии, в частности с ролью и особенностями индийского английского языка, послужит делу межкультурного взаимодействия и улучшит взаимопонимание между жителями разных стран, в которых, так или иначе, используется английский язык.

Библиографический список

1. Shneider, E.W. The Dynamics of New Englishes: from Identity Construction to Dialect Birth [Электронный ресурс] / E.W. Shneider // Language. Journal of the Linguistic Society of America. /.-2003.- Volume 79.- N 2. URL: <http://www.lisad.org/info/language/792.pdf>
2. Christal, D. English as a Global Language. [Текст] / D. Christal / Second Edition. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
3. Kachru, B.B. The Indianization of English: The English Language in India. – New York: Oxford University Press, 1983.
4. Kachru, B.B. The power and politics of English // World Englishes. – 1986. – Vol. 5. – № 2/3.
5. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций. – М., 2003.
6. Карасик, В.И. Язык социального статуса. – М., 1992.
7. Терехова, А.В. Английский язык в Индии // Лингвистика, методика и литературоведение в учебном процессе: материалы региональной научно-методической конф. – Уфа, 2006. – [Э/п]. – Р/д: URL: <http://wmxufa.ru/wordp>
8. Baldrige, J. Strength for Today and Bright Hope for Tomorrow. Linguistic and Social Characteristics of Indian English [Электронный ресурс] / J. Baldrige // Language in India. – 2002. – Volume 2: 4. – June-July. URL: <http://www.languageinindia.com/index.html>
9. Trudgill, P. and Hannah J. International English: A Guide to the Varieties of Standard English / P. Trudgill. and J. Hannah. – London: Edward Arnold, 1994.

Bibliography

1. Shneider, E.W. The Dynamics of New Englishes: from Identity Construction to Dialect Birth [Elektronniy resurs] / E.W. Shneider // Language. Journal of the Linguistic Society of America. /.-2003.- Volume 79.- N 2. URL: <http://www.lisad.org/info/language/792.pdf>
2. Christal, D. English as a Global Language. [Tekst] / D. Christal / Second Edition. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
3. Kachru, B.B. The Indianization of English: The English Language in India. – New York: Oxford University Press, 1983.
4. Kachru, B.B. The power and politics of English // World Englishes. – 1986. – Vol. 5. – № 2/3.
5. Khantington, S. Stolknoenie civilizacij. – M., 2003.
6. Karasik, V.I. Yazikh social'nogo statusa. – M., 1992.
7. Terekhova, A.V. Angliyskiy yazikh v Indii // Lingvistika, metodika i literaturovedenie v uchebnoy processe: materialy regional'noy nauchno-metodicheskoy konf. – Ufa, 2006. – [Eh/r]. – R/d: URL: <http://wmxufa.ru/wordp>
8. Baldrige, J. Strength for Today and Bright Hope for Tomorrow. Linguistic and Social Characteristics of Indian English [Elektronniy resurs] / J. Baldrige // Language in India. – 2002. – Volume 2: 4. – June-July. URL: <http://www.languageinindia.com/index.html>
9. Trudgill, P. and Hannah J. International English: A Guide to the Varieties of Standard English / P. Trudgill. and J. Hannah. – London: Edward Arnold, 1994.

Статья поступила в редакцию 10.01.12

УДК 81'367.522-112

Elivanova A.M. **INVERSION AS A MEANS OF TEXT STRATEGIES IN FRENCH PROSE: A DIACHRONIC APPROACH.** The paper studies the evolution of word order in declarative sentences in the French language. The author makes comparative analysis of the usage of the functions of inversion in literary prose of different periods of the language, and defines the role of inversion in forming text strategies.

Key words: **word order, inversion, text strategies, text tactics, expressiveness.**

А.М. Еливанова, ст. преп. каф. английской филологии Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, г. Якутск, E-mail: annouchka-1@mail.ru

ИНВЕРСИЯ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ТЕКСТОВЫХ СТРАТЕГИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПРОЗЕ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ ПОДХОД

В настоящей работе прослеживается эволюция порядка слов в повествовательном предложении во французском языке. Приводится сопоставительный анализ использования функций инверсии в художественных произведениях, начиная со среднефранцузского периода, и ее роли в формировании текстовых стратегий.

Ключевые слова: **порядок слов, инверсия, текстовые стратегии, текстовые тактики, экспрессивность.**

Известно, что порядок слов в повествовательном предложении постепенно сменился от полной свободы их размещения (с тенденцией помещать глагол в конце предложения) в латыни до твердого порядка слов с размещением подлежащее – глагол – дополнение (SOV), которое устанавливается уже в старофранцузский период (Доза выдвигает следующую периодизацию истории французского языка: 1) старофранцузский язык (843 – 1345); 2) среднефранцузский язык (1345 – 1610); 3) классический язык (1610 – 1789); 4) современный период (1789 – 1930) [1, с. 467 – 468].

Фуле выделяет четыре типа предложения в старофранцузский период: SVO, SOV, VSO, OVS. Говоря о трех последних типах, он подразделяет их на два класса: класс конструкций, характерных для главных предложений (куда относятся третий и четвертый типы), и класс конструкций, предпочтительно упот-

ребляемых в придаточных предложениях (куда он относит второй тип). Кроме того, автор отмечает обязательную постпозицию подлежащего в том случае, если предложение начинается с прямого или косвенного дополнения [2, с. 241-242]. Между тем Мюллер считает, что старофранцузский был языком типа V2, то есть глагол во всех случаях занимал вторую позицию, независимо от того, какой член стоит в начале предложения. Придаточные же предложения имели структуру SOV, но постепенно изменили порядок, перенеся строй, типичный для главного предложения, где в качестве первого элемента все чаще фигурирует подлежащее [3, с. 1].

В среднефранцузский период инверсия главных членов предложения встречается редко по сравнению с предыдущим периодом. Как отмечает Доза, построение с конечной позицией глагола исчезает из языка, а начальная позиция является при-

знаком вопросительного предложения. Кроме того, после некоторых наречий времени и образа действия сохраняется инверсия подлежащего, выраженного местоимением [1, с. 348-350]. По мнению других исследователей, инверсия сохраняется для передачи аффективности или выражения более тесной связи между предложениями, связанными с выражением причинно-следственных отношений [4, с. 19].

Современному французскому языку в целом свойственен прогрессивный порядок слов со структурой SVO. Отступление от принятого в языке порядка называется инверсией [5, с. 297]. Инверсия, будучи средством экспрессивного синтаксиса, играет роль в формировании текстовых стратегий. Под стратегией понимается план комплексного речевого воздействия, которое осуществляет отправитель сообщения для получателя, некоторая последовательность действий, организованных в зависимости от цели взаимодействия [6, с. 100-102].

Мнения исследователей расходятся в вопросе о том, чем обусловлен порядок слов во французском предложении. По наблюдениям некоторых лингвистов, начальное место в предложении занимают те элементы, которые представляют наибольшую важность для говорящего [7, с. 149; 8, с. 31]. Противоположного мнения придерживается Е.А. Реферовская, определяя последнее место французской фразы как семантически сильное [9, с. 88]. Ж. Марузо опровергает мнение, согласно которому порядок слов соответствует порядку важности той или другой мысли. Он утверждает, что порядок слов соответствует порядку последовательности действий и мысли, и в некоторых случаях соответствует порядку восприятия событий говорящим [10, с. 176]. К. Мюллер связывает инверсию подлежащего либо с конечным расположением ремы, либо с «тяжелыми» конструкциями (более сложные, длинные и фокусированные синтагмы располагаются в конечной позиции, а также перечисления, выраженные подлежащим) [3, с. 2-9]. По мнению других исследователей в области французской грамматики, инверсия мотивирована функциями, которые выполняет порядок слов. Так, В.Г. Гак выделяет следующие функции порядка слов применимо к инверсии «субъект-предикат»: 1) логико-коммуникативную; 2) связующую; 3) эмфатическую; 3) ритмическую; 4) структурно-грамматическую; 5) стилистическую [5, с. 297-299].

Как считают специалисты в области грамматики французского языка, в утвердительных предложениях инверсия считается стилистически нейтральной обычно в следующих случаях: 1) после некоторых обстоятельственных слов типа: *aussi, encore*; 2) авторских ремарках драматических произведений; 3) в вводных предложениях, содержащих указание автора, кому из участников диалога принадлежит данная реплика. Кроме того, Р.Г. Пиотровский указывает на то, что инверсия подлежащего может быть обусловлена соображениями ритмического равновесия фразы [11, с. 169-170].

Нами были проанализировано использование инверсии «субъект-предикат» в художественных произведениях, начиная со среднефранцузского периода.

Ярчайшими примерами литературы среднефранцузского периода (XVI-XVI вв.) являются произведения «Gargantua» Ф. Рабле (1534) и «L'Heptaméron» М. Наваррской (1558). Оба произведения показывают частотный показатель экспрессивного использования инверсии (188 примеров в «Gargantua» и 463 примера «L'Heptaméron»). Анализ показывает следующие функции данной конструкции.

1. Эмфатическая функция, где начальную позицию занимает прямое дополнение:

Aultre mal ne feist Gargantua, sinon qu'il les ordonna pour tirer les presses a son imprimerie, laquelle il avoit nouvellement instituë [12, с. 305].

В данном примере прямой объект, имея начальную позицию, вызывает положительное использование субъекта по отношению к предикату. Здесь инверсия имеет эмфатическую функцию. На первое место выносится то, что эмоционально является более важным (*aultre mal*). Рема предшествует теме. Выделив то, что выражено прямым объектом, автор не без иронии подчеркивает, насколько великодушно главный герой обошелся с врагами.

(...) *et cette-la seule veux-je aymer, reverer et adorer, non comme femme, mais comme Dieu en terre, entre les mains de laquelle je mectz ma mort et ma vie*;... [13, с. 151].

В приведенном примере инверсия придает эмоциональную окраску высказыванию и, вместе с тем, выделяет прямой объект.

Данные слова – отрывок из признания в любви героя одного из новелл, Элизора, королеве Кастильской, который, в ответ на ее просьбу показать любимую женщину, показывает ей ее собственное отражение в зеркале.

2. Ритмическая функция

Pour sa chemise furent levües neuf cens aulnes de toile de Chasteraud et deux cens pour les coussons en sorte de carreaux, lesquels on mits soubz les esselles.

Pour son pourpoint furent levües huit cens treize aulnes de satin blanc, et et pour les agueillettes quinze cens neuf peaulx et demye de chiens.

Pour ses chausses furent leves unze cens cinq aulnes et ung tiers d'estamet blanc [12, с. 73-75].

Всего использовано девять параллельных конструкций, каждая из которых относится к описанию одежды Гаргантюа. Инверсия здесь выполняет как ритмическую, так и логико-коммуникативную функции. Подлежащее, имея гораздо больший объем, следует за другими менее значительными компонентами предложения. Внимание читателя фокусируется на подлежащем, занимающем конечную позицию и обозначающем не столько материал, потраченный на наряд героя, сколько его количество. Благодаря использованию эпитетов и количественного числительного субъект приобретает дополнительный вес. Кроме того, благодаря параллелизму конструкции автору удается передать идею величины героя, для которого предназначен весь этот наряд. Если бы не было инверсии, упор делался бы на детали одежды, а не на количество материала.

3. Логико-коммуникативная и связующая функции

(...) *et s'en alla rendre religieux en l'abbaye ouc estoit enterrüe sa femme et les deux amans*... [13, с. 316].

Инверсия выражает актуальное членение предложения: в начальной позиции находится тема (*ouc*), в конечной – рема (*sa femme et les deux amans*). Из логико-коммуникативной функции вытекает связующая функций: глагол, занимая промежуточное положение, выполняет функцию связи между темой и ремой.

4. Функция стилизации, в частности, архаизации

L'on apresta carbonnades a force et belles soupes de primes, et beut le moine a son plaisir [12, с. 257].

Противопоставление инверсированного предложения *et beut le moine a son plaisir* нейтральному *et le moine beut a son plaisir* показывает, что в первом случае появляется особая мелодика, свойственная повествованию фольклорной сказки и создает дух архаичности. Известно, что произведения Рабле в сравнении с его современниками отличаются архаичным стилем. Таким образом, в данном примере инверсия, подчеркивая эпичность повествования и выступая как средство архаизации, выполняет стилистическую функцию. Или:

Et fut mandüe la contesse d'Arande, pour aller a Saragosse, ouc le Roy estoit arrivü;... [13, с. 52].

В данном примере инверсия выполняет также функцию архаизации, придавая предложениям характер народного повествования и напевности. Замечено, что в данной функции инверсия в новеллах «L'Heptaméron» встречается преимущественно после предлога *et*. В пользу данной функции инверсии говорит и то, что инверсия в такой позиции выявлена только в рассказах героев, между тем, как в обсуждениях персонажами рассказов она практически не встречается.

Таким образом, можно утверждать, что в проанализированных произведениях среднефранцузского периода инверсия используется для логико-коммуникативного выделения членов предложения, где рема занимает конечную позицию, для придания эмоционального оттенка всему предложению, где рема занимает начальную позицию, для создания ритма высказывания, для создания более тесной связи между предложениями и как средство стилизации. Кроме того, поскольку инверсия имеет функцию выделения определенной части высказывания, подчеркиваются центральные вопросы повествования. В романе «Gargantua» это образ Гаргантюа, подчеркивание его величия как физического, так и духовного, высмеивание глупости и ханжества средневековых служителей церкви, противопоставление средневековой церкви с ее принуждениями и предрассудками свободному обществу. В произведении «L'Heptaméron» инверсия привлекает внимание читателя к общей теме новелл, входящих в сборник, – к любви в разных проявлениях: любви возвышенной, трагической, фривольной, и т.д.

Соответственно, на уровне высказывания инверсия в совокупности с другими средствами экспрессивного синтаксиса образует синтаксические стратегии посредством следующих тактик: тактики эмоционального и логико-коммуникативного выделения членов предложения, ритмообразующей тактики, тактики связи между предложениями и тактики стилизации. В свою очередь, синтаксические стратегии в составе других формально-структурных стратегий, вливаются в семантические стратегии, направленные тематические стратегии. Так, в романе «Gargantua» формируются следующие стратегии: создание образа героя-великана, всемогущего и великодушного; создание образа средневековых монахов, невежественных и жадных до наживы; провозглашение нового свободного общества, противопоставленного старому миру, бесправному и полному предрассудков. Все перечисленные семантические стратегии направлены на глобальную текстовую стратегию – проповедование идей гуманизма, в центре которого находится человек, свободный, всесторонне развитый и всемогущий. Семантическими стратегиями в сборнике «L'Heptameron» выступают: тема любви во всех ее проявлениях: то благочестивая, то страстная любовь между мужчиной и женщиной, любовь к богу, и т.д.; восхваление таких черт как: набожность, честь и достоинство, порядочность, бескорыстность; осуждение лицемерия и коварства монахов. И семантические, и синтаксические стратегии направлены на глобальную стратегию в дискурсе – передача идей гуманизма в аспекте темы любви, где в центре находится человек влюбленный.

В произведениях классического периода (XVII-XVIII вв.) в сравнении с произведениями более раннего периода замечена гораздо меньшая частота использования инверсии. Так, в романе А.-Ф. Прево в романе «Manon Lescaut» обнаружен 21 случай экспрессивного использования инверсии «субъект – предикат». Анализ показывает, что большей частью инверсии действительно подвержены предложения с переходными глаголами, а также глаголы в форме возвратного залога.

В основном инверсия выполняет логико-коммуникативную и связующую функции:

Elle est d'endurée par quelques ouvrages de terre, autour desquels rugne un large fossé [14, с. 215].

Речь идет о губернаторском доме, который отличается от других своим расположением и размерами. Пример показывает, что инверсия главных членов придаточного предложения выполняет экспрессивную функцию, выделяя подлежащее (широкий ров). Кроме того, занимая срединную позицию, сказуемое связывает тему (*la maison*) с ремой (*un large fossé*). Внимательное чтение указывает на скрытый подтекст. Как ров отделяет роскошный дом губернатора от бедных хижин, где проживало все остальное население, так и положение губернатора было недостижимое и довольно влиятельное. Действительно, он вершит судьбы людей, населяющих его город.

Следующей функцией инверсии в произведении «Manon Lescaut» является эмфатическая функция. Замечено, что в такой функции инверсия содержит сказуемое с модальным значением:

Les sollicitations, l'adresse et la force m'ont été inutiles; j'ai pris le parti de la suivre, dit-elle aller au bout du monde [14, с. 8].

Как восходящая градация, использованная при описании усилий, предпринятых для освобождения возлюбленной, так и содержащийся в инверсированном придаточном предложении финитный глагол с модальным значением (*devoir*), наряду с лексическим наполнением в комплексе указывают на то, что твердость героя в принятом решении непоколебима: кавалер де Грие был готов отправиться вслед за своей возлюбленной хоть на край света.

Часто высказывания с инверсией, использованной в данной функции, сопровождаются средствами экспрессивности на различных уровнях ее выражения: лексических и пунктуационных:

Ô Dieux! Dieux! serait-il possible que Manon m'eût trahi, et qu'elle eût cessé de m'aimer! [14, с. 34].

Предложение передает весь душевный накал героя, который расстроено после рассказа отца о том, что в его отсутствие Манон в течение месяца встречалась с господином Б... Инверсия с модальным прилагательным в именной группе сказуемого дополняет экспрессивность лексическую (повтор междометия *Dieux*) и пунктуационную (восклицательный знак).

Таким образом, анализ функционирования инверсии в романе А.-Ф. Прево «Manon Lescaut» показал, что инверсия подлежащего выполняет логико-коммуникативную, связующую и эмфатическую функции.

На уровне высказывания в произведении А. Прево «Manon Lescaut» инверсия служит для формирования следующих тактик: эмоционального воздействия на читателя и выделения речематического центра высказывания. Являясь составной синтаксической стратегией, она содействует формированию семантических стратегий, направленных на передачу эмоциональных переживаний героя, описание его внутреннего мира, на основе чего складывается глобальная стратегия романа: передача идеи беззаветной любви, самоотверженности и всепрощения.

Что касается современного периода, то анализ современных произведений («Gueule d'amour» Андре Бекле (1937), «J'irai cracher sur vos tombes» Бориса Виана (1946), «Le Tonnerre de Dieu [qui m'emporte]» Бернара Клавеля (1957)) синтаксис произведений характеризуется почти полным отсутствием инверсии «субъект-предикат» в повествовательных предложениях. Исключения составляют постпозитивное употребление подлежащего при наличии глагольных оппозитивных форм, обстоятельственных слов *peut-être, à peine, aussi, u m.d.*, а также в водных предложениях типа *dit-il*, выполняя структурно-грамматическую функцию. Поскольку такое употребление допускается нормами французской грамматики, и, соответственно, не является средством экспрессивности, инверсия в такой функции не выполняет значимой роли в создании текстовых стратегий.

Сопоставление частотности использования инверсии и ее функций на уровне высказывания в художественных произведениях разных периодов отражено в следующей таблице.

Таблица 1

Сопоставление частотности и функций инверсии

Период	Частотность инверсии (на 100 стр.)	Тактики
Среднефранцузский	96	- Тактика эмоционального воздействия на адресата; - тактика тема-речематического членения высказывания; - ритмообразующая тактика; - тактика связи между предложениями; - тактика стилизации.
Классический	9	- Тактика эмоционального воздействия на адресата; - тактика тема-речематического членения высказывания;
Современный	2	-

Частотность использования инверсии в художественном тексте убывает с среднефранцузского до современного периода: если в произведениях среднефранцузского периода частотность составляет 96 единиц на 100 страниц, то в классический период она падает до 9 единиц, и в современный период мы имеем 2 единицы. Сокращается также диапазон экспрессивных функций инверсии, а вместе с тем и текстовых тактик. Так, в произведениях среднефранцузского периода инверсия выступает как: 1) тактика эмоционального воздействия на адресата; 2) тактика тема-речематического членения высказывания; 3) ритмообразующая тактика; 4) тактика связи между предложениями; 5) тактика стилизации.

В классический период выявлены две основные функции инверсии. А именно, она служит как: 1) тактика эмоционального воздействия на адресата; 2) тактика тема-речематического членения высказывания;

В анализируемых произведениях современного периода практически не обнаружены примеры использования инверсии, в связи с чем представляется невозможным выявить какие-либо ее функции.

Библиографический список

1. Доза, А. История французского языка: пер. с фр. / под ред. и с предисл. М.С. Гурычевой. – М., 2003.
2. Foulet, L. Petite syntaxe de l'ancien français. – Paris, 1919.
3. Muller, C. Les inversions du sujet et la structure de la proposition en français [Э/п]. – Р/д: http://erssab.u-bordeaux3.fr/IMG/pdf/Inversions_et_structure.pdf
4. Иеронова, И.Ю. Исторический синтаксис французского языка: Французское предложение в диахронии с XI по XVI века: методическое пособие по спецкурсу. – Калининград, 1996.
5. Гак, В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. – М., 2000.
6. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М., 2008.
7. Bally, Ch. Précis de stylistique. – Genève, 1905.
8. Deloffre, F. La phrase française. – Paris, 1975.
9. Реферовская, Е.А. Сверхфразовое единство (на материале французского языка) // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. – Л., 1975. .
10. Marouzeau, J. Précis de stylistique française. – Paris, 1950.
11. Пиотровский, Р.Г. Очерки по стилистике французского языка. Морфология и синтаксис. – Л., 1960.
12. Rabelais, F. Gargantua. – Paris, 1972.
13. Navarre M., de. L'Heptameron [Э/п]. – Р/д: <http://www.quellehistoire.com/docu/heptameron.pdf>
14. Prévost, A.-F. Manon Lescaut. – Saint-Petersburg, 2004.

Bibliography

1. Doza, A. Istoriya francuzskogo yazihka: per. s fr. / pod red. i s predisl. M.S. Gurichevoy. – M., 2003.
2. Foulet, L. Petite syntaxe de l'ancien français. – Paris, 1919.
3. Muller, C. Les inversions du sujet et la structure de la proposition en français [Eh/r]. – R/d: http://erssab.u-bordeaux3.fr/IMG/pdf/Inversions_et_structure.pdf
4. Ieronova, I.Yu. Istoricheskiy sintaksis francuzskogo yazihka: Francuzskoe predlozhenie v diakhronii s XI po XVI veka: metodicheskoe posobie po spekursu. – Kaliningrad, 1996.
5. Gak, V.G. Teoreticheskaya grammatika francuzskogo yazihka. – M., 2000.
6. Issers, O.S. Kommunikativniye strategii i taktiki russkoy rechi. – M., 2008.
7. Bally, Ch. Précis de stylistique. – Genève, 1905.
8. Deloffre, F. La phrase française. – Paris, 1975.
9. Referovskaya, E.A. Sverkhfrazovoe edinstvo (na materiale francuzskogo yazihka) // Teoreticheskie problemih sintaksisa sovremennikh indoevropeskikh yazihkov. – L., 1975. .
10. Marouzeau, J. Précis de stylistique française. – Paris, 1950.
11. Piotrovskiy, R.G. Ocherki po stilistike francuzskogo yazihka. Morfologiya i sintaksis. – L., 1960.
12. Rabelais, F. Gargantua. – Paris, 1972.
13. Navarre M., de. L'Heptameron [Eh/r]. – R/d: <http://www.quellehistoire.com/docu/heptameron.pdf>
14. Prevost, A.-F. Manon Lescaut. – Saint-Petersburg, 2004.

Статья поступила в редакцию 10.01.12

УДК 1(091)

Pasechnyk V.V. **EXTRAPOLATION OF THE CONCEPTS OF THE ORIENTAL Gnosticism V. SOLOVJOV'S SOPHIOLOGY.** The article exposes the main categories of the Oriental Gnosticism (Manichaeism), characterising it as a developed syncretic teaching. These categories are extrapolated into V. Solovjov's sophiology to describe its Gnostic paradigm.

Key words: existentialism, gnosticism, manichaeism, sophiology, cosmogony, soteriologic problems, dualism, false creation, pessimism, mystery.

V. B. Пасечник, аспирант. АлтГПА, г. Барнаул, E-mail: Skiper31@yandex.ru

ЭКСТРАПОЛЯЦИЯ КАТЕГОРИЙ ВОСТОЧНОГО ГНОСТИЦИЗМА В СОФИОЛОГИЮ ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА

В статье выявляются ключевые категории восточного гностицизма (манихейства), характеризующие его как развитое синкретическое учение. Эти категории экстраполируются в софиологию Владимира Соловьева, с целью описать ее гностическую парадигму.

Ключевые слова: экзистенциализм, гностицизм, манихейство, софиология, космогония, сотериологическая проблематика, дуализм, ложное творение, пессимизм, мистерия.

В настоящее время в отечественной и зарубежной философии активно поддерживается интерес к культуре Востока. В свете современных исследований выявлен ряд категорий восточных синкретических учений, так или иначе фигурирующих на протяжении всей истории христианства.

Однако, до сих пор не ставился вопрос о том, насколько адекватны эти категории в традиции русской религиозной философии. Связь гностицизма с трудами русских религиозных философов до недавнего времени рассматривалась лишь отдельными исследователями. Так А. П. Козырев в монографии «Соловьев и гностики» утверждает: «Если в европейской религиозной философской науке существуют исследования, посвященные влиянию гностицизма на протестантскую мистику и философию германского идеализма, то в России специальных работ о влиянии гностицизма на русскую философию нет [1, с. 6]».

В ходе работы мы выделили четыре категории, характерных как для развитого синкретического учения, так и для трудов религиозных философов рубежа XIX-XX веков: дуализм (истинного божества и трикстера-демиурга, духа и материи), ложное (демиургическое) творение, пессимизм (неуверенность в будущем человеческого мира) и мистерия (космогонический и теогонический аспект учений). В этом и заключается новизна данного исследования.

Важным фактором в определении гностической компоненты в русской религиозной философии является ее экзистенциальная парадигма. Хотя экзистенциализм расценивается как молодое философское течение, в плане философской системы он во многом близок к архаическому гностицизму. На это указывает в своей книге «Гностическая философия: от древней Персии до наших дней» исследователь Тобиас Чертон: «Расширив

поле исследований, Йонас захотел освободить гностицизм от ограничивающего его ярлыка «христианской ереси». Он видел его появление как мировое историческое событие; гностики, по всей видимости, были первыми экзистенциалистами» [2, с. 11].

В своем роде в экзистенциализме возрождается древняя традиция анархичной мудрости, философской ереси. Как и гностицизм, экзистенциализм возвращает мысль к мифологическим, мистическим истокам, то есть задает тенденцию обновления, перерождения духовности. Поэтому истоки экзистенциальной проблематики русской религиозной философии следует искать в дохристианских и раннехристианских верованиях гностического толка.

Характеризуя гностицизм как компоненту религиозной философии, А. П. Козырев пишет со ссылкой на Н. М. Бахтина: «...самобытность русской мысли в ее отличии от западной как раз и заключается в «гностицистском дерзновении», связанном с культом и восточным богословием («душе дано живое единство целостного религиозного гнозиса, - пишет он [Бахтин], - в котором вера и знание могут быть различены лишь условно. В этом смысле восточное богословие – всё равно ортодоксальное или еретическое - глубоко гностично»)[1, с. 7]».

Важнейшей персоналией в определении гностической компоненты в русской религиозной философии можно назвать Владимира Соловьева. В его работе «Соррентийский диалог Софии» гностическая компонента представлена наиболее показательно.

В качестве развитого и сложного гностического учения нами рассмотрено манихейство. Ганс Йонас в своей книге «Гностицизм: гностическая религия», пишет, что манихейство являет собой наиболее монументальное воплощение гностического религиозного принципа, в котором было сознательно разработано догматическое и религиозное представление элементов древних религий. Кроме того, благодаря своему синкретичному характеру манихейство приобрело практически повсеместное распространение в Азии, а умозрительное «ядро» учения Мани, его абстрактный принцип неизменно присутствовал в сектантской истории средневекового христианства, «где часто «еретическое» было тождественно неоманихейскому».

Учитывая это, для более точного определения гностической компоненты в русской религиозной философии мы можем соотнести некоторые условные категории манихейской этики с проблематикой софиологии Владимира Соловьева.

Манихейство синкретично объединило в себе три важнейших религии своей эпохи: христианство, буддизм и зороастризм. Главным признаком, определяющим манихейство как учение гностического толка, является близкое к неоплатонизму идейное ядро. Таким образом к манихейству применимы следующие категории:

Дуализм. В учении Мани описывается первобытный конфликт между Светом и Тьмой. Злое начало материи выражается только в ее преступном желании овладеть Душой. Иными словами, она плоха только из-за невозможности пребывания в ней Бога. Можно сказать, что Душа как элемент космогонии, возникает в манихействе при столкновении Духа и Материи. Дух, заключенный в материю, стремящийся от нее освободить, превзойти ее – есть Душа. Душа – это Дух, поглощенный материей, то есть Тьмой в начале времен.

Ложное творение. Происхождение материального мира и человека трактуется здесь как результат ложного, дьявольского творения, в котором первоначальный божественный замысел (названный в манихейских псалмах Первым Человеком [3, с. 216]) был искажен и поруган: «Это порождение описывается со многими омерзительными подробностями, включая спаривание мужских и женских демонов, пожирание потомства их Царем и т. д.» [3, с. 224].

Пессимизм. Космогония манихейства рисует для телесного мира безрадостную перспективу: постепенное рассеивание и полную утрату всего поглощенного материей Света. Это будет означать угасание небесных светил и смерть всей одушевленной материи. Вселенная манихейства существует по принципу постепенной энтропии, возвращения к хаосу, в котором для Души не будет места.

Мистерия. Учение Мани имеет сложнейшую мистериальную модель. Взаимодействие телесного и духовного в манихействе представлено как эпическое действо, где вопрос существо-

вания в мире зла, несправедливости, страдания, выражен в трагедийном конфликте трансцендентных начал.

Труд В.С. Соловьева «Соррентийский диалог Софии» обнаруживает ряд отсылок к гностической проблематике. Исследователи, такие как Н.М. Бахтин и А.П. Козырев, усматривали в его софиологии сильное влияние неоплатонизма, отмечая при этом, что Соловьев-идеалист обычно затмевал истинного Соловьева-гностика [1, с. 7]. Таким образом, его космогонические представления так или иначе перекликались с мистическими учениями гностиков. Выяснить эти параллели возможно, соотнося софиологию с приведенными нами категориями:

Дуализм. Трагедия творения, по мнению Соловьева, состоит в разделении Души на формальное и действительное начала, которым соответствуют в его концепции Демиург и Сатана. Если в классическом гностицизме две эти фигуры отождествлялись, то здесь они находятся в субстанциональном единстве. Процесс их «разделения» описывается автором так: «Душа – это Демиург, и точно так же она есть Сатана, но она также отличается от них обоих: лучший термин, выражающий субстанциональное тождество и актуальное разделение, – это порождение. Таким образом, мы можем сказать, что Сатана и Демиург порождены Душой, являются ее сыновьями»[4, с. 475].

Ложное творение. Перерождение души в сторону действительного начала (Сатаны). Душа и все связанные с ней процессы рассматриваются как на макро- (универсальная, мировая душа), так и на микроуровне (душа отдельного индивида). Таким образом, сотворение мира фактически отождествляется с творением и грехопадением человека. Отпадение от высшего духовного начала, универсального существа, объясняется необходимостью добровольного и свободного подчинения ему в будущем. Фактически «порождение» Душой Демиурга и Сатаны можно отождествить с демиургическим «ложным творением».

Пессимизм. Экзистенциализм софиологии заключен главным образом в ее сотериологической проблематике. Здесь выбор между божественным и антибожественным изначально делается в сторону богоборческого, природного начала. Говоря об объективном состоянии человеческого сообщества, В.С.Соловьев констатирует оторванность от универсального духовного начала, утрату человечеством целостности, богоборческий бунт, который, в конце концов, приведет к вырождению общества и гибели человечества. О таком прочтении идей Владимира Соловьева говорит в своей статье «Основная идея В.С. Соловьева» Н. Беряев: «Есть большая правда в основной мысли Соловьева. Но он не замечает, что если человечество есть половина богочеловечества, то культ человечества, оторванный от Бога и направленный против Бога, есть не половина богочеловечества, а религия, противоположная христианству»[5].

Мистерия. Соловьев графически моделирует отпадение человека от метафизического начала. Дуальные трансцендентные начала представлены здесь скорее как фигуры ума, предельно абстрактные и отвлеченные. Конфликт этих начал можно выразить как действие механических сил.

Таким образом, рассмотрев данные категории, мы можем предположить что они адекватны как манихейству, так и софиологии. В этих учениях неизменно присутствует дуалистическая космогония, фигурируют две природы – истинная и ложная, духовная и материальная, формальная и действительная. В акте демиургического творения заключается характерная для неоплатонизма идея - отклонение от божественного, эйдосного начала. Пессимизм, экзистенциальная безысходность обусловлены ее важнейшей, умозрительной идеей. Гностический космос – это в известном отношении мир, созданный Сатаной (Отцом тьмы, Демиургом). Торжество Духа, Света, Добра здесь представляется сомнительным. Что касается мистицизма, то здесь мы наблюдаем два взаимобратных процесса: у Соловьева дуальные трансцендентные начала возникают путем «разделения» Души, в манихействе Душа – это результат соединения дуальных начал, при котором дух заключен в телесной природе.

Соответствие категорий синкретического учения в манихействе и софиологии позволяет предположить существование некой стойкой парадигмы, объединяющей эти учения. Таким образом, представляется возможным отслеживать развитие идей и категорий восточного гностицизма от ранних этапов существования христианства до возникновения трудов русских религиозных философов.

Библиографический список

1. Козырев, А. П. Соловьев и гностики: научное издание / А. П. Козырев. – М.: Изд. Савин С.А., 2007.
2. Чертон, Т. Гностическая философия: от древней Персии до наших дней / Т. Чертон. – М.: Изд-во РИПОЛ классик, 2008.
3. Йонас, Г. Гностицизм: Гностическая религия / Г. Йонас. СПб.: Лань, 1998.
4. Соловьев, В.С. Второй диалог. Космический и исторический процесс / В.С. Соловьев // Козырев, А. П. Соловьев и гностики: научное издание / А. П. Соловьев, Ч. 3. – М.: Изд. Савин С.А., 2007.
5. Бердяев, Н.А. Основная идея В.Л. Соловьева / Н.А. Бердяев [Электронный ресурс] – URL: <http://www.vchi.net/berdyayev/soloviev2.html>

Bibliography

1. Kozihrev, A. P. Solovjev i gnostiki: nauchnoe izdanie / A. P. Kozihrev. – M.: Izd. Savin S.A., 2007.
2. Cherton, T. Gnosticheskaya filosofiya: ot drevney Persii do nashikh dnei / T. Cherton. – M.: Izd-vo RIPOL klassik, 2008.
3. Yjonas, G. Gnosticism: Gnosticheskaya religiya / G. Yjonas. SPb.: Lanj., 1998.
4. Solovjev, V. S. Vtoroy dialog. Kosmicheskiy i istoricheskiy process / V.S. Solovjev // Kozihrev, A. P. Solovjev i gnostiki: nauchnoe izdanie / A.P. Solovjev., Ch 3. – M.: Izd. Savin S.A., 2007.
5. Berdyayev, N. A. Osnovnaya ideya V.L. Solovjeva / N. A. Berdyayev [Elektronniy resurs] – URL: <http://www.vchi.net/berdyayev/soloviev2.html> (data obratneniya: 29.10.11)

Статья поступила в редакцию 13.01.12

УДК 81'373

Yakimov P.A. THE LEXEMES POTTER AND CLAY IN SYSTEM OF LEXICAL MBODIMENT OF RELIGIOUS PRESENTATIONS In the article the attempt of analysis of lexemes is undertaken potter and clay, that acquire the religious component of value as contextual value. An author calls to lexicographic description of these lexemes; to the analysis of contexts with them from Decrepit and New Precepts, and also from the National corps of Russian.

Key words: lexemes, semantic structure of word, religious component of value.

П.А. Якимов, канд. пед. наук, доц. ОГУ, г. Оренбург, E-mail: pyakimov@mail.ru

ЛЕКСЕМЫ *ГОНЧАР* И *ГЛИНА* В СИСТЕМЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО ВОПЛОЩЕНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

В статье предпринимается попытка анализа лексем *гончар* и *глина*, которые приобретают религиозный компонент значения в качестве контекстуальной семы. Автор обращается к лексикографическому описанию данных лексем; анализу контекстов с ними из Ветхого и Нового Заветов, а также из Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: лексемы, семантическая структура слова, религиозный компонент значения.

Религиозные представления – это знания и мнения о человеке, об обществе, а также о Высших силах, которые складываются в результате интенционального когнитивного взаимодействия с самой религией, ее объектами и субъектами, как правило, имеют личную значимость для человека и выступают в качестве жизненных ориентиров.

Отражая знания, мнения, ценности, религиозные представления получают то или иное выражение в языковых единицах, совокупность которых является фрагментом языковой картины мира. При анализе лексических воплощений религиозных представлений необходимо выделение специфического семантического компонента, присутствующего в единицах лексики, относящихся к семантическому полю «религия», например, сема «верховное существо, управляющее миром» в составе семантической структуры лексемы *Бог* или сема «место, уготованное душам праведников, где они пребывают в вечном блаженстве и близости к Богу» в составе семантической структуры лексемы *рай*. Такую сему следует определить как религиозный компонент значения.

Религиозный компонент значения в различных словах имеет идентичное значение – «связанный с верой в Бога» [1, с. 15]. Однако религиозный компонент значения может входить не только в семантическую структуру слова, относящегося к семантическому полю «религия» (в виде архисемы или денотативной семы), но и в структуру других слов (в виде контекстуальной или коннотативной семы). С этих позиций нами рассматриваются лексемы *гончар* и *глина*.

В русском языке, по данным «Историко-этимологического словаря современного русского языка» П.Я Черных, форма «гончар» не ранняя [2, с. 203]. Ссылаясь на исследование И.И. Срезневского, составитель словаря отмечает форму *Гончари* как название местности в «Хожении» Игнатия Смольянина, датированном серединой XV века. Однако в «Материалах для словаря

древнерусского языка по письменным памятникам» И.И. Срезневского находим указание на употребление данной формы и в более ранних текстах, например, *Съсудъ гърньчаря*. Жит. Ниф.; *Еда не имать власти гърньчарь от того же кала* (=скудельник). Никон. Панд.¹ [3, с. 617-618]. И.И. Срезневский приводит четыре графических варианта данной формы: *гърньчарь*, *гърньчарь*, *гърчарь*.

Определяя происхождение данной лексемы, авторы исторических и этимологических словарей указывают на ее общеславянскую основу **гътьсѣгъ*, производную от общеславянского корня **гътьсь* – «горшок» [2, с. 203; 4, с. 212; 5, с. 438]. Согласно данным О.Н. Трубачева, слово *гончар* образовано с помощью суффикса -(j)арь, обозначающего производителя действия [4, с. 212], т.е. *гончар* – буквально *горшечник*.

Существует еще одна интересная, но малоизвестная версия этимологизации данной лексемы. Автор книги «Загадки Русского Междуречья» указывает, что продуктивный для русского языка и других индоевропейских языков суффикс *-ар*, участвующий в образовании слова *гончар* (а также слов: *амбар*, *вар*, *кашевар*, *загар*, *дар*, *жар*, *базар*, *комар*, *кенарь*, *гусар*, *нектар*, *сахар*, *овчар*, *гончар*, *бочар* и др.), сопряжен в далеком историческом прошлом с понятием «арии» – само названием исторических народов Древнего Ирана и Древней Индии (II–I тыс. до н. э.), говоривших на арийских языках индоевропейской семьи языков [6].

Согласно данным И.И. Срезневского, лексема *глина* в русском языке употребляется не позднее чем, с XII века, о чем свидетельствует цитата из рукописи «*Иполита епископа съказания о Христе и о антихристе*»: «*Часть Едина желнзо, а дрѣга глина*» [3, с. 519]. Общеславянская форма **glinā* восходит к прандоевропейскому корню **glei-*, нашедшему отражение (правда, с некоторыми фонетическими изменениями) во многих современных индоевропейских словах с близким значением: лит. *glioti*

– «замазывать», «залеплять», польск. *glina*, англ. *clay* – «глина», «тина» и т.д. [4, с. 190-191; 5, с. 412].

Как видим из представленного материала, этимология слов «гончар» и «глина» довольно проста: ничего общего этимоны данных лексем не имеют с религиозной картиной мира. Это же подтверждают и толковые словари.

Дефиниции лексем *гончар* и *глина*, представленные в толковых словарях русского языка Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, МАС, «Словаре русского языка 18 века», «Словаре Академии Российской», «Словаре церковно-славянского и русского языка» и «Полном церковно-славянском словаре» Г. Дьяченко, соответственно, показывают владение человека профессиональным ремеслом и называют физические свойства и предназначение природного материала: «Ремесленникъ, дѣлающій изъ глины посуду, изразцы и другія вещи» [7, с. 277]; «Ремесленникъ, изготовляющій изделия изъ глины» [8, с. 164]; «Бреннодатель, скудельникъ; тотъ, который дѣлаетъ изъ глины изразцы и другія вещи» [9, с. 201]; «Мастер, изготовляющій глиняную посуду, керамику» [10, с. 138]; «Вязкая, липкая и слизкая земля, которая въ водѣ мякнетъ, а въ огнѣ тѣрдеетъ» [7, с. 265]; «Глина бываетъ разныхъ качествъ и видовъ, которая разделяется на 4 вида: белая, желтая, красная и синяя» [8, с. 128]; «Осадочная горная порода, в измельченном виде в соединении с водой образующая тестообразную массу, употребляемую для гончарных изделий, кирпича, строительных и скульптурных пород» [10, с. 132] и т.п.

Анализ словарных дефиниций показал, что данные лексемы, не имея этимологической связи друг с другом, обладают семантической связью: первая является дифференцирующей семой второй и наоборот. «Гончар – рабочий, ремесленник, выделяющий из глины посуду» [11, с. 331], где «глина» – одна из дифференцирующих сем семем *гончар*; «Осадочная горная порода, лежащая на поверхности земли или под почвой, во влажном состоянии образующая вязкую массу (употребляется для гончарных изделий, строительных и скульптурных работ)» [11, с. 315], где «гончарное дело» – одна из дифференцирующих сем семем *глина*.

Лексемы *гончар* и *глина* отсутствуют в большинстве специализированных словарей религиозных и церковных терминов [12; 17; 18]. Следует заметить, что отсутствие лексемы в специализированных словарях не означает ее отсутствие в религиозных текстах. Так, в «Энциклопедии Брокгауза и Ефрона» приводятся данные о том, что о гончарах (горшечниках²) и их изделиях упоминается в нескольких местах Ветхого Завета. Например: «И сошел я в дом горшечника, и вот, он работал свою работу на кружале. И сосуд, который горшечник делал из глины, развалился в руке его; и он снова сделал из него другой сосуд, какой горшечнику вздумалось сделать» [Иер 18:3-4]; «Я воздвиг его от севера, и он придет; от восхода солнца будет призывать имя Мое и попирает владык, как грязь, и топтать, как горшечник глину» [Ис 41:25].

Следует отметить, что, по объяснению некоторых толкователей Библии, печать, приложенная к камню пещеры, в которой был положен Господь, была сделана из глины [13]: «Они пошли и поставили у гроба стражу, и приложили к камню печать» [Мф 27:66].

Данные лексемы в Библии используются не только в номинативном, но и в аллегорическом значении, в частности: «Горе тому, кто препирается с Создателем своим, черепок из черепков земных! Скажет ли глина горшечнику: “что ты делаешь?” и твое дело скажет ли о тебе: “у него нет рук?”. Горе тому, кто говорит отцу: “зачем ты произвел меня на свет?”, а матери: “зачем ты родила меня?”. Так говорит Господь, Святой Израиля и Создатель его: вы спрашиваете Меня о будущем сыновей Моих и хотите Мне указывать в деле рук Моих?» [Ис 45:9-11]; «“Я помазал Царя Моего над Сионом, святого горою Моею; возведу определение: Господь сказал Мне: Ты Сын Мой; Я ныне родил Тебя; проси у Меня, и дам народы в насле-

дие Тебе и пределы земли во владение Тебе; Ты поразишь их жезлом железным; сокрушишь их, как сосуд горшечника”» [Пс 2:6-9]. В целом, в Ветхом Завете можно отметить 13 контекстов с лексемами *гончар* и *глина*.

Если проанализировать некоторые контексты из канонических библейских текстов, то можно отметить наличие контекстуальной семы ‘человек, как творение Божие’ в составе лексемы *глина* и семы ‘Бог’ в составе лексемы *горшечник (гончар)*. Так, пророк Исаия, объясняя всецелую зависимость человека от Бога, пишет: «Мы глина, а Ты образователь наш, и все мы дели руки Твоей» [Ис 64:8], а апостол Павел обращается к римлянам с вопросом: «Не властен ли горшечник над глиною, чтобы из той же смеси сделать один сосуд для почетного употребления, другой же для низкого?» [Рим 9:21]. Подобно горшечнику (гончару), выделяющему из одной и той же глины совершенно разные изделия, Бог создает разных людей.

Лексемы *гончар*, *глина* и их дериваты многократно употребляются в мифах народов мира, например, **Мадугальяна** – герой буддийской мифологии, главный ученик Шакьямуни, имевший наибольшие магические способности, способен раздавить гору Сумеру (Меру), как фасолину, а также раскрутить землю, как гончарный круг; **Амма** – верховное божество, демиург (букв. ‘творящий для народа’) догонов, согласно одному из вариантов мифа о сотворении, подобно гончару, создал солнце и луну, звезды, а также землю из пущенной в виде комков глины в пространство; египетский бог, демиург Хнум создаёт мир и людей на гончарном круге и т.п.

Таким образом, данные лексемы последовательно входят в состав религиозной и мифологической картин мира, не имея при этом никаких этимологических и семантических на то оснований. В связи с этим возникает необходимость утверждать, что лексемы *гончар* и *глина* в виде контекстуальной семы приобретают религиозный компонент значения.

Это же подтверждают некоторые контексты, представленные в Национальном корпусе русского языка (всего проанализировано более 500 контекстов). Так, в повести Д. Гранина «Зубр» словосочетание «божественная глина» номинирует человека: «Под мощным прессом пропаганды человек практически не мог устоять, его сминало, “божья глина” расплющивалась, принимала всеобщую форму» [14]; в стихотворении И.А. Бунина «Сатана Богу» словосочетание «мертвая глина» обозначает то, из чего был Богом сотворен Адам³, и, подобно гончару, Сатана хочет выжечь «эту глину», дать ей «закал и звук»:

«Я – из огня, Адам – из мёртвой глины,
И ты велишь мне пред Адамом пасты!
Что ж, сей в огонь листву сухой маслины –
Смирять листвой его живую страсть.
О, не смиришь! Я только выше вскину
Свой красный стяг. Смотри: уж твой Адам
Охвачен мной! Я выжгу эту глину,
Я, как гончар, закал и звук ей дам» [15, с. 190];

в поэме «Святой Серафим» М. Волошина выражение «ком пронзенной Духом глины» обозначает человека, а выражение «Глина, Девством прокаленная» – Богоматерь.

В стихотворении «Мятеж» М. Волошин дает метафорическое определение лексеме *глина* – «вихри собственного духа» человека, который творит неверьем и строит отрицаньем. В отличие от Бога «валялом» человека является не глина, а смерть:

«Он утверждает Бога мятежом,
Творит неверьем, строит отрицаньем,
Он зодчий,
И его ваяло – смерть,

А глина – вихри собственного духа» [16].

Таким образом, лексемы *гончар* и *глина*, имеющие религиозный компонент значения в качестве периферийной семы или семы, наведенной в конкретном контексте, могут рассматриваться в русском языке как элементы системы лексических воплощений религиозных представлений.

Библиографический список

1. Сергеева, Е.В. Религиозно-философский дискурс В. Соловьева: лексический аспект. – СПб., 2001.
2. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – М., 1999. – Т. I.

¹ *Жит. Ниф. XIII в.* – Житие Нифонта по списку 1219 г.; *Никон. Панд.* – Пандекты Никона Черногорца по Синодальному списку XIII в.

² Лексемы *гончар* и *горшечник* рассматриваются нами как полные лексические синонимы (см. Словари синонимов).

³ Согласно данным Русского ассоциативного словаря, ассоциативно-семантическое поле лексемы *ГЛИНА* включает реакцию Адам.

3. Срезневский, И.И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам: в 3 т. – СПб., 1893. – Т.1. А – К.
4. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. – М., 1980. – Вып. 7.
5. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – М., 1987.
6. Назаров, В. Загадки Русского Междуречья [Э/р]. Р/д: // <http://readr.ru/v-nazarov-i-dr-zagadki-russkogo-meghdurechya.html?page=3#ixzz1fmRITHM8>.
7. Словарь церковно-славянского и русского языка: в 4 т. – СПб., 1847. – Т. 1.
8. Словарь русского языка XVIII века. – Л., 1984 - Вып. 5.
9. Словарь Академии Российской: в 6 ч. – СПб., 1790. – Ч. 2.
10. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., 1998.
11. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. – М., 1999. – Т. 1: А-Й.
12. Вихлянцева, В.П. Библийский словарь: к русской канонической Библии Синодального перевода 1816-1817 гг. – М., 1984-1994.
13. Никифор, архимандрит Библийский словарь [Э/р]. Р/д: // <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/13n/nikifor/encyclopedia/contents.html>
14. Гранин, Д.А. Зубр: повесть. – М., 1989.
15. Бунин, И.А. Стихотворения и переводы. – М., 2008.
16. Волошин, М. Стихотворения [Э/р]. Р/д: // voloshin.ouc.ru
17. Дьяченко, Г. Полный церковно-славянский словарь. – М., 1993.
18. Словарь церковных терминов [Э/р]. Р/д: // <http://days.pravoslavie.ru/Life/Index.htm>
19. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / ред. С.А. Токарев. – М., 1991. – Т. 1.
20. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Мультимедиа-издательство «Адепт», 2002.

Bibliography

1. Sergeeva, E.V. Religiozno-filosofskiy diskurs V. Solovjeva: leksicheskiy aspekt. – SPb., 2001.
2. Chernikh, P.Ya. Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazhka: v 2 t. – M., 1999. – T. I.
3. Sreznevskiy, I.I. Materiali dlya slovarya drevne-russkogo yazhka po pismennym pamyatnikam: v 3 t. – SPb., 1893. – T.1. A – K.
4. Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazhkov: praslavyanskiy leksicheskiy fond / pod red. O.N. Trubacheva. – M., 1980. – Vyp. 7.
5. Fasmer, M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazhka: v 4 t. / per. s nem. i dop. O.N. Trubacheva. – M., 1987.
6. Nazarov, V. Zagadki Russkogo Mezhdurechya [Eh/r]. R/d: // <http://readr.ru/v-nazarov-i-dr-zagadki-russkogo-meghdurechya.html?page=3#ixzz1fmRITHM8>.
7. Slovar' cerkovno-slavyanskogo i russkogo yazhka: v 4 t. – SPb., 1847. – T. 1.
8. Slovar' russkogo yazhka XVIII veka. – L., 1984 - Vyp. 5.
9. Slovar' Akademii Rossiyskoy: v 6 ch. – SPb., 1790. – Ch. 2.
10. Ozhegov, S.I. Tolkoviy slovar' russkogo yazhka / S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova. – M., 1998.
11. Slovar' russkogo yazhka: v 4 t. / RAN, In-t lingvistich. Issledovaniy. – M., 1999. – T. 1: A-Yj.
12. Vihlyanceva, V.P. Bibleyskiy slovar': k russkoy kanonicheskoy Biblii Sinodal'nogo perevoda 1816-1817 gg. – M., 1984-1994.
13. Nikifor, arhimandrit Bibleyskiy slovar' [Eh/r]. R/d: // <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/13n/nikifor/encyclopedia/contents.html>
14. Granin, D.A. Zubr: povest'. – M., 1989.
15. Bunin, I.A. Stikhotvoreniya i perevodih. – M., 2008.
16. Voloshin, M. Stikhotvoreniya [Eh/r]. R/d: // voloshin.ouc.ru
17. Dyachenko, G. Polniy cerkovno-slavyanskiy slovar'. – M., 1993.
18. Slovar' cerkovnih terminov [Eh/r]. R/d: // <http://days.pravoslavie.ru/Life/Index.htm>
19. Mifi narodov mira: ehnciklopediya: v 2 t. / red. S.A. Tokarev. – M., 1991. – T. 1.
20. Ehnciklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona. – Multimedia-izdatel'stvo «Adept», 2002.

Статья поступила в редакцию 31.01.12

УДК 81'23

Tsykina I.M. **LINGUO-CULTUROLOGICAL DISTINCTIONS IN THE SELECTION OF MEANS FOR VERBAL AGGRESSION MOLLIFICATION IN DIPLOMATIC COMMUNICATION SPHERE.** The problem of verbal aggression in diplomatic and political communications is considered for the purpose of revealing the methods of its mollification at language level. The features of communicative behaviour of Russian and American representatives and, as a consequence, the cultural-caused distinctions of a communicative strategy choice are revealed.

Key words: verbal aggression mollification, linguo-culturological and pragmalinguistic strategies of political communication.

И.М. Цыпина, аспирант каф. лингвистики и межкультурной коммуникации, факультета иностранных языков и регионоведения, преподаватель Московского государственного университета им. Ломоносова, E-mail: I.M.Tsykina@gmail.com

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ В ВЫБОРЕ СРЕДСТВ СНИЖЕНИЯ АГРЕССИИ В СФЕРЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Рассмотрена проблема речевой агрессии в дипломатической и политической коммуникации с целью выявления методов ее смягчения на уровне языка. Выявлены особенности коммуникативного поведения представителей русской и американской культуры, и, как следствие, культурно-обусловленные различия выбора коммуникативных стратегий.

Ключевые слова: снижение вербальной агрессии, лингвокультурологические и прагматингвистические стратегии политической коммуникации.

Язык имеет большое значение еще и потому, что с его помощью мы можем прятать наши мысли. (Вольтер)

Современная дипломатическая и внешнеполитическая коммуникация это постоянный диалог с различными культурами и людьми, их представляющими. В своей статье «К философии поступка» М.М. Бахтин определяет сущность человека через

диалог, понимаемый как качественное взаимодействие личностей, основанное на понимании и сводящееся к «персональной ответственности» и «участности» [1]. Общение, или коммуникация, – одна из центральных составляющих человеческой деятельности, а эффективная коммуникация – это залог успеха, как в повседневной жизни, так и на международной арене. Конфликтное общение деструктивно, в зоне его действия не могут быть достигнуты по-настоящему позитивные результаты, соот-

ветствующие речевые акты не могут обеспечить долговременного полноценного общения. В то же время люди довольно часто сознательно идут на конфликт, относя к нему как к действенному способу решения проблем. Чаще всего такие психологические установки решаются речевыми средствами, поэтому изучение речевой агрессии как экспликации комплексных процессов в сознании языковой личности представляется весьма актуальным и направленным на решение многих конкретных проблем, так или иначе возникающих в ходе взаимодействия отдельных людей разной культуры.

Целью данного исследования является изучение феномена речевой агрессии в сфере дипломатических документов и политической речи, языковых средств ее актуализации, языковой толерантности и средств снижения вербальной агрессии с позиции лингвокультурологии и лингвопрагматики.

В ходе исследования были поставлены и решены следующие задачи:

1. Дать определение вербальной агрессии;
2. Разграничить виды ситуации речевой агрессии;
3. Дать лексико-семантическую классификацию языковых средств агрессии;
4. Выявить средства снижения вербальной агрессии (на лингвокультурологическом и прагматическом уровне);
5. Выявить типы коммуникативного реагирования в конфликтных ситуациях;
6. Произвести анализ средств снижения вербальной агрессии в английском и русском языке с целью выявления различий в выборе коммуникативных стратегий.

Основными методами исследования являлись контекстуальный анализ, прагматический анализ (исследование целей, намерений, коммуникативных действий участников коммуникации), стилистический анализ, лексико-семантический анализ текста, компонентный анализ и методы анализа, синтеза и дедукции.

Материалом исследования послужили труды в области психолингвистики, терминоведения, лексической семантики, лингвокультурологии Абрамова Т.В., Апресяна Ю.Д., Вахрушева А.А., Горелова И.Н., Седова К.Ф., Ениной Л.М., Иссерса О., Певневой И.В., Стернина И.А., Тер-Минасовой С.Г., Токаревой М.А., Третьяковой В.С., Шилихиной К.М., Щербининой К.М. и др., а также многочисленные словари и электронные средства массовой информации.

Данная работа вносит вклад в теоретическую сторону разработанности вопроса, а также будет полезна в практической работе политтехнологов, лингвистов, психологов, работников сферы связей с общественностью, журналистов и специалистов дипломатического корпуса.

Так как вербальная агрессия является показателем спектра эмоциональных состояний человека и средством снятия стресса и выражения гнева, необходимость исследования этой проблемы обусловлена её включённостью в ряд сфер наук: лингвистики, психологии, культурологии и социологии.

Речевую агрессию можно определить как грубое, оскорбительное, обидное общение; словесное выражение негативных эмоций, чувств или намерений в неприемлемой в данной речевой ситуации форме: оскорбление, угроза, грубое требование, грубый отказ, обвинение, насмешка [2, с. 9].

По данным Словаря иностранных слов: актуальная лексика, толкование, этимология, слово «агрессия» в русском языке зафиксировано во второй половине XVIII века со значением «вооружённое нападение на государство с целью захвата его территории и насильственного подчинения». Со второй половины XX века у слова появилось новое значение: «активно враждебное поведение одного человека по отношению к другим» [3, с. 21].

Толковый словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой приводит такую дефиницию: 1. Незаконное с точки зрения международного права применение вооружённой силы одним государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства. 2. Открытая неприязнь, вызывающая враждебность [4, с. 7].

По мнению Л. Ениной, «речевая агрессия – это сфера речевого поведения, которая мотивирована агрессивным состоянием говорящего» [5, с. 105].

Речевая агрессия в различных сферах жизнедеятельности человека обладает большим количеством функций. Основные из них: средства воздействия на адресата, желание причинить боль, средство выражения власти, собственного превосходства и языкового насилия.

Говоря о **ситуации речевой агрессии**, необходимо отметить, что ее участники в общем случае делятся на *две группы*: агрессор (нападающий) и объект агрессии (жертва). Как видим, данная ситуация складывается строго по субъектно-объектной модели, где один партнер активный, а другой пассивный (монологическое отношение по содержанию). Вместе с тем существуют ситуации «речевой агрессии», в которых участвуют массы людей под руководством лидера (ситуации массовой агрессии). Для ситуации массовой речевой агрессии необходимо присутствие трёх элементов: «врага» (объект агрессии), активного элемента (нападающего, лидера) и пассивного элемента (масса, ведомая лидером).

Одна из немногочисленных попыток систематизировать проявления агрессии в речи предпринималась в исследованиях А. Басса [6, с. 32, 818820], который выделил **четыре разновидности агрессии слова**:

1. Вербальная активная прямая – словесное оскорбление или унижение другого человека,
2. Вербальная активная непрямая – распространение злобной клеветы или сплетен о другом человеке,
3. Вербальная пассивная прямая – отказ говорить с другим человеком, отвечать на его вопросы,
4. Вербальная пассивная непрямая – отказ дать определенные словесные пояснения или объяснения, высказаться в защиту незаслуженно критикуемого человека.

Как можно заметить, приведенная классификация не является полной и не исчерпывает всего многообразия разновидностей вербальной агрессии, которые можно выделять по разным основаниям.

Более подробную классификацию средств вербальной агрессии дает К.Ф. Седов, выделяя в ней следующие тактики: угроза, оскорбление, обвинение, возмущение, упрек, колкость, насмешка, демонстрация обиды, угрожающее молчание, проклятие, злопожелание, отсыл, создание отрицательного образа, высказывания, снижающие образ политического оппонента, нагнетание деталей, дискредитирующее утверждение [7, с. 161 176].

Можно разделить тактики на относящиеся к прямой агрессии и тактики, относящиеся к косвенной агрессии. К активной прямой агрессии мы относим угрозу, оскорбление, обвинение, проклятие, злопожелание, отсыл, создание отрицательного образа, высказывания, снижающие образ политического оппонента, нагнетание деталей, дискредитирующее утверждение. Активная непрямая агрессия включает в себя тактики насмешки, колкости, упрека, возмущения.

Поскольку механизмы, традиционно сдерживавшие проявление речевой агрессии (жёсткая цензура и самоцензура, общественное мнение), в значительной степени утрачены, назрела необходимость в научной разработке новых механизмов, которые предотвратили бы распространение речевой агрессии.

Нередко можно наблюдать за тем, что у людей, вступивших на тропу конфликта, происходят изменения в поведении и даже во внешних признаках. Причин ответного агрессивного поведения партнёра несколько:

Во-первых, существует распространенное мнение, что если ответное поведение будет иным, то партнёр может воспринять это как проявление их слабости и неуверенности.

Во-вторых, неуверенность в себе, в своей правоте. Некоторые люди, испытывающие неуверенность, пытаются за счёт агрессивного поведения как бы подбодрить самого себя, придать дополнительный импульс собственной активности.

В-третьих, подобное поведение может быть индикатором элементарной невоспитанности партнёра по конфликтной ситуации.

Необходимо отметить, что агрессивная речь наглядно демонстрирует авторитарный стиль общения и приводит к отчуждению, враждебности, непониманию. Однако можно научиться контролировать, сдерживать, преодолевать агрессию слова, не прибегая при этом к ответной агрессии.

Анализ когнитивных аспектов порождения, структуры, семантики и прагматики исследуемого деструктивного явления позволяет определить макроструктуру ситуации речевой агрессии, включающую в себя следующие компоненты:

1. Ситуационная модель высказывания, которая представлена следующими составляющими:

- время интеракции;
- место интеракции;
- физический контакт собеседников;

- социальные обстоятельства, влияющие на ход беседы.
- 2. Слушающий и его сознание, мотивация, прошлые действия и намерения.
- 3. Говорящий и его установки, прошлый опыт, причины вступить в беседу.
- 4. Культурный фон беседы

В контексте дипломатической беседы или переговоров речевые действия производятся говорящим не от своего лица, а от лица государства, и адресованы они также не индивидуальному человеку, а государству. Это значит, что цель, мотивы, намерения говорящих лиц непосредственно обусловлены государственными интересами, внешней политикой своего правительства. Именно этим характером международного общения дипломатическая беседа и переговоры сильно отличаются от обиходно-бытового разговора.

Снижение вербальной агрессии и достижение компромисса при конфликтной ситуации может достигаться несколькими путями. Условно их можно разбить на два больших блока: лингвокультурологические и прагмалингвистические стратегии. Начнем с рассмотрения лингвокультурологических стратегий, которые тесно взаимосвязаны с общепризнанными нормами поведения каждого человека.

Самоконтроль человека над собственным речевым поведением, анализ своей речи с точки зрения вежливости, корректности, эффективности воздействия. Способность к эмпатии сопереживанию проблемам другого человека, умение объективно оценить личностные особенности и эмоциональное состояние важны для коммуникации. Безэмоциональность позволяет замедлить темп общения, интонации становятся ровными, однотонными, появляются четко выраженные паузы в конце фразы, происходит изменение напряжения голоса.

Толерантность также необходимое качество, которое предполагает корректность высказываний, особенно оценочного характера, признание права собеседника на собственное мнение.

Метод «Кавычки» предложен популярным американским психотерапевтом Милтоном Эриксоном [8, с. 188]. В ответ на агрессивное высказывание описывается ситуация третьего лица, и в эту ситуацию косвенно встраивается собственное отношение к происходящему. Метод помогает снять негативные эмоции, высказать собственные мысли по поводу ситуации и собеседника, и при этом не дать прямого повода к началу активной агрессии.

Стратегия расширения спектра игрового поведения человеку даются сигналы, что на самом деле у вас что-то есть «за спиной» (сила, покровительство и т.д.), и ему стоит подумать, прежде чем вступать с вами в конфликт.

Демонстрация уверенности, позволяющая поделить с собеседником ответственность за развитие ситуации, также является действенной тактикой. В начале конфликта человек озвучивает для агрессора возможные сценарии развития ситуации, предлагая другой стороне выбрать наиболее приемлемый.

Переключение внимания: попытка изменить враждебное настроение собеседника, отвлечь его от агрессивного намерения или изменить его отрицательное эмоциональное состояние; перевести разговор на другую тему.

Также можно выделить такие стратегии, как метод проецирования положительных личностных качеств, метод «тактического сомнения», положительные оценочные высказывания, открытое словесное порицание, доведение до абсурда, парадоксальные интенции др.

Анализируя конфликтный дискурс в дипломатической и политической речах с прагмалингвистической точки зрения, можно выделить два вида провокативного общения в рамках анализируемого типа дискурса – *прямое провокативное общение* и *косвенное провокативное общение*. В речевых актах прямого провокативного типа содержится намерение адресанта вызвать у собеседника определенное психологическое состояние. Косвенное провокативное общение выражается посредством намека, запроса информации, этикетных речевых актов. В данной работе наибольший интерес представляет косвенное провокативное общение, так как наиболее часто встречается в дипломатических документах и речи. Так, например, в интервью Владимира Путина американской телекомпании CNN Мэтью Чанс при обсуждении ситуации на Кавказе поблагодарил собеседника за экскурс в историю империалистической России и поинтересовался судьбой бывших республик Советского Союза [9]: *«Можете ли Вы гарантировать, что ... такие действия ни-*

когда не будут предприняты в отношении других соседей России?» Примечательна реакция Владимира Путина на этот вопрос: *«Я категорически протестую против такой формулировки вопроса. Это не мы должны гарантировать, что мы на кого-то не нападём. Мы ни на кого не нападали. Это мы требуем гарантий от других, чтобы на нас больше никто не напал и наших граждан никто не убивал. Из нас пытаются сделать агрессора»*. Таким образом, вполне нейтральный вопрос спровоцировал собеседника на негативную реакцию.

Обратимся теперь к классификации коммуникативных стратегий и тактик. Основываясь на определениях О.С. Иссерс [10], В.С. Третьяковой [11] под коммуникативной стратегией понимается план речевого и невербального поведения, способствующий достижению цели коммуникации, а коммуникативные тактики рассматриваются как практические способы достижения плана, выбираемые или комбинированные в зависимости от коммуникативной стратегии.

Принципом данной классификации является основание, учитывающее вектор направленности на партнера по коммуникации: на собеседника, против него или на его игнорирование. Соответственно можно говорить о стратегических линиях коммуникации конструктивной (кооперирование), конфронтационной (конфликт) или нейтральной (дистанцирование) направленности. Каждая из названных стратегий имеет определенный арсенал тактик [12].

Конфронтационную стратегию можно условно разделить на две группы: Манипулирование и речевая агрессия. Манипулирование включает в себя следующие тактики: упрёк, угроза, возмущение, отказ, прерывание, давление, требование и апелляция к власти. Речевая агрессия, в свою очередь, включает в себя: оскорбление, возмущение, намек, иронию, упрёк, критику, издевку, колкость и провокацию.

Стратегия дистанцирования может быть активно-нейтральной (уклонение) или пассивно-нейтральной (бездействие). Активно-нейтральная позиция включает в себя следующие тактики: прерывание, контроль над инициативой, дистанцирование, отказ от диалога. Пассивно-нейтральная: молчание, умалчивание, игнорирование, соглашательство.

Третья стратегия – стратегия кооперации – включает в себя три направления: улаживание (уступчивость), сотрудничество и компромисс. При стремлении уладить конфликт соблюдаются следующие тактики: смена темы, согласие, убеждение, сочувствие, привлечение внимания, уступка и поддержка. Сотрудничество включает в себя следующие тактики: поддержка, рациональное убеждение, сочувствие, предложение, согласие. Наконец, нацеленность на компромисс дает выбор следующих тактик: обещание, взаимоуступка, условие, предложение, убеждение, комплимент и похвала.

В связи с вышеуказанными особенностями речевых действий, осуществляемых во время дипломатической беседы, необходимо указать на специфичную для дипломатической речи иллюкутивную цель, способы достижения этой цели, пропозициональное содержание и условия успешности. Таковы, например, некоторые иллюкутивные типы согласия, заявления, пропозициональные типы утверждения, формальные показатели названных речевых действий.

Дипломатические беседы и переговоры ведутся в основном посредством речевых действий утверждения, сообщения, констатации, подчеркивания, напоминания, отрицания, отклонения и опровержения, определенных теорией речевых актов и описанных Апресяным Ю.Д. Это связано с таким функциональным характером дипломатической беседы, как официальность, логичность, информативность, подготовленность и книжный стиль речи. Высокая степень применения утверждений и сообщений объясняется также правилами международного общения, предполагающие такие речевые черты, как объективность, интеллектуальность, серьезность и истинность. Функционируя в дипломатических беседах и переговорах, иллюкутивные намерения типа утверждения и сообщения реализуются разнообразием способов построения в соответствии с многообразием коммуникативных целей дипломатов-собеседников.

Речевой этикет также располагает конкретными средствами, направленными на предотвращение агрессии. Среди них можно выделить извинение, побуждение, вежливое обращение, предположение, комплимент.

Особое место в ряду средств устранения бестактности, агрессивности речи занимают эвфемизмы более мягкие выраже-

ния вместо грубых или эмоционально-окрашенных. Использование эвфемизмов значительно смягчает негативную «нагрузку» на текст, хотя в большинстве случаев дипломатической или политической коммуникации их использование эквивалентно табу.

Основная цель, которая преследуется говорящими при использовании эвфемизмов в социальных и межличностных отношениях, стремление избежать коммуникативных конфликтов и неудач, не создавать у собеседника ощущения коммуникативного дискомфорта.

Рассмотрение особенностей коммуникативного поведения представителей русской и американской культуры, позволяет выделить культурно-обусловленные различия выбора коммуникативных стратегий, базирующиеся на основных дифференциальных проявлениях культур: ориентации на коллективизм или индивидуализм, ценности демократичности или авторитаризма, высокой или низкой контекстуальности и степени эмоциональности. Анализ теоретических исследований национальных особенностей коммуникации [13-17] позволяет сделать вывод о возможности обращения к конфронтационным коммуникативным стратегиям в русской лингвокультуре, в частности, к стратегии манипулирования и речевой агрессии. Коммуникация отличается повышенной эмоциональностью межличностного общения, апеллирующей к оценке как конфликтообразующему фактору в речевой деятельности и склонностью к конфронтационным стратегиям в целом. Рассмотренные характеристики американского коммуникативного поведения обуславливают приоритет обращения к коммуникативной стратегии кооперации.

Принципы позитивности и вежливости способствуют реализации конструктивных моделей коммуникативного поведения. Индивидуализм как основная черта американской культуры реализуется в коммуникации с помощью коммуникативной стратегии дистанцирования.

Показателями конфронтационных тактик возмущения, упрека, критики в русском языке могут служить усилительные частицы (например, «же», «ведь», «все-таки»), употребление которых может подчеркивать отрицание или несогласие, усиливая эмоциональную нагрузку речевого сообщения в конфликтном дискурсе: «*Но Вы же лично в этом заинтересованы!*» [18]. Маркерами конфронтационных тактик критики, давления, иронии могут выступать различные виды тропов (метафора, гипербола, метонимия и др.): «*Я как таракан в бронированной банке*», «*Я пахал как раб на галерах*», «*От мёртвого осла им уши, а не Пыталовский район*», «*Замучаетесь пыль глотать*» [19] и др. В русском языке вербальные реакции манипулятивного плана часто характеризуются использованием модальных глаголов или повелительного наклонения: «*Если Партия претендует на поддержку людей, она должна знать их проблемы*» [20], «*Мы должны использовать все возможности...*» [21], «*Посмотрите и выясните сами, что им там нужно ещё сделать*» [22]. Дифференциальное использование местоимений «ты» и «вы» в русской лингвокультуре может являться реализацией как кооперативной, так и конфронтационной коммуникативной стратегии. Их употребление определяется этнокультурными факторами и степенью вежливости и может варьироваться в зависимости от эмоциональной нагрузки и социальной роли. Языковыми маркерами реализации стратегии дистанцирования может выступать неагентивность говорящего, выражаемая посредством пассивного залога или возвратных глаголов (например: «*Япония никуда не деться*», «*Все уладится само собой*»). Нейтральная позиция обычно выражается короткими или односложными предложениями с отсутствием эмоциональной нагрузки, что выражается на письме отсутствием пунктуационных выделений, например: «*Мне абсолютно все равно*», «*мы промолчим про...*». Языковые средства, посредством которых может происходить реализация конструктивного общения в рамках стратегии кооперации многообразны, однако необходимо отметить, что в русском языке реализацией конструктивной модели общения зачастую служат глаголы со смыслом совместной направленности действия, например: «*Давайте мы так сделаем*», «*Давайте мы договоримся с акционерами предприятия...*», «*Давайте поговорим о самом главном*». Реализация тактики общения в рамках стратегии кооперации способствует употреблению будущего времени и перформативных глаголов в русском языке: «*Мы постараемся услышать все мнения депутатского корпуса*» [23], «*Я постараюсь, чтобы доверие было оправдано, и постараюсь сделать...*», «*мы поможем Кираизии*» [24], «*Мы поможем Индии противостоять терроризму*» [25].

В английском языке маркерами конфронтационной стратегии коммуникации на уровне лексических единиц может выступать использование слов с широкой семантикой: «*I don't understand the stuff you were talking about*», «*build stuff and invent stuff*» [26]. Использование данного заменителя может иметь нейтральную окраску, а может служить сигналом пренебрежительного отношения к речевому партнеру в рамках коммуникативной стратегии конфронтации. В плане грамматики, инверсия используется как эффективный способ выражения эмоциональности в рамках как конфронтационной, так и кооперативной стратегии коммуникации. С целью продемонстрировать уважение и избежать конфликтности в речи, в английском языке часто используются стратегии отдаления для подчеркивания взаимного уважения. Языковыми средствами зачастую служат такие конструкции как *I think, I guess, I suppose* и др. Условное наклонение и использование модальных глаголов увеличивает косвенность высказывания, и, соответственно, степень вежливости: «*I don't think this statement...*», «*Do you think...?*», «*I am afraid we didn't reach...*». Маркерами стратегии дистанцирования в американской коммуникации могут служить односложные короткие реакции, посредством использования которых коммуникант избегает дальнейшего развития конфликта [12]: «*Accepted*», «*I understand*», «*You are right*», «*ok, I agree*». Перформативные глаголы, употребление будущих глагольных времен и глагола «to let» могут служить показателями реализации кооперативной стратегии коммуникации, например: «*Let's find those areas where we can agree*» [27], «*Ok, I think I'll serve as secretary of state as my last public position and then probably go back to advocacy work*» [28].

В заключении можно сделать следующие выводы:

Согласно базовым коммуникативным стратегиям кооперации, конфронтации и дистанцирования [12], можно говорить о проявлении кооперативного, конфликтного и центрированного типов языковой личности. В терминологии К.Ф. Седова языковая личность в конфликте может иметь инвективную, куртуазную и рационально-эвристическую направленность [7]. Анализ вербальных стратегических предпочтений в конфликтных ситуациях общения показал значительную дифференциацию языковых личностей в зависимости от их лингвокультурной принадлежности. Особенности стратегических предпочтений американцев позволили сделать вывод о проявлении куртуазного типа языковой личности, характеризующейся склонностью к непрямым средствам выражения несогласия и сохранения «лица» речевого партнера, соответственно, позволяя избегать конфликта в общении. Представители русской лингвокультуры демонстрируют склонность к проявлению кооперативно-конформистского типа языковой личности. При установке на участие в коммуникативном конфликте в качестве третьего участника и американскими, и российскими коммуникантами был выбран пассивно-центрированный тип языковой личности.

Можно сделать вывод о существенном стратегическом различии особенностей выражения несогласия в русской и американской лингвокультурах вне зависимости от распределения статусных и ролевых позиций в коммуникации. В русской коммуникативной культуре вербальное выражение несогласия не является запрещенной формой общения, в то время для американской лингвокультуры она не свойственна.

Интенциональная направленность американской стратегии общения на сохранение «лица», даже при необходимости реализации конфронтационной стратегии, подразумевает соблюдение формальностей на языковом и метаязыковом уровне для реализации конструктивной линии коммуникации. Доминантами стратегического поведения российских респондентов являются активная позиция в коммуникации, готовность к вербальному выражению позиции, отсутствие страха перед возможным конфронтационным исходом.

Таким образом, в английской дипломатической коммуникации нарушение определенных грамматических конструкций, предполагающих смягчение высказывания, а также использование маркеров вежливости и уважения к речевому партнеру способствует минимизации конфликтности в речевой деятельности. В ситуации сознательного выбора языковых конфликтных средств, коммуникант выражает негативное отношение или отрицательные эмоции речевому партнеру, а также игнорирует принцип диалогичности общения, реализуя коммуникативные стратегии манипулирования или речевой агрессии в рамках конфронтационной коммуникативной стратегии.

Таким образом, в современных условиях глобализации, когда межкультурная коммуникация, дипломатическая или политическая, становится не просто необходимостью, а стилем жизни, изучение проблем языковой толерантности имеет теоретичес-

кую и практическую значимость, поскольку такие исследования помогают усовершенствовать методики преодоления вербальной агрессии и технологии эффективного ведения международных переговоров.

Библиографический список

1. Бахтин, М.М. К философии поступка [Э/п]. - URL: <http://www.philosophy.ru/library/bahtin/post.html>.
2. Щербинина, Ю.В. Русский язык: Речевая агрессия и пути её преодоления. - М., 2005.
3. Арапова Н.С. Словарь иностранных слов: актуальная лексика, толкование, этимология / Н.С. Арапова, Р.С. Кимягарова [и др.]. - М., 1999.
4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. - М., 2003.
5. Енина, Л.М. Речевая агрессия и речевая толерантность в средствах массовой информации: в кн.: Российская пресса в поликультурном обществе: толерантность и мультикультурализм как ориентиры профессионального поведения, 2002.
6. Edmunds, G. The predictive validity of the Buss-Durkee Inventory. *Journal of Clinical Psychology*, 1976.
7. Горелов, И.Н. Основы психолингвистики / И.Н. Горелов, К.Ф. Седов. М., 2001.
8. Бэндлер, Р. Паттерны гипнотических техник Милтона Эриксона / Р. Бэндлер, Д. Гриндер. - Сыктывкар, 2000.
9. Интервью Председателя Правительства Российской Федерации В.В. Путина американской телекомпании CNN, Сочи, 28 августа 2008 г. [Э/п]. - URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=204729&cid=5>
10. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. - М., 2002.
11. Третьякова, В.С. Речевой конфликт и гармонизация общения: дис. ... д-ра филол. наук. - Екатеринбург, 2003.
12. Певнева, И.В. Коммуникативные стратегии и тактики в конфликтных ситуациях общения обиходно-бытового и профессионального педагогического дискурсов русской и американской лингвокультуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.
13. Абрамова, Т.В. Национальная специфика культуры речевого общения в косвенных речевых актах // Теоретическая и прикладная лингвистика: сб. науч. тр. - Воронеж, 2000. - Вып. 2.
14. Стернин, И.А. Русское коммуникативное поведение и толерантность // Проблема национальной идентичности в культуре и образовании России и Запада: Материалы научной конференции: в 2 т. - Воронеж, 2000. - Т.1.
15. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. - М., 2000.
16. Токарева, М.А. Феномен улыбки в русской, английской и американской культуре: автореф. дис. ... канд. культ. наук. - М., 2010.
17. Шилихина, К.М.. Коммуникативное давление в русском общении. Теоретическая и прикладная лингвистика. Язык и социальная среда. - Воронеж, 2000. - Вып. 2.
18. Программа «Время». Эфир от 11.03.11 21:29.
19. Электронное средство массовой информации Memoid. Шутки и метафоры в высказываниях Владимира Путина [Э/п]. - URL: http://www.memoid.ru/node/Shutki_i_metafor_v_vyskazyvaniyah_Vladimira_Putina
20. Сайт Единой России. Межрегиональная конференция «Единой России» с участием лидера Партии проходит в Брянске. URL: <http://erbyansk.ru/esli-partiya-pretenduet-na-podderzhku-lyudej-ona-dolzha-znat-ix-problemy/>
21. Сайт Правительства России. Председатель Правительства Российской Федерации В.В.Путин провёл заседание Президиума Правительства Российской Федерации [Э/п]. - URL: <http://premier.gov.ru/events/news/14295/>
22. Независимая газета республики Коми «Красное знамя». Владимир Путин отпраздновал Вячеслава Гайзера в перинатальный центр. Сергей Борисов. 07 октября 2010г., 00:27 [Э/п]. - URL: <http://www.komikz.ru/news/politics/?id=658>
23. Электронное средство массовой информации «Без формата.ру». С новым руководителем аппарата правительства, вице-премьером Вячеславом Володиным встретился премьер-министр РФ Владимир Путин [Э/п]. - URL: <http://orenburg.bezformata.ru/listnews/putin-ya-rasschitayyu-na-opit-volodina/219893/>
24. Информационное агентство REGNUM. Генсек НАТО: Мы поможем Киргизии реформировать систему безопасности [Э/п]. - URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1379336.html>
25. Газета Правда.мд. Политика: Д. Медведев: Мы поможем Индии противостоять терроризму. 2008-12-04 10:42:22 [Э/п]. - URL: <http://www.pravda.md/view.php?id=20956>
26. The Blaze. Obama Calls on Nation to 'Build Stuff and Invent Stuff' [Э/п]. - URL: <http://olddogg.com/politicalnews/obama-calls-on-nation-to-build-stuff-and-invent-stuff-video/>
27. The White House Blog. President Obama's Press Conference [Э/п]. - URL: <http://www.whitehouse.gov/blog/2010/11/03/president-obama-s-press-conference-lets-find-those-areas-where-we-can-agree>
28. Time news feed [Э/п]. - URL: <http://newsfeed.time.com/2010/12/04/quotes-hillary-clinton-will-not-be-running-for-president-again/>

Bibliography

1. Bakhtin, M.M. K filosofii postupka [Eh/r]. - URL: <http://www.philosophy.ru/library/bahtin/post.html>.
2. Therbinina, Yu.V. Russkiy yazykh: Rechevaya agressiya i puti eyo preodoleniya. - M., 2005.
3. Arapova N.S. Slovar inostrannikh slov: aktualnaya leksika, tolkovanie, etimologiya / N.S. Arapova, R.S. Kimyagarova [i dr.]. - M., 1999.
4. Ozhegov S.I. Tolkovihy slovarj russkogo yazihka / S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova. - M., 2003.
5. Enina, L.M. Rechevaya agressiya i rechevaya tolerantnostj v sredstvakh massovoy informacii: v kn.: Rossijskaya pressa v polikulturnom obshchestve: tolerantnostj i multikulturalizm kak orientirih professionalnogo povedeniya, 2002.
6. Edmunds, G. The predictive validity of the Buss-Durkee Inventory. *Journal of Clinical Psychology*, 1976.
7. Gorelov, I.N. Osnovih psikhologicheskix / I.N. Gorelov, K.F. Sedov. M., 2001.
8. Behndler, R. Patternih gipnoticheskix tehnik Miliona Ehriksona / R. Behndler R, D. Grinder. - Sihktihvkar, 2000.
9. Intervjyu Predsedatelya Pravitelstva Rossijskoj Federacii V.V. Putina amerikanskoj telekompanii CNN, Sochi, 28 avgusta 2008 g. [Eh/r]. - URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=204729&cid=5>
10. Issers, O.S. Kommunikativnihe strategii i taktiki russkoj rechi. - M., 2002.
11. Tretjakova, V.S. Rechevoj konflikt i armonizaciya obsheniya: dis. ... d-ra filol. nauk. - Ekaterinburg, 2003.
12. Pevneva, I.V. Kommunikativnihe strategii i taktiki v konfliktnikh situacijakh obsheniya obikhodno-bihtovogo i professionalnogo pedagogicheskogo diskursov russkoj i amerikanskoj lingvokultj: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2008.
13. Abramova, T.V. Nacionalnaya specifika kulturnih rechevogo obsheniya v kosvennikh rechevnikh aktakh // Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika: sb. nauch. tr. - Voronezh, 2000. - Vihp. 2.
14. Sternin, I.A. Russkoe kommunikativnoe povedenie i tolerantnostj // Problema nacionalnoy identichnosti v kultjre i obrazovanii Rossii i Zapada: Materialih nauchnoy konferencii: v 2 t. - Voronezh, 2000. - T.1.
15. Ter-Minasova, S.G. Yazykh i mezhkulturnaya kommunikaciya: ucheb. posobie. - M., 2000.
16. Tokareva, M.A. Fenomen ulihki v russkoj, anglijskoj i amerikanskoj kuljtjre: avtoref. dis. ... kand. kuljt. nauk. - M., 2010.
17. Shilikhina, K.M.. Kommunikativnoe davlennie v russkom obshenii. Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika. Yazikh i socialnaya sreda. - Voronezh, 2000. - Vihp. 2.
18. Programma «Vremya». Ehfir ot 11.03.11 21:29.
19. Ehlektronnoe sredstvo massovoy informacii Memoid. Shutki i metaforih v vihskazihvniyah Vladimira Putina [Eh/r]. - URL: http://www.memoid.ru/node/Shutki_i_metafor_v_vyskazyvaniyah_Vladimira_Putina
20. Sayjt Edinoj Rossii. Mezhhregionalnaya konferenciya «Edinoj Rossii» s uchastiem lidera Partii prokhodit v Bryanske. URL: <http://erbyansk.ru/esli-partiya-pretenduet-na-podderzhku-lyudej-ona-dolzha-znat-ix-problemy/>
21. Sayjt Pravitelstva Rossii. Predsedatel Pravitelstva Rossijskoj Federacii V.V.Putin provol zasedanie Prezidiuma Pravitelstva Rossijskoj Federacii [Eh/r]. - URL: <http://premier.gov.ru/events/news/14295/>

22. Nezavisimaya gazeta respubliky Komi «Krasnoe znamya». Vladimir Putin opravil Vyacheslava Gayzera v perinatal'nyy centr. Sergey Borisov. 07 oktyabrya 2010g., 00:27 [Eh/r]. - URL: <http://www.komikz.ru/news/politics/?id=658>
23. Ehlektronnoe sredstvo massovoy informacii «Bez formata.ru». S novim rukovoditelem apparata pravitel'stva, vice-premjerom Vyacheslavom Volodinihm vstretitsya premjer-ministr RF Vladimir Putin [Eh/r]. - URL: <http://orenburg.bezformata.ru/listnews/putin-ya-rasschitvayu-na-opit-volodina/219893/>
24. Informacionnoe agentstvo REGNUM. Gensek NATO: Mih pomozhem Kirgizii reformirovatj sistemu bezopasnosti [Eh/r]. - URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1379336.html>
25. Gazeta Pravda.md. Politika: D. Medvedev: Mih pomozhem Indii protivostoyatj terrorizmu. 2008-12-04 10:42:22 [Eh/r]. - URL: <http://www.pravda.md/view.php?id=20956>
26. The Blaze. Obama Calls on Nation to 'Build Stuff and Invent Stuff' [Eh/r]. - URL: <http://olddogg.com/politicalnews/obama-calls-on-nation-to-build-stuff-and-invent-stuff-video/>
27. The White House Blog. President Obama's Press Conference [Eh/r]. - URL: <http://www.whitehouse.gov/blog/2010/11/03/president-obama-s-press-conference-lets-find-those-areas-where-we-can-agree>
28. Time news feed [Eh/r]. - URL: <http://newsfeed.time.com/2010/12/04/quotes-hillary-clinton-will-not-be-running-for-president-again/>

Статья поступила в редакцию 31.01.12

УДК 81'23

Gromoglasova T.I. PECULIARITIES OF REDUPLICATION PERCEPTION IN TELEVISION DISCOURSE. The article discusses results of psycholinguistic experiment on reduplication perception in television discourse by Russian and English native speakers. Focus is on linguistic and extralinguistic factors influencing reduplication identification; peculiarities of repetition perception by speakers of different languages; significance of reduplication in television discourse from the perspective of anthropocentrism.

Key words: reduplication, television discourse, perception of language units.

Т.И. Громогласова, канд. филол. наук, ст. преп. каф. ин. яз. Сибирской академии гос. службы, г. Новосибирск, E-mail: t.gromoglasova@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ПОВТОРА В ТЕЛЕВИЗИОННОМ ДИСКУРСЕ

В статье анализируются данные, полученные в результате психолингвистического эксперимента на восприятие повторов носителями русского и английского языка в телевизионном дискурсе; выявляются языковые и экстралингвистические факторы, влияющие на распознаваемость исследуемого феномена; определяются особенности восприятия повторов реципиентами с разной языковой принадлежностью и значимость редупликации в телевизионном дискурсе с точки зрения антропоцентризма.

Ключевые слова: повтор, телевизионный дискурс, восприятие языковых единиц.

Изучение языковых явлений и их функционирования в дискурсе представляет собой одну из современных тенденций в лингвистических исследованиях. Рассмотрение редупликации с точки зрения антропоцентризма позволяет раскрыть информативность феномена и его значимость в процессе коммуникации, в связи с чем был проведен психолингвистический эксперимент, цель которого – изучить восприятие редупликации в телевизионном дискурсе носителями русского и английского языков, а также влияние экстралингвистических факторов на процесс восприятия.

Поясним термин «телевизионный дискурс». Вслед за определением дискурса Н.Д. Арутюновой «дискурс – это связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [1, с. 136], в данном исследовании телевизионный дискурс понимался как речь с ее экстралингвистическими особенностями, продуцированная во время телевизионных передач.

В качестве материала исследования из корпуса телевизионного дискурса было отобрано 11 фрагментов телевизионных передач разговорного жанра на русском языке и 9 фрагментов – на английском; общая продолжительность демонстрации материалов эксперимента в каждом из языков составила порядка 6 минут. Количество повторов в предлагаемых фрагментах на русском языке составило 121 единицу, на английском – 129 единиц.

В эксперименте приняли участие 600 студентов и выпускников российских и американских вузов – по 300 носителей русского и английского языков. В ходе эксперимента реципиенты в каждой из языковых групп были разделены на три равные части. Первой группе в 100 человек предлагались видеофрагменты телепередач, второй группе – аудиозапись тех же самых фрагментов (с целью исключить экстралингвистические факторы, связанные с восприятием видеоряда) и третьей – только транс-

крипты видеофрагментов (с целью создания базы для контраста восприятия повтора на слух и визуально).

Общее задание для трех групп носителей русского языка было сформулировано следующим образом: *Зафиксируйте на листе бумаги повторы, которые Вы обнаружите в следующих фрагментах речи. Повторяться могут как слова, так и звуки, части слов или даже фразы. Каждый фрагмент содержит более одного повтора.* Аналогичное задание на английском языке было предоставлено американским реципиентам. Каждый из фрагментов просматривался / прослушивался / прочитывался однократно.

Согласно результатам экспериментального исследования восприятия повторов носителями русского и английского языков, наиболее распознаваемыми видами редупликации являются лексические и синтаксические повторы, меньший процент восприятия демонстрируют звуковые повторы, а морфемные выделяются в качестве повтора в единичных случаях.

Максимальный процент распознаваемости звуковых повторов в обоих рассматриваемых языках принадлежит автономной вокальной редупликации длительного звучания, появляющейся в речи с целью заполнения паузы хезитации (РЯ* – 12,4 %, 11,1 %, 26,8 %*; АЯ – 8,2 %, 11,9 %, 21,6 %). Интересно, что при возникновении данного повтора некоторые носители русского языка выделили его как повтор звука [э], а другие – как повтор звука [а]. Несмотря на то что гласные не схожи по своим артикуляционным характеристикам, участники эксперимента воспринимают их как вариации некоего звука, заполняющего паузу хезитации. Однако выяснилось, что количество реципиентов, указавших звук [э] при восприятии видео и аудио, несколько больше (7,7 % и 6,9 %), чем тех, кто указал звук [а] (4,7 % и 4,2 %). Носители русского языка, работавшие с транскриптами, не имели возможность точно указать ту или иную гласную, поскольку им предоставлялся только текст видеофрагментов с уже обозначенной исследователем гласной. Что касается американских реципиентов, то они выделяли повтор автономной гласной графически с помощью буквенного обозначения *uh*, которое и отражает некий звук, схожий одновременно с русскими [а] и [э].

Распознавание повтора гласной в слове при видео- и аудиовосприятии в обоих рассматриваемых языках весьма незначительно (РЯ – 5 % и 8 %; АЯ – 3,7 % и 5,3 %), поскольку он, в отличие от редупликации автономной гласной, не нарушает целостность высказывания. Показатели восприятия вокального повтора в слове реципиентами из третьей группы, где материалом эксперимента выступали транскрипты, при этом заметно выше (РЯ – 18,5 %; АЯ – 26,3 %), поскольку графически такие повторы были выделены транскрипцией: например, в русском *нужн[а-а-а]*, в английском *th[ʌ-ʌ-ʌ]*.

Весьма противоречивые показатели демонстрирует длительный консонантный повтор [м] в русском языке и [m] в английском (РЯ – 2 %, 1 %, 13 %; АЯ – 8 %, 11,5 %, 20,5 %). Процент распознаваемости повтора английского [m] значительно выше по сравнению с русским, поскольку его редупликация может быть не только автономной, но и наблюдаться в типичном для американской речи звукосоотнесении *um*.

Самая низкая степень распознаваемости приходится на сложную звуковую редупликацию, то есть повтор набора звуков (РЯ – 2,4 %, 0,2 %, 17,8 %; АЯ – 2,7 %, 3,3 %, 11,7 %).

Морфемная редупликация распознавалась минимальным процентом реципиентов, что в какой-то степени обусловлено нетипичностью данного вида повтора для разговорной речи (как русской, так и английской). Однако это не может в полной мере определять низкую степень восприятия рассматриваемой редупликации носителями языка. Несмотря на малочисленность представленных случаев морфемных повторов в материалах эксперимента, удалось выявить некоторые особенности его восприятия. В случае распознавания корневого морфемного повтора участники эксперимента указывают в качестве повтора целое слово, причем чаще всего в начальной форме – то есть при восприятии редулицированных морфем доминантной является смысловая составляющая. Что касается повтора приставок, то степень его восприятия зависит от частотности употребления префикса в языке и количества его воспроизведений в речи. Так, приставка *по-*, встречающаяся в предложении дважды, определялась носителями русского языка слабо (4 %, 1 %, 4 %); приставка *про-*, трижды употребляемая в предложении, распознавалась большим количеством реципиентов (21 %, 27 %, 45 %); а приставка *меж-*, также повторяемая трижды, но менее употребляемая в языке и более семантизированная и информативная, воспринималась носителями языка еще чаще (35 %, 39 %, 63 %).

Повторы слов, представляющие собой, в отличие от звуковой и морфемной редупликации, полные и значимые в смысловом отношении языковые единицы, распознаются большим процентом реципиентов (РЯ – 16,9 %, 19 %, 32 %; АЯ – 18,7 %, 21,3 %, 27,5 %). В ходе анализа результатов эксперимента были выделены следующие факторы, определяющие степень восприятия лексических повторов:

- частеречная принадлежность (процент распознаваемости повтора выше, если он представлен одной из знаменательных частей речи),
- контактность (чем дальше друг от друга находятся повторяющиеся слова, тем реже носители языка выделяют их как повтор),
- эмфатизация (если редупликация акцентирована интонацией или силой голоса, то она выделяется реципиентами чаще),
- частотность употребления слова в языке (чем выше частотность употребления единицы, тем ниже процент ее распознаваемости),
- количество повторений (при увеличении количества повторений лексической единицы возрастает вероятность ее определения как повтора).

В целом, чем больше совпадений факторов, тем больше процент восприятия редупликации носителями исследуемых языков. Примечательно, что при лексическом повторе, проявляющемся через разные словоформы (особенно это характерно для русского языка), реципиенты выделяют именно начальную форму слова в качестве повтора.

Синтаксическая редупликация, которая наряду с лексическим повтором имеет высокий процент распознаваемости, воспринимается носителями языка по-разному в зависимости от ее

разновидности. Полные повторы отмечаются большим количеством реципиентов в обеих языковых группах (РЯ – 20,1 %, 21,6 %, 46,1 %; АЯ – 32,1 %, 33,6 %, 43,2 %), частичные синтаксические повторы с лексическими и грамматическими вариациями воспринимаются хуже (РЯ – 1,7 %, 2 %, 2,7 %; АЯ – 2,6 %, 4 %, 5,1 %).

Отнесенность к полным видам повтора является не единственным фактором, определяющим степень восприятия синтаксической редупликации; влияние также оказывает контактность повторяющихся элементов, частотность употребления составных единиц редупликации в языке и эмфатизация.

Интересно то, как определяют синтаксический повтор некоторое (небольшое) количество реципиентов; они указывают всю конструкцию целиком, однако отделяют одно слово от другого запятыми, тем самым отдавая приоритет отдельным лексическим единицам.

По результатам психолингвистического эксперимента были сделаны следующие выводы:

1. Согласно аспектному принципу, наиболее распознаваемыми видами повтора у носителей русского и английского языков являются лексический и синтаксический повторы; степень их восприятия определяется следующими факторами: контактность, эмфатизация, смысловая значимость, низкая частотность употребления единиц повтора в языке, неоднократное повторение; при выражении повтора через различные словоформы предпочтение отдается начальной форме слова; менее восприимчивыми оказались звуковые и морфемные повторы – последние выделялись единичными реципиентами.

2. Процент распознаваемости повторов в дискурсе максимальный при визуальном восприятии транскриптов, затем следует восприятие речи на слух и восприятие речи при наличии сопутствующего видеоряда. Исключение составили повторы «слов-паразитов», нарушающие целостность высказывания и воспринимаемые большим количеством реципиентов при действовании слуховых анализаторов; а также повторы, сопровождающиеся эмфатизацией, которые были слабо распознаны участниками эксперимента, работавшими с транскриптами, поскольку в графическом исполнении такая редупликация не акцентирована. Особенностью восприятия повторов в обеих языковых группах также стал больший процент распознаваемости редупликации, вызванной самокоррекцией и речевым сбоем, при просмотре видеофрагментов, что обусловлено сопровождением подобных повторов мимикой говорящих, способствующей лучшему считыванию редупликации.

3. При восприятии повторов носители русского языка ориентируются в большей степени на план содержания, о чем свидетельствует выделение в качестве повтора начальной формы при редупликации отличных словоформ (даже в группе реципиентов, работавших с транскриптами) и обозначение повтора лексемы в случае частичной редупликации слова. Носители же английского языка демонстрируют большую ориентацию на план выражения, указывая в качестве повтора редулицированные элементы именно в повторяющейся форме, что, по большому счету, может объясняться структурой самого языка, поскольку, по сравнению с русским, английский не обладает богатой вариативностью словоформ.

4. Носители языка распознают в речи как мотивированные, так и немотивированные повторы при условии, что первые несут в себе значимую смысловую нагрузку (повторы, сопровождающие эмфатизацию, самокоррекцию, противопоставление), а вторые – нарушают целостность высказывания (причина появления таких повторов – речевой сбой, реже черновики речи). Следовательно, в призме антропоцентризма повтор в телевизионном дискурсе можно определить, с одной стороны, как значимое, неслучайное повторение лексических и синтаксических единиц, а с другой – как избыточное повторение незначимых звуков, слов или синтаксических конструкций, нарушающих целостность высказывания.

* РЯ / АЯ – результаты восприятия повторов носителями русского / английского языка.

** Процентные показатели указаны в соответствии с тремя группами реципиентов, работавших с: 1) видеофрагментами, 2) аудиофрагментами, 3) транскриптами.

Библиографический список

1. Арутюнова, Н.Д. Дискурс // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – М., 1998.

Bibliography

1. Arutyunova, N.D. Diskurs // Yazihkoznane. Boljshoy ehnciklopedicheskiy slovarj. – M., 1998.

Статья поступила в редакцию 31.01.12

УДК 811.512.1

Baratashvili E.E. LINGVOSEMIOTICS OF TURKIC LINGUAL GLUTTONIC NOMINATIONS. The object of current study is lingvosemiotic specificity of Turkic nominations in the context of researching the gluttonic (gastronomic) communication phenomenon. Signs of food that carry out multiple functions, such as denotative, instructive, qualificational and evaluational and presenting, are analyzed.

Key words: lingvosemiotics, gluttonic nominations, gluttonic signs, gluttonic system.

Э.Э. Бараташвили, соискатель ВГСХА, г. Волгоград, E-mail: baratash@mail.ru

ЛИНГВОСЕМИОТИКА ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ ГЛЮТТОНИЧЕСКИХ НОМИНАЦИЙ

Объектом данной исследования является лингвосемиотическая специфика тюркоязычных номинаций в рамках изучения феномена глюттонической (гастрономической) коммуникации. Анализу подвергнуты знаки пищи, исполняющие в данном типе общения ряд функций – денотативную, инструктивную, квалификативно-оценочную и презентационную.

Ключевые слова: лингвосемиотика, глюттонические номинации, знаки-глюттони́мы, система глюттони́и.

Пища как одна из базовых жизненных потребностей человека играет знаковую роль в жизни каждого этноса. В лингвосемиотическом аспекте система глюттони́и представляет собой определенную систему знаков, которые охватывают обширную сферу человеческого бытия, связанную с потреблением продуктов питания. В качестве вербальных знаков и невербальных символов этой системы, характеризующей среду обитания этноса, его пищевые пристрастия и соответственно национально-культурные особенности, может выступать набор потребляемых продуктов, способ их приготовления и потребления. В данной статье делается попытка исследования и типологизации языковых знаков, выступающих как отдельные лексические номинации в гастрономической коммуникации.

Глюттони́мами, вслед за А.В.Оляничем, предлагается именовать собственно знаки пищи и её компоненты, которые в самом общем виде исполняют четыре важнейших коммуникативных функций:

1) денотативную, связанную с закреплением в сознании коммуникантов образа еды, ее качества, места и способа ее приготовления, субъектов действий, связанных с приготовлением еды;

2) инструктивную, описывающую процесс приготовления пищи и регулирующую его качественные, количественные, рекомендательные и запретительные характеристики;

3) квалификативно-оценочную, характеризующую социальное отношение к процессу приготовления и потребления пищи, а также формирующую культурные приоритеты в самом этом процессе;

4) презентационную, связанную с ритуализацией глюттонической коммуникации [1, с. 339].

По мнению Н.П. Головинской, денотативной семиотической нагрузкой наделены следующие знаки-глюттони́мы: *локативы, инструментативы, квалификаторы, персоналии* [2].

В качестве *локативов* в тюркоязычной глюттонической системе могут выступать знаки, номинирующие место происхождения продукта или способ его приготовления как прямо, так и косвенно. Например, локативы, номинирующие сорта турецкого сыра: *Poshof çeçil* (чечиль, сорт соленого плетеного сыра из цельного коровьего молока родом из деревни Посхов на северо-востоке Турции); *izmirin yöresel peynirleri* (сорт измирских сыров); *Denizli yöruk peyniri* (сыр кочевника, родом из Денизли на юге Турции); *Malatya peyniri* (сыр, изготовленный из сырого молока по особой технологии с прессованием для отжима сыворотки в южном регионе страны Малатья).

Кроме того, ряд номинаций этого продукта содержит указание на

– топос продукта + способ приготовления: *Konyanin küflü peyniri* (сорт сыра из обезжиренного овечьего молока, плесневевший естественным образом, из вилаета Конья); *Aydin'in*

tulum peyniri (сыр, изготовленный из смеси овечьего и коровьего молока в бурдюке из козьей шкуры в вилаете Айдын на западе Турции); *Bingöl salamura peyniri* (домашний овечий сыр, заквашенный под действием солнечного тепла, из местности Бингёл на востоке Турции);

– топос продукта + форму *Trabzonun telli peyniri* (волоконистый малосольный сыр из Трабзона на Черноморском побережье страны);

– топос продукта + цвет *Edirnenin beyaz peyniri* (сорт азиатского нежного белого сыра из смеси коровьего, козьего и овечьего молока, полученного на пастбищах дельты рек восточной Турции).

Материальный несъедобный мир в когнитивной системе глюттони́и представлен средствами, инструментами и орудиями, которые позволяют проследить динамику превращения пищи от ее добычи до появления на столе готового и даже эстетизированного блюда [1], поэтому и в тюркоязычном глюттоническом семиотическом пространстве *инструментативами* мы будем именовать:

– знаки, номинирующие место приготовления продукта: тур. *mutfak* (кухня), *tandır* (вырытый в земле очаг), *ocak* (печка, топка); азерб. *mətbəx* (кухня). Специфика азербайджанской кухни в большей степени определена способом приготовления блюд в различных видах открытых и закрытых очагов: *təndir, kürə, buxarı, külfə, çala ocak, sac, mangal* и др.

– знаки, номинирующие инструменты, используемые в процессе приготовления и потребления – *mutfak gereçleri* (кухонная посуда и приборы): тур. *su ısıtıcısı, çırpma, kahve makinesi, sıkma, güveç, tava, düdüklü tencere, et lokantası, keçe, kıyma; yonga tava*; азерб. *çömçə, dəhrə, et döyən, havan, qazan, süzgeç, tava, sini, kəfkir, abgərdən* и др.

Знаки-квалификаторы в тюркоязычной глюттонической системе формируют широкое семантическое поле, в котором основные понятия выражены в оппозиционных знаковых доминантах: «съедобный / несъедобный» (*yenilebilir / yenmez*) и «вкусный / невкусный» (*iştah açıcı, lezzetli / lezzetsiz*). Основным свойством этой знаковой подсистемы является её семантическая градуированность:

– шкала вкусовых качеств продукта с негативной оценкой (*yenmez, tatsız*, – несъедобный, невкусный), нулевой оценкой (*yenilebilir* – съедобный, *lezzetsiz* – безвкусный), положительной оценкой (*kokulu, lezzetli* – вкусный, ароматный);

– шкала потребительских качеств продукта: вкусовых качеств продуктов *yemek fazla tuzlu / tuzu az* (блюдо пересолено / недосолено), *fazla biberli / biberi az* (переперчено / недоперчено); готовности продукта к употреблению *abartılı pişmiş / az pişmiş* (переварено / недоварено); *yemek pişmiş / yemek pişmemiş* (блюдо готово / не готово).

Знаки-персоналии номинируют деятелей, связанных с добычей, обработкой, доставкой и переработкой пищи, а также с ее презентацией. В иерархии данных знаков следует различать субъектов, связанных с добычей: тур. *avcı* (охотник), *balıkçı* (рыболов), *sebzecisi* (огородник), *bağcıvan* (садовник), *çiftçi* (фермер), *sütçü* (дойярка) и др.; доставкой: тур. *tedarikçi*, *sağlayıcı* (поставщик), *taşıyıcı* (перевозчик), *aracı* (перекупщик) и др.; обработкой: тур. *derici* (шкуродер), *kasap* (мясник), *yağcı* (маслодел), *değirmenci* (мукомол); потреблением: *tüketici* (потребитель), *müşteri* (клиент), *alıcı* (покупатель); презентацией и подачей: тур. *garson*, азерб. *xörək paylayan* (официант), тур. *metrdotel* (метрдетель), *barmen* (бармен); приготовлением: тур. *aşçı*, зерб. *aşpaz* (повар, кулинар), тур. *şekerci*, азерб. *qənnadı* (кондитер), тур. *fırıncı* (пекарь) и др.

Директивная (или инструктивная) функция лингвистических знаков, описывающих структуру процесса приготовления пищи и регулирующих его качественные, количественные, разрешительные и запретительные характеристики, реализуется посредством «директивных знаков-процессивов», которые «призваны, во-первых, описать процесс подготовки пищи к потреблению, во-вторых, прокомментировать ход процесса и исполнить функцию регуляции процесса, в-третьих, определить возможные варианты, не влияющие на ход процесса в сторону его ухудшения, и, наоборот, наложить ограничения на ход процесса, поскольку некие факторы могут его изменить в сторону ухудшения» [1, с. 343]. Систему данных знаков образуют **дескрипторы**, **комментативы** и **регулятивы**, **пермиссивы** и **лимитаторы**.

Дескрипторы номинируют: а) процессы подготовки пищи к приготовлению (замораживание – *buzlanma*; размораживание – тур. *defrost*, азерб. *donunu açmaq*; очистка – *temizleme*; засолка – *tuzlama*; мытье – *yıkama*, азерб. *yumaq*; нарезка – *kesme*, *doğrama*; замешивание – *yoğurma*; просеивание – *eleme*); б) номинации процесса приготовления (варка – *kaynatma*, *bişirme*; обжарка – *kızartma*, азерб. *gızartma*; пассерование – *buğulama*, тушение – азерб. *buğda pişirmə*, *pörtletmə*; кипение – *kaynama*; солнение – *tuzlama*; шинковка – *doğrama*, *xırda-xırda kəsmə*; раскатывание – *hamuru açma*); в) номинации презентации пищи к потреблению (подача, украшение, раскладка, сервирование – азерб. *süfrəni açmaq*, *gab-gacağı süfrəyə düzmək*); г) предикаты подготовки к приготовлению пищи (чистить, очистить – тур. *deri*), *soymak*, *taş çıkarmak*, *temizlemek*, *yıkamak*, *rezat* – *kesmek*, *doğramak*; засолить – *tuzlamak*; мыть – *yıkamak*; раскатывать – *hamuru açmak*); д) предикаты приготовления пищи (жарить – тур. *qovurmak*, *bozartmak*, *kızartmak*, *kıvamlandırmak*; варить – *bişirmek*, кипятить – *kaynatmak*; тушить – азерб. *buğda pişirmək*, *pörtletmək*); е) предикаты презентации пищи к потреблению (подавать, сервировать, украшать – *hizmet etmek*, *ikram etmek*, *servis yapmak*; раскладывать – *dağıtmak*; наливать, разливать, накладывать, обносить – *dökmek*, *buyurmak*).

Помимо способа тепловой обработки пищевого сырья как в турецком, так и в азербайджанском языке блюда часто номинирует способ механической обработки продукта: *qatlama* (слоение), *dolma* (запужение), *doğrama* (крошение), *əzmə* (раздавливание), *qıymə* (рубленое).

К **комментативам** и **регулятивам** относятся знаки, задача которых заключается в номинировании условий успешного или неуспешного хода и завершения процесса приготовления пищи. Основной особенностью знаков-комментативов является конвенциональная способность наложения условий на сам процесс: *kaynayana kadar karıştırın kaynadıktan sonra bir dakika daha pişirin* – «доведите до кипения помешивая и варите в течение 1 минуты»; *et pişene kadar kaynatın* – «кипятите до тех пор, пока сварится мясо»; *beyaz peynir köfteye daha fazla lezzet verir* – «брынза придает кёфте лучший вкус»; *taze geçi eti olmadığı taktirde dondurulmuş et kullanabilirsiniz* – «если нет свежей козлятины, то можете использовать замороженную».

Регулятивы предупреждают либо о повышении качества приготовленной еды в результате изменения хода процесса приготовления, либо о последствиях нарушения технологии процесса логическим силлогизмом «если...то»: *çorbaya peynir ilave edilirse çorba daha lezzetli olur* – если добавить в суп сыра, то он будет вкуснее»; *yemek ateşten alındıktan sonra, kapağın hemen açılması gerekir. Yoksa, yemek fazla yumuşar* – «если

Регулятивы предупреждают либо о повышении качества приготовленной еды в результате изменения хода процесса приготовления, либо о последствиях нарушения технологии процесса логическим силлогизмом «если...то»: *çorbaya peynir ilave edilirse çorba daha lezzetli olur* – если добавить в суп сыра, то он будет вкуснее»; *yemek ateşten alındıktan sonra, kapağın hemen açılması gerekir. Yoksa, yemek fazla yumuşar* – «если после снятия кастрюли с плиты сразу не снять крышку, то приготовленное блюдо размякнет».

Функционально комментативы и регулятивы смыкаются с **пермиссивами**, обеспечивающими вариативность процесса приготовления пищи и процесса её потребления: *olur* (можно); *olabilir* (подойдет); *tavsiye edilir* (рекомендуется); *uygun* (годится); *yoksa* (за неимением); *olsa daha lezzetli olur* (будет вкуснее, если).

Вариативность процесса потребления обеспечивается знаками типа азерб. *dovğanı içmək də olar* (довгу можно пить из пиалы); тур. *şu balık soğuk olarakta lezzetlidir* (эту рыбу можно есть и в холодном виде).

Лимитаторы налагают на процесс приготовления пищи определённые ограничения, запрещая отклонения от инструкций, регламентирующих процессы как приготовления, так и потребления пищи. В качестве маркеров-лимитаторов используются знаки «не [предикат], иначе» – *yapma, yoksa*. Запретительная директива может сопровождаться комментариями: *kaynadıktan sonra piriñçi yıkayınız, yoksa yapışkan olabilir* – «после варки промойте рис, иначе он слипнется», может быть и сугубо запретительной, без комментариев: *tuzlama* – «не солить».

В процессе потребления знаки-лимитаторы могут и исполнять запретительную функцию регулирования инструкций, связанных с этикетом: *ağzı dolu söyleme* – «не говори с набитым ртом»; *yemeği sol elle alma* – «не бери еду левой рукой».

Образующие семиотическую подсистему знаки-**перцептивы** и знаки-**квалификативы**, выполняют квалификативно-оценочную функцию, которая характеризует социальное отношение к процессу приготовления и потребления пищи, а также формирует культурные приоритеты этноса. Как и знаки-квалификаторы, они структурированы по соответствующим шкалам, однако главное основание их структурированности связано с отношением к количеству и качеству пищи и процессам, с ней сопряженным. В номинацию вовлечены знаки из разных социальных регистров употребления:

– шкала количества: *Çok az, az, buçuk, azar azar, bir damla, tutam, bir kırık, zerra kadar*; азерб. *az-maz, bir parça* – совсем мало, по чуть-чуть, капля, щепотка, крохи, меньше не бывает, кусочек; *az, küçük, birkaç, iyi; tam olarak; normal*, азерб. *bəsti, kifayətdir* – немного, полно, нормально, достаточно, удовлетворительно; *bol, bol-bol, bolluk, dolu, tok, tika basa, boğazına kadar* – в изобилии, в достатке, навалом, полно, до горла, до отвала;

– шкала качества: *kötü; iğrenç, tatsız, tatsız* – безвкусно, пресно; *normal, yeyilir, yemeli, yavan* – нормально, съедобно, довольно вкусно; *tatlı, lezzetli, mükemmel, parmak yalama, göz yiyecek*, азерб. *zor, hoşəm*.

Следуя лингвосемиотической системе описания глуттонимов, разработанной А.В. Оляничем, представляется возможным выделение в особую группу знаков-**идеологем**, связанных с номинацией сферы власти и соответствующей ей идеологии: «связь власти и глуттонии представляется очевидной, прежде всего потому, что вся история человечества свидетельствует о прямой зависимости власти от глуттонического процесса. Потребление того или иного продукта может социально сблизить или дистанцировать, отграничить «своих» от «чужих», наименования еды (как продукта, так и процесса потребления) пронизаны насквозь идеологией в качестве семантического свойства, наделяющего знак» [1]. Знаки-**идеологемы** распределяются по шкале «экономическая доступность – недоступность» или «богатство – бедность». Так, в Азербайджане и Турции мясо и частоту его потребления можно считать «знаком состоятельности»: «Ценность жизни определяется частотой трапез, а главным элементом их является мясо ... азербайджанец должен ежедневно приносить домой большой жирный кусок мяса... Каждый должен уметь добывать мясо и часто устраивать пишества... кто не может добывать мясо, тот постепенно теряет авторитет

и связь с социумом» [3]. Степень бедности также определяется рационом семьи: выражение *quru çöräkdän başqa heç bir şey yemir* («не может себе позволить ничего, кроме корки хлеба») характеризует низкий социальный статус человека.

Таким образом, институт питания, за которым закреплены важнейшие функции реализации базовых потребностей человека, представляет интерес с точки зрения лингвосомиотики,

которая рассматривает пищу как «1) когнитивную систему-конгломерат этно-ориентированных ценностных и культурных доминант, связанных между собой общей идеей потребления для поддержания жизни; 2) особую знаковую систему, состоящую из четко иерархизованных знаков, имеющих свою особую лингвистическую интерпретацию» [4, с. 136].

Библиографический список

1. Олянич, А.В. Презентационная теория дискурса: монография. – М., 2007.
2. Головницкая, Н.П. Лингвокультурные характеристики немецкоязычного гастрономического дискурса: дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2007.
3. Гулиев, Г. Культе еды у азербайджанцев // Kultura.az.: портал культуры и искусства [Э/п]. – Р/д: http://kultura.az/articles.php?item_id=20080606090824350&sec_id=9
4. Астафурова, Т.Н. Лингвосомиотика витальных потребностей: монография / Т.Н. Астафурова, А.В. Олянич. – Волгоград, 2011.

Bibliography

1. Olyanich, A.V. Prezentacionnaya teoriya diskursa: monografiya. – M., 2007.
2. Golovnickaya, N.P. Lingvokulturniye kharakteristiki nemeckoyazichnogo gastronomicheskogo diskursa: diss. ... kand. filol. nauk. – Volgograd, 2007.
3. Guliyev, G. Kuljt edih u azerbayjdzhancev // Kultura.az.: portal kuljturih i iskusstva [Eh/r]. – R/d: http://kultura.az/articles.php?item_id=20080606090824350&sec_id=9
4. Astafurova, T.N. Lingvosemiotika vitalnihkh potrebnostey: monografiya / T.N. Astafurova, A.V. Olyanich. – Volgograd, 2011.

Статья поступила в редакцию 10.01.12

УДК 811.112.2: 81'282.3

Plotnikova U.R. STYLISTIC FUNCTIONS OF DEMONSTRATIVE PRONOUNS IN DIALOGUE (IN THE YAKUT LANGUAGE) This article describes the main stylistic features of demonstratives in the dialogue shown at the examples in the Yakut language. The author highlights those stylistic devices, as well as the modality of speech, which are taken to be used with the demonstrative pronouns.

Key words: dialogue, Yakut language, communicative intention, logical link, the modal value, the stylistic function.

У.Р. Плотникова, ст. преп. каф. стилистики якутского языка и русско-якутского перевода, Институт Языков и Культуры Северо-Востока Российской Федерации, Северо-Восточный Федеральный Университет, г. Москва, E-mail: a-editor@yandex.ru

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ УКАЗАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В ДИАЛОГЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА)

В данной статье рассмотрены основные стилистические функции указательных местоимений в диалоге на примере якутского языка. Выделены те стилистические приемы, а также модальности речи, при употреблении которых используются указательные местоимения.

Ключевые слова: диалог, якутский язык, коммуникативное намерение, логическая связь, модальное значение, стилистическая функция.

Диалог – древнейшая и необходимая форма речи, первоочередную важность которой подчеркивал еще Л.В. Щерба. Работы М.М. Бахтина утвердили важнейший коммуникативный статус диалога, а сегодня лингвистика диалога является самостоятельной языковедческой дисциплиной.

Определенная семантическая диалогичность сопутствует дейктической функции указательных местоимений. Рассмотрим стилистическую роль, которую играют указательные местоимения в диалогической речи на примере якутского языка.

Анафора как единоначатие представляет собой фигуру прибавления, основанную на параллелизме, а именно: повтор начальных слов или словосочетаний в соотносительных фрагментах текста, в том числе прозаических фразах, абзацах и др. [1, с. 20]. Приведем примеры:

– *Манна балыыга*. Манна директор, председатель, начальник диэн суох. Биир тэн ыарыһахтар сыталлар. *Манна* ыарыһахтар, эмтээччилэр уонна корсооччулар бааллар... [2, с. 279] Здесь использована лексическая анафора.

– *Ити былаабы ылаайабыт*. *Ити* курдук манна куруутун тэлибири турдун. [2, с. 308] Повторение местоимения *ити* призвано подкрепить аргументацию.

В лингвистике текста анафора понимается как средство логической связи предложений и более крупных текстовых фрагментов: отсылка к ранее сказанному (написанному) с помощью лексических единиц, замещающих предшествующее слово или слова [1, с. 21]. Е.М. Вольф отмечает: «Для анафоры характер-

на обязательная семантическая связь элементов, обусловленная как семантическим согласованием элементов анафоры, так и широким контекстом». [3, с. 15]. Приведем примеры:

– *Бу манан ити унуоруу* уулуссаба тахсыан, ... уулуссанан туораан уонча хаамыыны уна дизки бардаххына, икки олбуору иккэрдэнэн хороон курдук аһаас баар буолуо. *Ол устун* обуру-оттардаах олбуордарга тийиизбин ойуур устун биэс-алта километры бардаххына, урэх кэлиэ. *Ол урэх унуоругар* дэриэбинэ баар буолуо... *Онтон ыла* наар степь. Хаһан эмэ болкой-болкой тылаах... [2, с. 347]

– Ой! Ураа! Дьон иһэллэр! Ыт сыарбалаахтар иһэллэр! ... Кэлин, кэлин тургэнник! Тургэнник!

– *Ол аата* дьоллоох дьон эбиппит. Симиэрт соботох эрэ киһиэхэ бэрт, оттон добордуу дьонтон куттанааччы. [2, с. 397]

Указательные местоимения могут также служить целям **амплификации**, т.е. увеличения объема высказывания за счет нанизывания семантически и грамматически соотносительных речевых средств. [1, с. 18]. Рассмотрим примеры:

Бултаабатаххыт. Туорт киһиэхэ биир кырс диэн, *бу булт дуо?* *Бу улэ дуо?* Кондой ороскуот. Дьиктитэ баар – *бу Дьэкиим Харалаампыйабыс* кэккэлэһэ учаастактан олорон кэйгэллии сылдьар, оттон эһиги – нуул. *Итини* туох диэн сыаналыахха собуй?

Бу эн манан сабыннабын туутэ буолбакка, кимиэнэй? Атыыр бэйэтэ, суорба кырс, кэлэн баран кирибэтэх. Хайаан кириэй, *бу эн* дьиккэр сытын-сымарын, сизээн кыыл курдук, анылый

сыттаба дии. *Онто суох* кирдээх майгыгытынан булпун кэбин-нэрдигит: хаарыаннаах кырс кэлэн баран кирибэтэх. [2, с. 360]

В якутском языке указательные местоимения также используются в **антитезе** – для усиления выразительности за счет резкого противопоставления, контраста понятий или образов. [1, с. 22]

– Ноолоомо! *Онон-манан* аралдьыйбакка, быйыл кылааһын бутэрэн, салгы уорэххэ барыа этэ дии. Эчки холкуоска таһаартарыам суоҕа. Уолгун буй! [4, с. 18]. В данном случае антитеза выражена с помощью парного указательного местоимения *онон-манан*, что придает однозначный характер и относится к реактивной реплике.

– Дьэ, *итиннэ бабас* сыһабын... [2, с. 161]

Инвектива как выражение агрессии и эмоциональная разрядка говорящего в условиях стресса [2, с. 126] также может выражаться путем употребления указательных местоимений:

Тууй-сиз, хара сордоох, дьоммут бары бардылар буолбат дуо?

Ол ханна бардылар?

Аармыйаҕа, киһиэ. [2, с. 274]

В данном случае постановка вопроса с помощью указательного местоимения способствует созданию инвективы.

Указательные местоимения могут быть подвергнуты **инверсии** – изменению обычной расстановки слов в предложении, которое предпринимается в соответствии с коммуникативным заданием или с целью создания эффекта выразительности. [1, с. 127]: – Митэрэй, дьизм маһын киллэрэн биэрбэкин ээ, бири сыарба хаалбыта, хаар уулара *бу кэллэ*. [4, с. 12]. В данной цитате с помощью инверсии с употреблением указательного местоимения подчеркнута срочность.

Указательные местоимения помогают выразить **интенцию** (в психолингвистике и лингвопрагматике: субъективное желание говорящего строить высказывание с определенной целью, коммуникативное намерение, целевая установка). [1, с. 129]

Кырдыбаас, *ол уолун* тугу улэлиир?

Киһинэ, киһинэ кордорор. Мэхээнник.

Мэхээнник даа? Аата Сэргэй диэн дуо?

Сэргэй, Сэргэй Чокуурап диэн.

Кини эн тороппут уолун дуо?

Бу туох ааттаах бүгүн кун миигин силиэстийэлээн хаалбыт оҕо кунунун?! Тукаам, тороппотох, иппит да буолларбын, оттон оҕом буоллаҕа дии.

Ээ, *ол иһин* да араспаанньабыт атын-атын эбит. Чэ, оччоҕо биһиги кэнники бэйэтин кытта кэпсэтиэхпит. [2, с. 341]

В данном случае с помощью встречных вопросов преследуется цель убеждения. Словосочетания с указательными местоимениями носят анафорический характер, помогают передать состояние утомления от задаваемых вопросов.

Интимизация, когда отправитель речи становится в глазах адресата не безликим источником информации, а личностью, мнения и чувства которой не менее важны для адресата, чем сама информация [1, с. 133], также может достигаться с помощью указательных местоимений:

– Булчуттарга куос куостуур киһи эмиэ наада буолуо, бука. Оннук киһиэхэ – бири мин баарбын.

– Эбээ, *ол эн* кыайан сылдьыан дуо?

– Сылдьыам дии саныбын. *Оннооҕор* суустэриттэн тахсыбыт дьон сылдьаллар дии.

– Чэ, бэйэн бил. [2, с. 282] Здесь указательное местоимение, сочетаясь с личным местоимением, придает коннотацию жалости.

Весьма часто указательные местоимения используются при **парцелляции** (естественное явление разговорной речи, возни-

кающее по причине неподготовленности непринужденной речи, речевого опережения мысли) [1, с. 297]:

– Астан аккаастааппын. Ыччуу-ычча!.. *Бу эн* бараары гыммыккын дуу? Сочетанием указательного и личного местоимения уточняется адресат и задается внезапный вопрос.

Указательные местоимения, по факту своей дейктивности, являются знаками **пропозиции**, то есть отражают фрагменты реальности, стоящие за речевым актом [1, с. 348]

– *Ол ким инньэ диир?* – сана таһааран оҕонньор кэмниэ-кэнэсэс. [4, с. 7]

– *Ол-бу дьэн бу дьахтар*, – аҕам соһуйбут, чэйин сыпсырыйар. [2, с. 167]

Здесь, в первом случае, с помощью указательного местоимения *ол* уточняется факт внетекстовой реальности. Во втором с помощью парных указательных местоимений выражается осведомленность о жизненных фактах.

Градиация (организация эффекта выразительности в однородном смысловом ряду компонентов за счет последовательного возрастания или убывания их семантической значимости) [1, с. 76] также может быть выражена с помощью данного разряда местоимений:

– Тыый, *ол хайдах?* *Ол туох улугэрэй!* Кэпсээ! – тугу да истэ илик учууталлар ууйэ туппугар. [4, с. 13] Здесь замечается восходящая градиация-климакс, с помощью указательных местоимений достигается усиление эмоционального значения.

Кроме этого, в диалоге указательные местоимения придают разные оттенки **модальности**. Е.М. Вольф пишет о модальности: «Там, где местоимения оказываются избыточными в своих основных (центральных) функциях, они приобретают *вторичные (периферийные)* значения, чаще всего модальные. ...местоимение появляется при формах 1-го лица глаголов в настоящем и будущем времени, если необходимо выразить отношение говорящего к истинности/неистинности высказывания с сопутствующими модальными значениями огорчения, иронии и т.п.» [3, с. 24]. Назовем виды модальности:

– **гнев:**

– Аны биһи оннук буолуохпут. Доҕоор, Клим, булду улахан тыыттын, буут биэрэ охсуохха.

– *Одуор. Клим. Ол туохпутунан?* Уһуйоҕу ырыган табанан дуо? Ырааппат бабайыбыт иһи. Уонна булдуо этибит буоллаҕа дии. *Онон* биридэспит дойдутугар баран, Ойуо, коло аҕалын-нахпытына сатанар. Чэ, тал, эн барабын дуу, мин барабын дуу? [2, с. 375].

– **недовольство:**

– *Бу туох ааттаахха* дьоло тустулэр? Хаһан аһыыр буоллахпытый? Бардаллар эрэ тимирэн хаалаллар [4, с. 27].

– **пренебрежение:**

– Ээ, *бу киһи тыла* диэн. Мээнэ баанньыкалыыр [2, с. 272].

– **разочарование:**

– Мин эйигин, биридэ баран эттэххэ, *бу курдук* миигин ытыктаабат, аанньа ахтыбат буолуо дии санаабат этим. [2, с. 354]

– **гордость:**

– *Бу оҕом* улэтэ.

– *Бу- биһиги* университеппыт.

УМ иногда используются в прямом значении:

Кунул Романович хого *бу этэ буолбат дуо?*

Субу. Эн ким диэн этин? [2, с. 337]. В ответе использована архаическая или же диалектная форма УМ *субу*.

Таким образом, стилистическая функция указательных местоимений разнообразна. В приведенных примерах указательные местоимения выполняют следующие функции: дополняющую, уточняющую, подготавливающую, подчеркивающую, усиленную.

Библиографический список

1. Матвеева, Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. – Ростов н/Д, 2010.
2. Сивцев, Д.К. Драмы. – Якутск, 1976.
3. Вольф, Е.М. Грамматика и семантика местоимений. – М., 1974.
4. Плотникова У.Р. Разновидности разговора: учебное пособие. – Якутск, 2011.

Bibliography

1. Matveeva, T.V. Polnihyj slovarj lingvisticheskikh terminov. – Rostov n/D, 2010.
2. Sivcev, D.K. Dramih. – Yakutsk, 1976.
3. Voljf, E.M. Grammatika i semantika mestoimeniyj. – M., 1974.
4. Plotnikova U.R. Raznovidnosti razgovora: uchebnoe posobie. – Yakutsk, 2011.

Статья поступила в редакцию 31.01.12